

PHOTO: JOHNNY MARLOW
INTERVIEW: ADAM CROOKES
HAIR: SAMI KNIGHT
MAKEUP: AMY STROZZI
STYLING: SONIA YOUNG

CROOKES MAGAZINE

MADISON ISEMAN

Annotation

Молодая девушка Милана вынуждена зарабатывать себе на жизнь весьма необычным способом

Но однажды, к ней обращается давний друг, с непростой просьбой

Смогут ли они помочь друг другу и остаться вместе?

Багровый закат весеннего городка просачивается в окна однушки. Игрет музыка певицы Азии из компа. Лёжа на кровати в чёрных шипованных мини-шортах и в синем топе с бретелькой из страз, я листаю ленту «ВКонтакте» и накручиваю белоснежные длинные локоны на палец.

— Через 10 минут буду — пишет Саша.

Недовольно закатываю глаза и тяжело вздыхаю.

— Ок — отвечаю я и страдальчески стону, избивая кровать кулаками.

После, обнимаю подушку с одеялом, роняя на них слезинки и расслабленно плетусь в ванную.

«Господи, Боже! Когда наступит тот день, чтобы я смогла завязать с этим дерьмом...дерьмом, которое кормит меня и позволяет лечить десятки болячек».

Во время чистки зубов, морально настраиваюсь на следующие пару часов жёсткого порева и прокручиваю в голове сцены из взрослых фильмов, так как, только это помогает получить удовольствие.

«Иногда, в добавок к этому, врубаю несколько роликов нужной тематики.»

Звонок в дверь.

Мчусь к ней, впускаю в квартиру стройного высокого парня с небольшой бородкой на лице и фальшиво улыбаюсь

— Я ужасно проголодался. Что на ужин? — устало картавит он, несмотря на меня и заходит на кухню.

— Есть борщ и плов. Что погреть?

— Борща — отвечает он и моет руки в кухонной раковине

— Тебе чай, кофе или компот?

— Компот — садится он за стол, втирая руки полотенцем

— Как на работе дела? — из вежливости спрашиваю я и ставлю перед ним тарелку с супом

— Тяжело. Сегодня у нас поступил заказ на постройку торгового центра в Сызрани. Долго обсуждали разные детали — рассказывает он, хватая кусок хлеба из соседней тарелки, рвёт его на мелкие кусочки и кидает в суп.

— И как, договорились? — продолжаю я, листая диалоги в контакте

— Не особо. Этот жирный кретин ещё завтра и послезавтра припрётся. Так что, не смогу сегодня остаться.

— М, ну, ладно- отвечаю я, внутренне радуясь этому

— Всё, я наелся. Только ты чуть-чуть не досолила. А так нормально. Есть можно- говорит он и выходит из-за стола

«Вообще пофиг».

Сполоснув посуду, я направляюсь в ванную.

«Как же я хочу найти хорошего парня, который стал бы для меня ярким светом в океане отчаяния».

Беру волшебную пилюлю от кошмарного детского удовольствия и запиваю её водой, а потом, иду в комнату.

Он лежит в кровати, прикрыв хозяйство одеялом и закрывает вкладки на телефоне. Я

ложусь рядом, и он начинает дело с нежных поцелуев. Затем, он снимает сменя одежду и усаживает на себя.

«На самом деле, Саша не такой уж и плохой. Он бывает добрым, щедрым, вежливым, когда на работе всё удачно складывается. А если все идёт наперекосяк, то он закрывается в себе, и ему нужна лишь разрядка. Но это не отменяет того, что меня бесят его тупые привычки, с которыми невозможно мириться. Он редко смотрит на меня при общении, глупо шутит, когда смеётся, то иногда, хрюкает. Никогда не говорит «спасибо», ставит себя выше других.»

«Единственное, что мне нравится в наших «отношениях», так это то, что он матерится в постели».

Закрыв за ним дверь, сразу же иду в душ.

Выбирая нужные товары в продуктовом, замечаю, что сзади меня проходят несколько молодых парней, среди которых...

Замираю на месте и сердце на хрен вылетает из груди. В голове звёздочки плывут, глаза цвета неба расширяются до предела.

«Я уж и забыла, как это бывает».

«Мы встретились впервые за долгое время.»

Улыбаюсь, как идиотка, хотя пытаюсь сдержать улыбку и не смотреть на него так настойчиво

«Это лучший парень за всю мою жизнь, с которым мне посчастливилось познакомиться. Он молод и сексуален. С ним никогда не бывает скучно, ведь он шутник от бога.»

«Мы прекрасно общались, а потом.....меня..... я выпала из жизни года на три. А когда вернулась... то кроме родителей у меня никого и не осталось.»

«Как теперь быть? Я безумно хочу с ним пообщаться, но вспомнит ли он меня? Захочет ли со мной общаться?».

Следую за парнями, словно маньячка, рассматривая его и попутно складывая нужные товары в тележку.

«За четыре года он стал выше, причёска поменялась. На первый взгляд, стал более серьёзным, мужественнее, о чем говорят простые черные джинсы, белая футболка и темно-синий пиджак».

Подойдя на кассу, ради приличия, перевожу взгляд на полку с шоколадками и краем глаза замечаю, что он смотрит на меня, от чего успокоившееся сердце вновь начинает бешеные пляски.

Я не выдерживаю и смотрю в его ярко-голубые глаза.

— О, привет, — удивляется он и мило улыбается.

— Привет — не могу отвести взгляда от него и щёчки наполняются румянцем

— Вот так встреча, — продолжает, крепко обнимая меня.

— Да, и правда неожиданно — обнимаю его крепче, чем он меня.

«Господи, поверить не могу своему счастью. Он и правда помнит меня. Он, как и прежде нежен со мной».

— Димон, пошли, — окликает его один из друзей.

— Сейчас, погоди, — говорит мне Дима и выкладывает товары на ленту.

В голове всплывают воспоминания тех дней, когда мы проводили время в большом

кругу друзей или же наедине друг с другом

«Я снова влюбляюсь в него»

В следующую минуту, подходит моя очередь расплачиваться с покупками. В это время слышу, как он говорит парням:

— Парни, подождите меня немного. Я поболтаю с ней и пойдём.

«Оно! Ничего себе!»

«Боже, я так рада этому»

Черт, меня всю распирает от счастья

«Но надо держать себя в руках, чтоб лишнего не сказать»

Мы выходим на улицу, и он закуривает сигарету, а я... меня с ног до головы переполняют мысли о том, какие он вопросы будет задавать и как на них отвечать? Что спросить у него?

Боже, меня всю трясет

— Ну, рассказывай. Как дела? — начинает он и поднимает голову кверху, выпуская сигаретный дым.

— Сойдёт. А у тебя? — отвечаю я и тереблю ремешок рюкзака.

— Тоже супер. Сейчас вот пойдём отмечать день рождения друга

— М, круто. Где-то сейчас работаешь?

— Да, в «Парк Хаусе», в отделе аксессуаров для телефонов. А ты?

«Оу, лучше тебе этого не знать».

— Ты всё так же с родителями живёшь?

— Нет. Уже как два года на съёмной хате.

— Один?

— Да. Сначала с Кристиной жил год, а теперь один.

— А почему? Вы что растлись? — удивляюсь я.

— Ну-да. А что? — хмуриться он

— Да, так. Просто, интересно. Вы были такой хорошей парой. Жалко — как можно естественнее сочувствую я, ибо она меня всегда бесила.

— Да, по хрен на неё, — тяжело вздохнув, кидает сигарету в урну — А у тебя сейчас есть кто-то? — интересуется он, разглядывая меня.

— Неа.

— А живёшь где?

— Тут рядом, на «40 лет»

— Да, ладно? — удивляется он

— Ну-да, а что?

— Нам же в ту же сторону идти с парнями.

— О, прикольно! — улыбаюсь я

— Мы можем вместе пойти, раз нам по пути.

«Боже, неужели, вселенная все-таки услышала мои молитвы?»

— Давай. Буду рада.

— Ну, пошли, тогда — заканчивает он, и мы шагаем к его друзьям

Один из них говорит:

— Диман, ты с нами или...?

— Да, я с вами. Только провожу её.

— Окей

Далее, парни идут впереди нас, а он забирает у меня пакет.

По пути домой он рассказывает мне об интересных событиях за несколько лет и о том, что у него есть свой инет-магазин, в котором он продаёт разные киношные товары.

— Вот, мы и пришли. Спасибо, что проводил и помог донести пакет — говорю я и достаю ключи из рюкзака.

— Пустяки — протягивает мне пакет.

— Была рада встретиться с тобой — подхожу ближе к нему

— Я тоже — улыбается он соблазнительно и смотрит на меня с блеском в глазах

— Если вдруг захочешь заглянуть в гости, то заходи. Я почти всегда дома. Живу на втором этаже в шестой квартире.

— Спасибо за приглашения. Когда-нибудь, да, зайду

— Буду ждать — говорю я и иду к подъезду — Ладно, я пойду. Хорошо вам по тусить.

— Спасибо, и тебе всего хорошего — заканчивает он, и я захожу в подъезд

«Боже, это было сказкой»

«Господи, спасибо, спасибо, спасибо!»

«Блин, а она классная сейчас! Нет, правда! Она круто изменилась за несколько лет, что мы не виделись.»

«Сначала она была самой простой и забавной девчонкой в компании, но потом её, конечно, жизнь потрепала знатно»

«Помню, как мы классно проводили время наедине и в компании. Помню её юбки, платья и шорты до колен, волосы в пучке или хвосте. Сейчас совсем другое дело. Длинные кудрявые белоснежные волосы, соблазнительный яркий макияж, обтягивающий белый топ, из-под которого видна сочная грудь. Бог, мой, а эти обтягивающие, черные, короткие шорты с шипами и цепочкой, разноцветные кроссы на платформе, попа и ноги в них просто отвал башки.»

«Блин, я бы ей вдул...и не один раз...».

«Наверняка у неё сейчас толпа мужиков и на фитнес ходит семь раз в неделю. Иначе, как ещё можно поддержать такую фигуру, словно космос?».

— Тимон, что это за горячая штучка была? — выдёргивает меня из мыслей радужных друг Ванёк

— Одна хорошая знакомая, — говорю я, а у самого в штанах все набухает, — раньше мы с ней в одной компании тусили.

— А чё перестали общаться-то? — снова спрашивает Ваня

— Да, так. Не важно.

— У неё есть кто-то? Я бы с ней зажёг — продолжает Ванька

— Слышь, ты ох***ел? Я её первый забил.

Мы смеёмся.

— Димон, у вас что-нибудь было раньше? — теперь интересуется Серёга

— Нет. А че?

— Ниче. Просто интересно — отвечает Серый

— Эх...Раньше она была другой... — с ностальгией продолжаю я

— А чё ты не позвал-то её с нами на хату? — спрашивает Андрей

— Ты дол***ёб или кто? Как я могу позвать её на тусу, где будут другие тёлки?

— Б***я, да, чё такого-то? Ты же сам ей хочешь вдуть. Так, чё тянуть-то? — всё пытается меня Дрюха

— Иди на***уй. Сам решу, когда её трахнуть — обижено отвечаю я

— Ну, как хочешь — заканчивает Андрей

— В выходные у кого играем в баскет? — спрашивает именинник Глеб

— Давайте у меня. У меня как раз во дворе обновили асфальт на поле и кольцо новое поставили — говорит Серый

— Замётано — говорит Глеб.

Среди объёмных клубов дыма сигарет и кальяна, громкой музыки, тусклого освещения в комнате, море выпивки, еды и красивых девушек, моё внимание привлекает рыжая Ксюша. Мы с ней легко общаемся, смеёмся, обнимаемся. Я подливаю ей алкоголь в стакан, глажу везде, а она оглядывается по сторонам всё время и дрожит, как осенний лист на ветке, покрываясь мурашками от прикосновений.

— Любишь играть в видео игры? — спрашиваю я

— Не знаю. Я ни разу в них не играла. Да, и видеоигр-то я почти не знаю — отвечает она, попивая мохито через трубочку

— У меня на телефоне игр дофига. Хочешь, я могу дать тебе сыграть в них?

— Ну, даже, не знаю, давай — смущается она

— Тогда, предлагаю пойти в комнату, а тут шумно стало-заканчиваю я и веду ее в комнату

Далее, она осматривается и подходит к спортивному стеллажу, а я подхожу к ней и обнимаю сзади. Убираю роскошные волосы назад и нежно касаюсь губами ее кожи на шее. А в следующую секунду, дрожь страсти пробегает по нашим телам.

Она поворачивается ко мне лицом, и наши губы сливаются в обжигающем страстном поцелуе.

Затем, я прижимаю ее к стеллажу и покрываю лицо поцелуями. Кутаюсь носом в волосах, кончиком языка касаюсь мочки уха и ласкаю её вместе с серёжкой. Она стонет, забираясь мне под футболку острыми коготками и впивается в спину, я целую ее в губы, приоткрываю глаза и вижу...

«Мила?!»

Резко с испугом отшатываюсь назад, но та, что передо мной ведет меня на кровать, не обращая внимание на это...ну, а дальше ... дальше, я теряюсь в экстазе и забываю обо всем

Несколько дней спустя, в конце моей рабочей смены пишет мне Глебыч с просьбой зайти к нему ненадолго, передвинуть мебель в комнате, и я соглашаюсь.

Выйдя из газельки на остановку, я закуриваю Винстон и иду к дому друга.

Когда я прохожу по детской площадке, то понимаю, что за мной кто-то идёт, и машинально оборачиваюсь. А после вижу накаченного парня с сердитым взглядом, но не придаю этому значения.

Зайдя в тёмную арку, я слышу:

— Эй, пацан. Закурить не найдётся? — звучит хриплый низкий голос.

Оборачиваюсь и вижу того самого бугая.

Не хочу показаться сыклом, но чую неладное. Поэтому, спокойно отвечаю и протягиваю ему открытую пачку сигарет.

— Да, без проблем.

Он достаёт несколько сигарет и кладёт в карман, а оставшуюся пачку поджигает её и бросает на асфальт.

— Слышь, чувак. Ты какого хрена творишь? — стараюсь держать себя в руках.

— А ты, какого хрена пихал хрен в мою телку? — толкает меня в грудь.

— Какую телку? Ты ничего не попутал? Ты кто на хрен такой? — пихаю его в ответ.

— Ты с ней, гандон долбаный, кувыркнулся на днюхе своего друга. Ксюха её зовут, припоминаешь? — хватает более яростно меня за грудки парень.

— Слышь, дебил. Она не говорила, что у неё есть парень. Так что, ты это с ней вопросы решай. А мне идти надо! — цежу сквозь зубы и срываю его руки с себя.

— Я с ней разобрался, теперь твоя очередь отвечать за поступки! Будешь знать, кого в следующий раз трахать, мудака! — выплёвывает он каждое слово в лицо и бьёт бетонным кулаком под дых.

Скрючиваюсь пополам и падаю на асфальт, харкая чуть ли не кровью. В следующее мгновение прилетает удар массивной ногой в лицо. От боли еле дышу и с трудом осознаю,

что происходит дальше.

Улучив момент, все же удаётся дёрнуть его за ногу. Бугай падает, а я оказываюсь сверху. Душу его, бью по лицу, он сыплет ответными ударами.

Мы оба в грязи, в арке тьма, на улице никого нет, время почти десять вечера.

Он переворачивает меня на спину и продолжает упорно избивать. Сопротивляясь ему, вспоминаю, что у меня на ремешке джинсов есть перочинный нож.

«Этот урод, наверное, весит тонну, не меньше. Да, ещё лупит, как грушу. Надо бы просунуть руку и вытащить нож.»

«Не знаю, каким макаром, но мне это удаётся.»

Резко дёргаю его с ремешка, открываю и вонзаю его несколько раз в область сердца.

Он падает на асфальт. Орёт и извивается от боли, свернувшись калачиком, придерживая рукой поражённую грудь. Матерится на чем свет стоит, а через секунду, вокруг него море крови оказывается

Вскакиваю на ноги, и меня охватывает панический ужас. В глазах темнеет, в ушах ухают сердечные удары, практически глохну от них. Стою там и смотрю, как бугай харкает кровью, давится ею.

Он замирает и хрипит что-то вроде «Тебе не уйти! Ты ответишь!».

Тело наливается свинцом, в голове пустота.

«Ничего не понимаю. Как всё случилось, что и почему?»

Поднимаю окровавленными руками телефон с асфальта и с трудом дышу, будто на плечах гора лежит.

Машинально оборачиваюсь и тишина во круг, никого нет, и это с таким-то ором и дракой?!

«Фуух! слава богу, пронесло, что ментов проклятых нет, иначе мне не отвертеться... хотя, это и странно что он еще не прибыли... ну да, ладно. Мне это на пользу только»

«Б***ять! Ёб***ый в рот.... я его походу убил...» — ору про себя я, понимая, что он замолк и не двигается — «Сука, что же делать? Что же делать?!»

«Не хочу! не хочу из-за этого уroda сесть в тюрьму.»

«Нужно куда-то деть нож. Только куда?» — хватаю его в руки — «О! Дерево!»

Как ищейка зарываю нож под землёй.

«Теперь надо найти место, где можно было бы отмыться и отсидеться пару дней.»

«К Глебычу идти не вариант. Его соседи меня знают, да и... Стыдно, черт возьми. Никто из друзей ещё меня в такой ситуации не видел, и они не знают, что такое тюрьма и убийство...»

«А вот она...»

Оглядываясь по сторонам.

«Я ж совсем рядом с её домом. Но кто я ей, чтоб покрывать меня?»

«О ней никто ничего не знает, кроме предков с братом.»

«Да, я дебил и мудака, что собираюсь идти к ней, но другого варианта у меня нет. А дальше будь, что будет.»

Срываюсь с места и бегу прочь. Стараюсь не привлекать внимания, быстро шагая к её подъезду и задыхаюсь на ходу.

Подойдя к подъезду, дёргаю дверь, и по счастливой случайности та сразу открывается.

«Видимо домофон не работает»

Мигом поднимаюсь на второй этаж и останавливаюсь у шестой квартиры.

«У неё же шестая квартира? Да? Я же не ошибаюсь?»

«Да, точно, шестая!»

«Как же меня щас трясёт, будто за окном минус сорок. Я сейчас грохнусь в обморок, если она не откроет».

Осматриваю липкие, в кровяных разводах руки и сую их в карман кофты. Пару минут пытаюсь продумать план дальнейших действий, а затем трясущейся рукой жму на звонок.

По мне что-то ползает. Открываю глаза, осматриваюсь и прихожу в дикий ужас от увиденного. По всей кровати бегает бесчисленное количество разных насекомых. Не могу кричать от ужаса, могу только открыть рот, не издавая ни звука. Кое-как сползаю на пол и стряхиваю с себя эту мерзость.

В квартире стоит отвратительный запах сырости и этой живности, что аж тошнит. «Слава богу, на полу нет тварей».

Рядом с кроватью, на письменном столе, я включаю настольную лампу в виде шара и выхожу в коридор и вижу картину ещё хуже. У входной двери стоят три гроба. Один маленький, второй чуть выше меня и третий ещё выше.

«Если первые два понятно чьи — это мой и его, а третий чей? Кого он заберёт к себе? Что это значит?»

Вдруг, что-то резко и крепко берет меня за руки и в комнате опять появляется кромешная тьма. Затем, появляется детский плач на несколько секунд, который сменяется на детский смех от милого до зловещего. Некая сущность, которую я не могу одолеть, укладывает меня в узкий ледяной ящик.

В области ног я слышу удары молотком, как будто прибивают на гвозди к ящику деревянные палки-ограждения, чтоб я не могла вырваться, и тут до меня доходит, что я в гробу. Руки крепко на крепко связаны верёвками, я перестаю чувствовать конечности, палки уже у меня перед лицом. Теперь вместо судорожных попыток издать звук, я повторяю судорожно «спаси и сохрани» много раз подряд.

Я леденею, и из последних сил выдавливаю слабый писклявый крик, а затем мёртвая тишина.

Я просыпаюсь с оглушительным криком в квартире, вся мокрая от озноба и слез. У меня безумная истерика, не могу успокоиться. Судорожно стряхиваю с себя то чего нет. То, что сейчас явь я до сих пор не осознаю. В голове так и звучит детский голос, стук молотка и три гроба. Закутываюсь в одеяло и через минуту понимаю, что сижу в кромешной тьме, отчего реальный страх вновь возрастает. Беру рядом лежащий оранжевый фонарь, включаю его и освещаю им комнату.

Хоть страх и ужас не отступают, но я могу хоть как-то встать с кровати, чтоб включить для начала настольную лампу, а потом в одеяле иду к выключателю на стене, чтоб включить свет во всей квартире.

После, возвращаюсь в кровать и выпиваю две таблетки «Эналаприла», ложусь на подушку и вновь засыпаю

После таких умопомрачительных ночей, моё утро обычно, если дома я одна, начинается с прочтения нескольких молитв перед иконою со слезами на глазах. В норму я прихожу под ромашковый чай и шоколад со вкусом мяты.

Вечером следующего дня, меня будит стук в дверь. Я смотрю время на телефоне и...

«Кого могло принести в одиннадцатом часу?»

Стук продолжается. Обхватываю себя руками и иду к входной двери.

Остановившись у двери, я спрашиваю:

— Кто там?

— Милан, это Дима. Откроешь? — как-то нерешительно произносит он.

«Что? В смысле?»

«Нет, с одной стороны, это хорошо, что именно он пришел, а не кто-то другой, но с другой стороны... с чего бы это он решил зайти ко мне в такое время?»

«Да, я приглашала его, но не думала же я, что он и правда придёт, ещё и на ночь глядя».

— Сейчас открою. Одну минуту.

Подлетаю к зеркалу, что у двери и привожу себя в порядок. Снимаю шерстяную кофту и кладу её на полку под зеркалом. Поправляю и проверяю длинную футболку на наличие пятен и дыр, проверяю лицо на предмет чистоты, а затем открываю дверь.

— Привет — радостно говорю я.

— Привет

Моя безумная радость от его прихода резко сменяется на ужас.

— Господи! Что случилось? Почему ты весь в синяках и в крови? — подлетаю я к нему и осматриваю лицо.

— Да, все нормально у меня. Не кричи ты так — залетает он в квартиру и закрывает сразу дверь

— В смысле не кричи?! Объясни мне, что случилось? С кем ты подрался? Я надеюсь, ничего серьёзного не случилось? все живы и здоровы?

— Да, все живы и здоровы — садится он на стул — Я шёл к другу, который недалеко от тебя живёт. Не знаю кто это был, придурок какой-то незнакомый. Ни с того не с сего прицепился ко мне.

— О, боже! у нас вроде и не было-то тут никогда таких уродов. Сильно болит? Где-то раны ещё у тебя есть? Ты вызвал полицию, скорую?

— Нет, не вызывал и не надо вызывать. Он сам ушёл на своих двоих.

— Он один был? А как он выглядел хоть? Нужно обязательно вызвать и скорую и полицию, Дим!

— Я же сказал, не надо никого вызывать! — резко отвечает он — один он был... Не успел я знаешь ли разглядеть его рожу — виновато произносит он с опущенной головой

— Ладно... А что он хотя бы тебе говорил? Почему он к тебе пристал?

— Говорил, что я с его девушкой на вечеринке переспал... Я же не знал, что у неё есть парень.

— Ясно. Ладно, проходи, давай в ванную. Тебе нужно привести себя в порядок — говорю я и беру его за руки

Мы заходим в ванну, я открываю шкафчик над раковиной и достаю оттуда трясущимися руками йод, зелёнку, пластыри, медицинские перчатки и бинты. Меня так трясёт, что вот-вот расплачусь.

— Эй — касается он нежно моих рук, от чего дрожь во всем теле сменяется на слабость. Еще секунда, и я упаду — Можешь, оставить меня одного? Я сам все сделаю. Спасибо, — по-доброму произносит он

— А, да, конечно. Сейчас — отвечаю я и закрываю шкафчик, расставляю все аккуратно на раковине и выхожу.

Раковина в виде ракушки наполняется кровяными потёками

«Урод, ты долбаный! Какого хера ты нож достал? Ещё, как падла последняя, за девкой спрятался. Молодец! Как теперь выкручиваться будешь, говнюк? А? урод. Блять блять, блять. Раз уж приперся, держи язык за зубами. Два дня и чтоб ветром тебя сдуло, козёл безногий!»

Плюю в собственное отражение.

«Жаль, что от зеркала не отскакивает, а то б ещё и по морде все размазал толстым слоем.»

Отмыв несколько раз мылом и гелем для душа руки по локоть, сдираю полотенце с батареи и вытираю руки с таким рвением, что готов и кожу вместе с водой содрать с них. Пальцы ходят ходуном.

Включаю снова воду и выкуриваю три Винстона подряд.

«Легче не стало, но лучше так, чем ничего.»

Смываю месиво под ледяным душем. Что можно и нельзя обрабатываю перекисью.

«А вообще, надо бы оставить всё так. Пусть гниёт.»

«Дерьмо, и куда теперь все девать? Майка и джинсы вроде ещё ничего, хотя последние тоже бы постирать. А лучше и вовсе выбросить».

Чудом нахожу мешок для мусора. Заталкиваю туда кофту и выхожу из ванны.

«В первый раз вижу его таким. Выглядит жутко, аж сердце колет и знобит. Какой-то он... на иголках. Глаза бегают, в крови весь. Надеюсь травм серьёзных нет».

Иду к холодильнику и достаю из него всё, что есть.

«Голодный, наверняка. Ещё б алкоголя ему налить какого-то»

Нахожу в закромах бутылку водки початую и ставлю на стол.

«Блин, ему же нужна свежая одежда. Они конечно с моим папой разные по комплекции, размера так на три, но думаю он не станет привередничать».

Ставлю еду разогреваться. Включаю чайник, выкладываю салат на тарелку и иду в комнату.

Беру отцовскую майку со штанами с полки шкафа.

Из ванны выходит он с йодными метками на лице, пластырем на носу, губе, бинтами на руках, и с зелёнкой на ушах. Едва сдерживаю улыбку.

— Знаю видок ещё тот. Прямо заядлый алкаш, подравшийся за синьку.

Покатываемся со смеха, как дураки.

— Почему же? очень мило. Мужчину украшают шрамы.

— Ага. Только, если они были получены в драке за правое дело, а не от гопоря какого-то.

— Аххаха забей и так сойдёт.

«У него такая милая, пусть и кривая сейчас улыбка. Оттого она милее».

— Я тут подумала, что ты захочешь переодеться, — протягиваю ему вещи отца, — А это давай, — забираю у него мешок с толстовкой, — Хотя, можно бы и джинсы туда же отправить, они все в крови. У меня на балконе металлический таз есть. Устроим кострище.

— Лучше уж сразу в топку. Потом куплю чего-нибудь новое. В любом случае спасибо за заботу. М-м, вкусно пахнет.

— Точно, — кидаюсь на кухню, и как раз вовремя, чтобы спасти ужин.

— Вкусно пахнет.

— Надеюсь понравится и на вкус.

— Я тогда мигом переодеться и тут, как тут.

Я раскладываю порции по тарелкам и минут через пять выходит он.

Начав ужин, он говорит:

— Ты извини, что я к тебе, как снег на голову. Но...

Смотрю в его голубые глаза с полным недоумением и страхом предположить, что он так пыжится сказать.

— Можно я пару дней у тебя поживу?

«Такого счастья я и в самых смелых мечтах предположить не могла. Надеюсь он сейчас не заметил, как округлились мои глаза».

— Ко... конечно, — вот, а голос-то подводит, — Только давай договоримся.

Теперь пришло время ему напрячься.

— Ты не будешь спрашивать у меня разрешения на каждый шаг, почувствуй себя как дома и не благодари так часто. Всегда, пожалуйста. И одно большое «но». У меня всего одна комната и одна кровать, поэтому ты можешь спать либо на полу, либо на кровати. Выбирай, где тебе постелить? — улыбаюсь я и надеюсь, что он выберет кровать.

— Договорились. Тогда я на полу.

«Даже не вериться, что он будет ночевать у меня два дня. Это так классно. Совершенно не хочется думать, почему он не может пойти к себе».

Из шкафа достаю огромный толстый плед, и мы вместе стелим его на пол, рядом с кроватью. Потом Дима с верхней полки берет большую подушку. Майка в этот момент так сексуально повисает на его рельефном теле.

— А укрываться можно пледом, — даю ему второй более тонкий.

— Класс! Солнышко с улыбками то, что нужно.

— Я...

— Да, не, правда круто и мило.

Далее мы укладываемся по местам.

— Как предки поживают?

— Отлично. Мама год, как заведующая кардиологии, а отец на завод ушёл работать.

— Здорово. Привет им передавай.

— Ага — грустно произносит он и шмыгает носом.

Через шерстяные носки ощущаю жжение в области пяток, это как будто раскалённой канцелярской печатью на мне выжигают символы. От пяток жжение поднимается выше. Я осознаю, что это очередной кошмар, но не могу проснуться. Барахтаюсь в кровати, пытаюсь руками и ногами всё прекратить, но ничего не выходит

Внезапно очнувшись с головы до ног в липком поту. Мысленно переkreщаюсь, глядя на Диму мирно спящего рядом.

Тихонечко сползаю с кровати и тянусь за пузырьком таблеток в ящике стола. Трясущими руками достаю таблетку и запиваю её минералкой.

«Но что это в моем рту.»

Лезу туда пальцем и достаю длиннющего червя. Не успеваю заорать потому что в поле зрения попадает Дима.

На нем сидит он, мертвенно-бледный, на открытых участках кожи отчётливо видны вздутые красно-синие вены по всему телу. Он невыносимо сильно зажимает горло Димы, что-то шепчет ему в лицо. Дима сопротивляется ему, но так как зло сильнее его, то Дима теряет силы и начинает бледнеть.

В это же время из меня ливнем льются слезы. Я пытаюсь кричать, но кричу беззвучно. Забываю, что это сон. Он в опасности и его надо спасти, но между нами на кровати образовалась большая клетка с мелкими квадратными отверстиями, через которые я не могу прорваться. Бью по ней кулаками, ногами, неистово кричу.

Маленькое дьявольское существо останавливается и смотрит на меня зловещими красными глазами. Скалит зубы и разъярённо щипит. А затем моментально оказывается у меня за спиной.

Он дьявольски сильно сжимает горло, я задыхаюсь. Сопротивляюсь ему. Он укладывает меня на спину и его зловещее лицо сменяется на довольную улыбку.

— Я заберу твою душу. Ты будешь гнить в аду и сгоришь вся до последней косточки. Я не оставлю тебя, пока не получу своё, — впивается острыми когтями в череп.

Кричу и извиваюсь от боли. Его злющий смех становится оглушительным. Затем мои глаза слипаются.

Чувствую, как меня трясут, бьют по щекам и что-то громко говорят. Раскрыв глаза, я вижу испуганного Диму. Он перестаёт меня трясти, замолкает.

— Твою мать! ты меня чертовски напугала.

Не могу и слова выдать, а следом крепко обнимаю его. Он обнимает меня в ответ и гладит по волосам. Мне удаётся сдержать истерику. Моё сердцебиение и дыхание восстанавливаются.

— Ты в порядке? — интересуется он

— Блин, прости. Прости, что напугала.

— Да, всё нормально — вытирает слезы с лица и гладит по голове.

— Я надеялась, что при тебе такого не будет, извини. — прижимаюсь к нему.

— Тебе принести что-нибудь?

— Нет. Ничего не надо

— Ты вся дрожишь. Давай, я тебе дам плед, чтобы ты согрелась.

— Нет! Нет! не надо, он твой.

— Я настаиваю. Возьми его и согревайся, а я тебе чая сейчас принесу, — укутывает меня в плед.

— Пледа достаточно.

— Хорошо. С тобой полежать, чтобы ты спокойно заснула?

— Нет....мне нужно отойти. Я сейчас.

Вбежав в ванную, я запираюсь. Включаю воду и сажусь на холодный пол, облокотившись на стену. Зажимаю рот руками, чтобы заглушить свою прорвавшуюся истерику.

«Боже, когда же это прекратиться? Оставь меня! оставь, прошу! Пожалуйста! Я уже получила своё сполна».

Чуть позже встаю с пола, умываю лицо и смотрюсь в зеркало.

«Долбаный «Эналаприл» ни хрена не помогает. Надо идти к врачу за новыми таблами»

Открываю глаза и поворачиваю голову в сторону кровати. Милана мирно спит, лёжа на боку. Её рука и светлые локоны свисают с кровати. Солнце подсвечивает её пальцы.

«Так забавно. Смотрю на стройные изгибы её тела и не понимаю, что же в них так изменилось, что стало меня не по-детски тянуть. Да, что там тянуть, вон, какой стояк, от того гляди боксеры лопнут. Ох, а как она прижималась ко мне ночью».

Поднимаюсь и иду в душ от греха подальше.

Войдя на кухню лезу в холодильник, в котором имеются диетические йогурты, остатки колбасы, несколько кусков батона и прочая лабуда, но жрать охота, аж желудок сводит. Достая банку йогурта.

«Чай, что ли поставить или кофе замутить?»

Полез за банкой, которую с двадцатого раза нашёл.

«И кто, блин, придумал кофе в керамике хранить?»

— Да, ёпа, блять.... — ругаюсь шёпотом, уронив из рук керамическую ёмкость на пол.

Через минуту в кухню вбегает Милана с выпученными глазами.

— Упс, — замер, как дебил, возле осколков и лыбу давлю.

— Не шевелись, я сейчас — тараторит она и убегает в ванну

Милана мечется, как электровеник вокруг меня, а я только смотрю на её телодвижения и молюсь, чтоб трусы выдержали.

«Это ж Милана, бро. А с другой стороны...»

Рука сама тянется к её пятой точке.

— Мило тут у тебя, — сажусь на табурет. — Кухня просторная и с душой оформлена.

— Как у всех. Ты кофе хотел?

— Не принципиально. Слушай, я тут глянул, у тебя особо и поесть-то нечего.

— Ааа... Я сейчас мигом сгоняю в «Пелик», — отвечает она и бежит в коридор, — хочешь со мной пойти?

— Да, не суетись так. Подумаешь йогурты диетические.

Звонко смеётся она и так тепло как-то на душе стало, что ей нравятся мои шутки.

— Я могу яичницу или омлет сделать — возвращается она на кухню.

— О! Супер, давай.

— Момент, — закручивает волосы в пучок.

«Девчонки его ещё как-то называют так смешно, но не суть. Главное, что он ей очень идёт.»

Достаёт сковороду из ящика и прочие ингредиенты для завтрака, а я смотрю на неё и улыбаюсь тому, как она суетиться для меня и пытается сделать идеально.

— А ты давно так похорошела? Классный цвет, кстати, — оцениваю изгибы её тела.

— Спасибо, — хоть она и в пол-оборота ко мне, но вижу, как её щеки румянятся.

«Не помню, чтоб она так раньше реагировала. Подумаешь, цвет волос заметил. Банальщина ж откровенная. Но приятно, когда тебе верят».

«Омлет получился вкуснейшим, чтоб я так всегда ел. Даже на душе полегчало. Если такое вообще возможно в моем положении».

«Вспоминаю вчерашнее «ЧП» и на душе стало хреново на минуту. Хорошо, что Милана с утраца своими формами спасла положение, а то бы жёстко загнался. Жахнуть б сейчас пол

литра горячительного, а потом забыться. Ладно, Димон, соберись».

Мысленно бью себя по щекам и чувствую её пытливый взгляд на себе, пока она вытирает посуду.

— Ты как? Давай, посмотрю, что там с руками у тебя?

— Норм. До свадьбы заживёт, — прячу руки под стол.

— Вот, ты осел упрямый. Давай, не капризничай, — настаивает она, и достаёт из шкафа пластырь и ватные палки с йодом, а я тяну к ней руки.

«У неё такие нежные пальцы, ухх, и морщинки в уголках глаз, когда смущается. Так мило губу закусывает.»

«Черт, всегда, когда нервы на пределе, мысли только об этом в голове выются».

Морщусь непроизвольно от боли, когда она аккуратно обрабатывает раны.

— Больно? — испуганно смотрит на меня Милана.

— Щекотно. Правда, Мил, не надо. Как-то неудобно.

— Неудобно спать на потолке. Сиди и не дёргайся, а то заражение ещё получишь, будешь знать.

«Чувствую себя ребёнком. Роль мамочки ей к лицу.»

«Так надо срочно переключаться на что-то.»

«Не думал, что перекантоваться пару дней у подруги будет так сложно.»

— Да, хорош. Возишься со мной, как с инвалидом.

— Ой, извини. Входная дверь прямо по коридору, — хихикает она, — Кстати, джинсы я спасла.

Вхожу в ванну и снимаю барахло её отца. Надеваю чистые и ароматные от порошка шмотки и возвращаюсь на кухню.

— Чем сейчас занимаешься? Работа, все такое? — спрашиваю я.

— Работы почти нет, то там, то тут. Сам понимаешь, что после того, что было невозможно устроиться на нормальную работу — рассказывает она и поливает цветы

— Да, блин, это же просто стечение обстоятельств.

— Ага, пойдя, объясни это кому-то. Будь ты на месте его родаков, ты бы так не говорил. Всё-равно, я должна была лучше за ним следить. Я же прекрасно знала, что у него шило в жопе.

— Хватит винить себя в этом. Что случилось, то случилось. Ничё уже не изменишь, — беру её за руку и вскакиваю с места, — Я кое-что придумал. Давай, мы с тобой отвлечёмся. Знаю отличный способ поржать.

Милана хмурится, не доверяет.

— Пошли, — тащу её в комнату.

Расчищаю место побольше и оглядываюсь по сторонам. Вижу комп, уже хорошо, телик есть, тоже хорошо, но это потом.

— У тебя есть цветные карандаши и несколько листов белой бумаги?

— Сейчас дам — теряется она и идёт к столу.

— Ещё нужна не нужная белая простыня.

Она достаёт полотно с полки шкафа и спрашивает:

— А тебе зачем?

— Не тебе, а нам.

Беру карандаши, бумагу и расстилаю простыню.

— Рисуем круги рядами, — достаю определённые цвета и даю ей.

Сам я вырезаю круг и рисую символы ног и рук вместе с разноцветными кругами.

Спустя минут двадцать, поле для твистера готово.

— Советую сменить халат на что-то спортивное — предлагаю я.

Милана недоверчиво по-прежнему смотрит на меня, но уходит в ванну, чтоб переодеться.

«Лосины, топ и голый живот. Бог мой, на что я подписался. Сам виноват».

Кручу первым стрелку и ставлю руку на круг, также поступает и Мила. Сначала это не кажется ей настолько уж забавным, но, когда наши тела совсем связались друг с другом в узел, тут уж нас обоих не остановить. Мы ржём, как кони, слезы брызжут из глаз. В итоге мы падаем, и она оказывается подо мной. Чувствую каждый изгиб её возбуждённого игрой тела.

Мила облизывает губы, нервно сглатывает, возбуждённо дышит и не сводит с меня глаз. Делаю тоже самое. Это сильнее меня. Впиваюсь в её губы, сочные, пухлые губы.

«Это, это...это фантастика».

Мы переворачиваемся сначала на бок, я обхватываю руками и массирую её пышную грудь с ягодками, а потом она и вовсе оказывается сверху, не отрываясь от губ. Наше возбуждение на пределе.

Её красивое и сексуальное лицо с телом резко сменяются на рожу дохлого придурка.

Отталкиваю Милу и вскакиваю на ноги, будто меня током шибануло. Раскалённый член моментально падает и сердце сейчас выпрыгнет из груди.

«Козёл сраный! Такой кайф обломал»

Пулей лечу к толчку и оставляю там весь завтрак. Представляю, как напугал Милу.

— Дим, ты там как?

— Всё норм. сейчас выйду, погоди.

— Я что-то сделала не так или тебе не понравилось?

«Она сдурела так думать? Все было прекрасно».

— Мил, всё было прекрасно, честно. Дело не в тебе.

— Может у тебя сотрясение и нужно вызвать врача?

— Говорю ж всё нормально. Не надо никого вызывать, — выхожу к ней.

— Ты иди лучше полежи в кровати, а я суп сварю. Может, полегчает, когда поешь тёпленького.

«Господи, когда она стала такой безумно сладкой? Вдобавок, у неё наверно часики натикали, вот в мамки и захотела»?

Короче, спорить не стал. Иду в комнату и ложусь на кровать.

Часа через четыре просыпаюсь. Поднимаюсь на локтях и вроде картинка не плывёт.

«Уже хорошо».

Милка рядом сидит.

— Ты как? — прикладывает нежную руку к лицу.

— Все ок. Успокойся ты.

— Ага, успокоишься тут, когда всякие Димы на голову сваливаются.

— пардон. Ты единственная, кто рядом оказался. сейчас вот в себя приду и свалю.

— Ага, размечтался. Кто тебя отпустит, — хихикает она, — ночуй у меня, сколько хочешь. Я все равно одна живу и временами со скуки дохну, а с тобой в десятки раз веселее, — мечтательно закатывает глаза, — прям как раньше.

— Да, в те времена было офигительно, — соглашаюсь я и ложусь на подушку — Кстати, вкусно пахнет.

— Хах конечно, вкусно. Я борщ сварила.

— О, зашибись.

— Пошли кушать.

«Девчонки, умеющие готовить, самый сок».

За ужином я предлагаю ей поиграть в видео игры, и она с радостью соглашается.

Пока Мила прибирается, я настраиваю комп так, чтобы поиграть с ней на телике в «Марио».

«Помню, как ей это нравилось тогда. Мы часами играли. Родаки жёстко нас гоняли за это. Боялись, наверное, что мы не совсем играем. С ней прикольно играть, но помимо «Марио» я бы сейчас поиграл с ней во что-нибудь другое».

Она входит в комнату, садится рядом, и мы начинаем играть. Ближе к утру мы на «контр страйк» перешли.

«Никогда б не подумал, что моя девочка может быть такой кровожадной. Стоп. Что? Я назвал ее «Моя девочка»? Видимо меня слишком сильно вчера долбанули, что теперь она и её шикарное тело не выходят из дурной башки ни на минуту, особенно после «твистера»»

«Какой же это кайф, просыпаться без ночных кошмаров, когда рядом... на полу лежит любимый друг... с которым я вчера впервые поцеловалась и чуть не отдалась страсти... когда наши губы слились во едино я дико возбуждалась. Это было прекрасно, я горела от удовольствия и желания продолжения. Черт, как же давно я не испытывала такого наслаждения. Мне безумно его хочется, и он меня хочет, это видно не вооружённым взглядом. Между нами происходит волшебство. Раньше у нас никогда такого не было. Не знаю, как у него, но у меня точно было куча эротических фантазий с ним, несмотря на то, что мы были оба не свободны. Может, повезёт и в его присутствии у меня пока больше не будет кошмаров.»

«С таким прекрасным настроением хочется купить торт и приготовить пиццу»

Любуюсь спящим другом и лажу его по голове.

Принимаю душ и выбегаю в магазин у дома.

По возвращению домой у подъезда встречаю соседок.

— Здравсти, тётъ Галь

— Здравствуй, Милан. Смотрю, ты сегодня вся светишься от счастья. Жених, небось, появился?

— Ааа нет. Друг хороший пришёл ко мне.

— Хорошо, что хороший. Но все равно не давай себя в обиду.

— Ладно. А у вас как дела?

— Сойдёт. Сейчас вот с жэка пришла, эти наглые работники опять повысили цену на горячую воду. Сил с ними нет. Да, ещё в духоту у них там такая очередь. Просто кошмар.

Я смеюсь.

— Пока стояла в очереди, слышала, как один мужчина с нашего дома рассказал, что в арке 45 дома нашли мёртвого парня в луже крови. Говорят, ему было около 30. С кем-то подрался и ножом его пырнули. Сейчас там полиция ходит, всех опрашивает, кто что видел, кто что слышал.

— О, господи! Ужас какой! нашли того, кто это сделал?

— Ой, не знаю. Не слышала об этом.

— Понятно. Я пойду, тётъ Галь. Не болейте. До свидания.

— Пока, Милочка.

— Дим, я дома.

— Здорова — выходит ко мне из кухни.

— Давно встал?

— Нет, минут пятнадцать назад. А ты с магаза что ли? — берёт белый пакет, — Че вкусенького купила? — заглядывает в пакет по пути на кухню,

— Так... всего по немного — он выкладывает продукты на стол, а я убираю их в холодильник — Сейчас возвращаюсь домой и с соседкой встретилась у подъезда. Она рассказывает, что в арке соседнего дома нашли труп какого-то парня. Там сейчас полиция всех опрашивает, ищет убийцу. Капец, короче, — договариваю последние слова и замечаю, что выражение лица Димы на глазах меняется. Улыбку, будто ветром сдувает, — Дим, ты чего? — подхожу к нему и кладу руку на плечо.

— Всё нормально, просто задумался.

— Ладно. Что приготовить на завтрак и обед?

— Без разницы.

— Хорошо — отвечаю я, включаю плиту и ставлю на неё кастрюлю с водой.

— Это... Милан ааа?

— Что?

— Я это... ммм... аа домой сегодня пойду... мне там.... надо

«Блин, всё ж прекрасно было. Не хочу, чтоб он уходил»

— Жаль. Может, все же останешься? Пожалуйста! Мы вчера...

— Я бы с радостью, честно. Но не могу.

— мы же увидимся в ближайшие дни? Можно будет сходить куда-нибудь погулять.

Вспомнить прошлое. Как раньше потусить.

— Да, давай, встретимся.

— Отлично. У меня ещё скоро день рождение...

— Пятого, я помню

— Придёшь?

— Постараюсь.

— Хорошо, договорились.

— Тебе может помочь с готовкой?

— Да, можно бы.

— Командуй, мой капитан.

— Так, для начала почисть картошку, а я сейчас переоденусь и вернусь.

— Так точно, — прикладывает руку к голове, как к фуражке

«Если он придёт на день рождение, то это будет шикарно. Хоть бы он пришёл»

«Может, если я сейчас что-нибудь придумаю, то он останется у меня? Тогда надо надеть полупрозрачную чёрную футболку с вышитыми звёздами спереди, из-под которой будет виден красный лифак»

Переодеваюсь и возвращаюсь на кухню

— Штук 6 хватит или больше не надо?

— Давай, ещё штуки две — подхожу к холодильнику и достаю оттуда необходимые продукты

Затем встаю рядом с ним, собираю волосы в пучок, выпячиваю грудь вперёд и кидаю на него короткие взгляды. После этого нежно провожу рукой вниз по его руке и приступаю к натиранию моркови. Стараюсь как можно сильнее и быстрее тереть морковь, чтобы трясся стол и грудь, которая ему нравится и наблюдаю за ним. Он пока не реагирует на меня и смотрит только на картошку, нарезаая ее.

«Вчера он был таким игривым, весёлым, соблазнительным, мы целовались и чуть не занялись любовью, но что с ним стало сегодня? он молчит, не реагирует на меня, даже когда я ещё несколько раз касаюсь его. С ним что-то не так. Я редко видела его таким, и то, когда видела, то обычно он был в таком состоянии из-за ссоры с кем-то. Мне, конечно, интересно знать, что у него случилось, но думаю, что не стоит к нему лезть с расспросами, сам расскажет, если захочет. Буду радоваться, что он тут рядом со мной, хоть скоро и уйдёт»

Он кидает картошку в кастрюлю, выкидывает кожуру и уходит в туалет, а я в это время думаю, чем скрасить неловкое молчание и напряжение между нами.

На мой телефон приходит смс.....от....Саши:

«Здорова. Я послезавтра уезжаю в Москву в командировку на месяц, так что, предлагаю встретиться. Как обычно у тебя?»

«Черт! твою мать! я о тебе забыла и тут ты, блин»

Нервно закусываю губу и смотрю на дверь в туалет.

Пишу ему, что позже отвечу и сразу он отвечает: думай быстрее.

«Ты издеваешься надо мной?»

Быстро и не хотя принимаю решение.

«Завтра днём у тебя»

Он моментально отвечает: Оок. Жду тебя в 3 часа дня. Не опаздывай!»

«Пошёл ты» — убираю телефон в карман.

«Придурок! весь настрой испортил. Бесишь, сука» — склоняюсь над столом, закрывая лицо руками.

Пытаюсь успокоиться и настроиться на Диму. Как только я выпрямляюсь, то с края стола падает ёмкость с солью.

«Твою же мать, сука» — вырывается из меня в слух.

Шёпотом ругаюсь. Закатываю глаза и киплю от бешенства.

Беру совок с веником и сметаю мусор.

Собираясь встать с пола, чувствую сзади его присутствия. Он садится на стул, прислонившись к стене, несколько секунд печатает что-то в телефоне, потом играет звук выключения телефона, и убирает его в карман джинс.

Мою руки и подхожу к нему.

— Я тут подумала. Может, ты скачаешь на ноут каких-нибудь игр, чтобы было чем заняться без тебя.

— Да, без проблем — встаёт со стула.

Мы стоим близко друг другу, не сводим друг с друга глаз, а затем я не выдерживаю и...страстно целую его.

Он запускает одну руку в волосы, а другой ласкает мою попу с грудью. Запускаю руки ему под футболку и тяну за собой, усаживаясь на чуть грязный стол. Прижимаю его к себе, он поддаётся мне, сжимает в сильных раненых руках бедра. Хочу снять с него футболку, но он не позволяет этого сделать, хоть и ощущаю его железную эрекцию. Снимаю с себя чёрную футболку в надежде, что он теперь меня не остановит, и расстёгиваю пуговицу на его джинсах.

Как только касаюсь его члена через боксеры, он убирает мою руку с себя, отрывается и виновато смотрит на меня.

— В чем дело? почему ты остановился? — сдержано спрашиваю я.

Он опускает виновато голову вниз, закрыв глаза, а затем нежно меня целует и отвечает:

— Прости, я не могу....я...я очень тебя хочу. Ты великолепна, соблазнительная и превосходная, но... прости.

— Но почему? — спокойно спрашиваю я.

После паузы отвечает он:

— Я не могу сказать и, пожалуйста, не спрашивай меня об этом. Но... но, так будет лучше, если у нас сейчас ничего не будет. Просто, поверь мне, пожалуйста. Как бы банально это не звучало, но... дело не в тебе, а во мне — отвечает он и отходит к кухонному гарнитуру, застёгивая штаны — пойду, установлю тебе игр на ноут.

Я продолжаю сидеть на столе, не понимая ничего и с горькой обидой внутри. Пытаюсь

сдержаться и не выплеснуть на него весь негатив.

Закончив с готовкой, вхожу в комнату. Он сидит спиной ко мне в позе лотоса и устанавливает какую-то игру. Подхожу к нему и говорю:

— Там обед готов. Ты сейчас будешь кушать или позже?

— Сейчас приду

— Окей — возвращаюсь на кухню.

Накладываю картошку с поджаркой по тарелкам, расставляю кружки с чаем, он входит и садится на стул.

Через несколько минут молчания я начинаю:

— Извини меня. Я наверно не должна была этого делать.

— Забей... давай, закроем эту тему — мягко говорит он — Но это не значит, что ничего не было. Это было, и мне понравилось....

— Ок... ты прав.... так что всё нормально.... ведь всё же нормально между нами?

— Да, всё отлично.

— Хорошо... ааа ладно, чем планируешь заняться по возвращению домой?

— Надо решить одну проблему, а там.... видно будет.

— М, понятно. Ладно, удачи тебе. Я в тебя верю. У тебя всё получится.

— Спасибо. А ты чем завтра займёшься?

— Надо будет съездить завтра на кладбище к бабушке, а потом к родакам зайти, навестить их. Вот и все.

— и тебе тогда удачи завтра.

— Спасибо.... а ты скоро уходишь?

— Часа через два, а что?

— Так, просто.... добавки хочешь?

— Нет, спасибо. Всё было вкусно — говорит он, выходя из-за стола.

В следующие полтора часа под просмотр телевизора мы болтаем о том, о сём. Он показывает свой интернет-магазин в вк, и я выбираю себе в подарок на день рождения несколько товаров из его каталога.

После этого мы на несколько минут замолкаем, пялясь в телик.

— Мне пора идти — грустно говорит он.

— Хорошо — отвечаю я, и мы идём в прихожую.

Он обувается и надевает чёрную кофту, а я, не отрываясь, смотрю на него. Он поворачивается и говорит:

— Милан, спасибо тебе за всё

— Пожалуйста — отвечаю я и подхожу к нему в плотную, взглядом умоляя о поцелуе и остаться.

«Понимаю, что это глупо, у него своя жизнь, у меня своя. Он сам должен принять решения остаться со мной или нет»

Он запускает руку в волосы, от чего я вздрагиваю и покрываюсь мурашками. Чувствую, что он тоже хочет меня поцеловать, но не решается на это. Затем он крепко меня обнимает и гладит по волосам, а я крепко обнимаю его и вдыхаю его аромат.

— Ладно, я пойду — говорит он и отрывается от меня — береги себя.

— Спасибо... ты тоже.... — улыбаюсь я — я жду тебя на дне рождения

— Постараюсь — улыбается он и выходит из квартиры.

«Выбегаю из подъезда, хотя всё бы отдал, чтоб остаться с ней, и, взять бы её на том столе. Как подумаю, так в штанах снова все шевелится и растёт с космической скоростью. Какой же соблазнительной она стала и не только соблазнительной. С ней просто хочется быть, а от этого хочется бежать прочь, чтоб пятки сверкали. Как я мог прийти к ней и подвергнуть такому риску? Я безмозглый идиот, думающий членом. Не сегодня, так завтра найдётся, тот, кто видел, как я этого упыря завалил. Главное нож надёжно спрятан и нескоро найдут»

«Вот, дерьмо!»

Полицейская машина метрах в ста от меня. Прячусь в арку и по параллельному двору, натянув капюшон толстовки пониже, утекаю в сторону автомагистрали, где теряюсь в переходе и метро.

Впрыгиваю в вагон, сердце колотится, как бешеное. Сажусь на диван и утыкаюсь в телефон.

«Куда теперь податься? Где залечь на дно? Никто ж не поймёт, да и подстава не помужски это»

«Бля, триста номеров, а написать-то и некому. Загляну к родакам, чтобы перевести дух, успокоиться и снова что-то придумать»

Выхожу из метро. Закуриваю, пинаю носком кроссовка камни, а мысли все о ней.

«Я конечно не стал пытаться её, не моё это дело. Но интересно, кто её так взбесил, пока я нужду справлял. Она после этого огнём пылала, чуть меня не спалила. Чёртово огненное пламя, эта Милана»

«Пришлось толстовку на пах натянуть, а то скажут маньяк, блин.»

Захожу в подъезд, открываю дверь, родителей ещё нет. Иду к себе, включаю комп и зависаю в нём часа на три.

«В Яндексe написано, что за убийство при самообороне дают срок от 2–3 лет, но можно и условкой отделаться. Блин, какая разница в этом, если всё равно срок в компании всяких отморозков похуже меня мне гарантирован. Так, ладно, во-первых, нужно зайти к себе домой взять самые нужные вещи. И... Ещё надо телефон выкинуть к херам собачим и всю историю поиска на компе почистить. Во-вторых, обязательно нужно увидаться с предками, неизвестно, когда я в следующий раз их увижу».

Тяжело вздыхаю.

«Едем дальше. Надо найти новое место, где меня не будут искать. Отсижусь там какое-то время, а потом со временем смирюсь с участью и приму её как должное, но это потом. Ещё надо придумать несколько версий как всё было и как доказать, что это была самооборона».

В комнате появляется мать, от неожиданного появления, которой чуть со стула не падаю.

«Она орёт, что я в уличной обуви ввалился, а то, что у меня глаз с трудом видит и руки по локоть в бинтах, это ж так фигня. Ладно, хоть жрать позвала и то хорошо.»

Чищу браузер в компе и захожу на кухню.

С порога в нос ударяет вкусный запах маминога рагу, аж живот к позвоночнику прилип от такой вкуснятины. Она спрашивает о доспехах на теле, на что ей отвечаю ей: якобы с

парнями по пьяне мерились физической силой, а она верит и выставляет рядом со мной тарелку с рагу и кофе с молоком. После сытного ужина с добавкой целую мать в щеку, благодарю за заботу и возвращаюсь в комнату.

Сажусь за комп, вспоминаю все знакомые богом забытые места в нашем городе. Захотелось посмотреть на компе альбом с фотками нашей семьи в полном составе. Вот фотка, на которой мы здесь в квартире на мамкином дне рождении несколько лет назад. На фото я, мама, папа, старший брат Миша, бабушка и дедушка. Следующее фото мы с родителями летом в деревне у бабушки с дедом.

«О, точно! вспомнил одно забытое местечко — надо валить в деревню в дом покойных бабушки и дедушки. Там у нас дом остался, мы давно туда не ездили. За это время он там по любому тысячу раз промёрз, заплесневел и зарос травой. Предки про него сто раз забыли. Так что, это норм вариант. Надо ещё погоду на ближайшие дни посмотреть.»

Прощаюсь с родителями, выхожу из подъезда, проверяю в кармане деньги на проезд и еду к себе на квартиру за вещами.

Захожу в квартиру, собираю в спортивную сумку необходимые вещи, хватаю из шкафа подарок Миланке, который она захотела с моего инет-магазина и направляю адидасы в деревню

Спустя часа три приезжаю к двухэтажному светлому дому, который освещает фонарный столб во тьме ночной

«Бля, ну и трава тут выросла. Выше окон первого этажа».

На крыше полным-полно листьев и птичьего помета. Оглядываюсь вокруг, ни души, спокойно, жарко, хорошо. Слышны только далёкие звуки коров и всякой живности.

«Как же я обожал летом сюда приезжать. Тут недалеко от дома есть футбольное поле и речка. У меня тут было полно друзей-пацанов. А какие пирожки пекла бабушка, м-м, объединье»

Закуриваю сигарету и вспоминаю свою молодость, как в последний раз тут весело проводил время с друзьями и с семьёй.

Помню, одно лето бабулька сводила меня с соседской девчонкой Маринкой, но я ж тогда с Кристиной — сукой тупой встречался, любил эту тварь несколько лет. Она была первой и единственной девушкой. Чтоб её двадцать раз переехал вдоль и поперёк грузовик. Из-за неё теперь завязал с этой хренью, любовью. Ну, на хер это дерьмо вонючее — отношения-хушения, любовь-хуёвь, верность-хуерность, честность-хуестность. Пошло оно всё в жопу. Чёрт, лан, не буду об этом, забот и так хватает, а в голове дурдом из дохлых тараканов поселился».

Выкидываю окурок и захожу в дом.

«Бля, ну и воняет же тут... всяким разным. Чему бы тут стухнуть? плюс пыли немерено.»

Первый этаж в целости и сохранности. Оглядываюсь, ставлю сумку на пол, открываю все окна. Иду на кухню и понимаю, что в холодильнике источник вони, аж страшно его открывать. Сначала открываю окно, затем холодильник и офигеваю. Половина холодильника в плесени, на одной из полок стоит тарелка с несколькими тухлыми помидорами с червями. Рядом в таком же состоянии пакет с хлебом, банка компота, несколько черных яиц и пара штук моркови.

«Ну, на хрен это дерьмо. Аж затошнило от этого»

Иду на второй этаж, по пути распахивая везде окна и проверяя комнату бабульки с

дедушкой. Захожу в свою комнату. Слева от меня стоит диван зелёного цвета, на котором 9 лет назад мы с Крис... тинкой лишали друг друга невинности.

«Кристина-тина- критинка глупая. Бля, ещё больше затошнило от воспоминаний.»

«Таксс... надо утром навести тут шмон»

Ну, а сейчас я стелю постельное, ложусь в кровать и пока не вырубит рублюсь в сталкера.

Проснувшись по утрам, беру из сумки пару тысяч, выхожу на улицу и направляюсь к единственному ближнему магазину за всем необходимым.

После чего в двух парах резиновых перчаток с отвращением отмываю холодильник и некоторые предметы мебели.

«После его ухода было трудно уснуть, но к счастью спала без кошмаров, а потом на завтрак по привычке начала накладывать еду в две тарелки. Невероятно, как за сутки он смог меня одурманить собой больше, чем за 3 года нашего постоянного общения. Ягодный вкус его губ так и стоит у меня на губах и во рту. Запах Чупа-чупса застрял в носу и до сих пор витает в квартире»

«Мне ужасно не хочется никуда ехать и бессмысленно изображать удовольствие, загаживая и так идиотскую душу, но выбора у меня нет»

Приехав в жилой комплекс «южный бульвар» хмуро иду к нужному подъезду многоэтажки, поднимаюсь на этаж, подхожу к двери и остаиваюсь. Набираюсь сил и терпения перед следующими 2 часами отвратительности, нажимаю на звонок и фальшиво улыбаюсь.

— Здорова

— Привет

— Пить, есть будешь? — спрашивает он, опираясь плечами о стену и, сложив руки на груди.

— Нет, я не голодная.

Он подходит ко мне, небрежно кладёт тощую руку на плечо и ведут на кухню.

— У меня классное вино есть, советую выпить. Не пожалеешь

— Мне не обязательно пить, чтобы сделать дело.

— Хоть глоток. Когда ещё удастся такое испытать?

— Я же сказала, что не буду.

— Какая ты сегодня дерзкая. Впрочем, так интереснее, — пере направляемся в его комнату.

«До жути противный цвет шоколада. Это ж, кто додумался до такой пошлости».

— Я скучал по тебе, детка, — прижимается губами к шее, — Я тут в Москву еду. Может вместе махнём, — кладёт руку на грудь, — Хоть столицу посмотришь, вырвешься из этой дыры. Когда ещё у тебя будет такая возможность? Сама посуди, — усаживает на кровать.

— Нас и тут неплохо кормят.

— Вот, ты глупышка. Все нормальные люди давно свалили из нашего городка, а ты все сидишь, цепляешься неизвестно за что, — гладит меня по спине шершавыми пальцами.

— Ну, значит, я ненормальная. Как и ты, — натянуто улыбаюсь.

— Ну-ну.

«Баранки гну. Засунь ну-ну в жопу себе».

— Ладно, может, хватит болтать. Покончим с этим побыстрее и разбежимся?

— И куда ж ты все летишь так, птичка? — тянется к губам, проводя рукой по левой ноге.

— Дела

— Жаль, я б хотел, чтобы ты у меня осталась. А утром бы я тебя отвёз домой — пробегает губами по шее

— Нет, я же сказала.

— Ну, ладно. Кстати, я могу тебе сегодня дать чуть больше, если только хорошо поработаешь волшебным ротиком. Как тебе такое предложение? — расстёгивает пуговицы

на джинсовке.

— Сколько?

— Тридцатку. Не думаю, что десятка будет тебе лишней. Так что, не отказывайся, — гладит мою грудь.

Я молчу, хотя, мне хочется орать от всего подряд на всё подряд.

— Ну, так что, детка... поработаешь ротиком?

Я отвожу голову в сторону, морщусь от отвратности и сдерживаю бешеный поток слез.

— Угу.

— Отлично, а теперь иди ко мне, — притягивает меня к себе.

Он целует меня, укладывает на подушку и начинает мерзкое дело.

Подъезжая к подъезду на такси и вижу, что от него отходят двое сотрудников полиции и прощаются с соседками. Подойдя к последним интересуюсь:

— Добрый день, тетя Рай. А что это полиция приходила?

— Всё то же самое. Ищут преступника, который убил парнишку в соседнем доме.

— А-а, и что говорят?

— Сейчас вот показывали нам фото этого преступника, сказали, что, если что, то звонить им и его заберут.

— Понятно, — вздыхаю я.

— Куда ж это мир катится. На фото такой красивый парнишка, молодой, а такое кошмарное дело натворил, ужас. Говорят, два года или три ему светит. Это ж страшное дело сидеть в тюрьме.

— Согласна. Ладно, я пойду. Всего доброго.

Зайдя домой, сразу иду отмываться в ванную.

После ванны пишу Диме, спрашиваю, как дела и чем занимается, но он долгое время не отвечает.

Вернувшись на следующий день домой от мозгоправа, который выписал новые таблетки для сна, пишу два варианта списка продуктов на день рождения — если буду одна и с Димой. Придумываю что надеть, какой сделать маникюр и причёску.

Ставлю чайник и звонок в дверь.

Открываю, а там папаша стоит.

Полноватый отец с отсутствием волос на голове и с колючей щетиной на лице заходит в ванную, моет руки, а затем садится на стул в кухне.

— Как дела у тебя?

— Нормально — бросаю я, не глядя. Наливаю чай, кладу на блюде его любимых конфет, и сажусь за стол — Чё не позвонил, не сказал, что придёшь? Вдруг меня бы дома не было или я не одна была.

— А что тебе есть с кем быть?

Я кривлю губы и отвожу взгляд в сторону.

— Подкинула б денжат на телефон, вот бы и позвонил.

— Ага. Как мать?

— Ты б ей хоть раз позвонила, она скучает по тебе, да, и я тоже. Давно не общались. Совсем забыла о нас.

— Бывает, чё ж поделать, — с грустью смотрю в окно.

Он тяжело вздыхает и тоскливо продолжает:

— Что нового у тебя?

— Ничего особенного, — сажусь на одно колено и залезаю в телефон.

— Так и не нашла нормальную, приличную работу?

Я поджимаю губы и закатываю глаза.

— Опять будешь мозги лечить? Если да, то прошу не надо. Мне мозгоправа хватает.

— Кончала б ты этой хренью заниматься. Тебе самой непротивно, нестыдно? Мне вот противно и стыдно, что у меня дочь такая.

— Так откажись от меня, раз я хреновая дочь.

— Может, хватит дуру валять, а? Я же с тобой нормально разговариваю и счастья тебе желаю.

— Угу... вы так сильно желали мне счастья, что я в тюрьму угодила.

Отец закипает злостью.

— Слышь, помолчала бы лучше сейчас. Завела, блин, старую песню, — сплёвывает он, — Мы с матерью сделали всё, что смогли, и ты это знаешь! Ну, извини, что мы не олигархи. У нас тоже душа болит!

— Мне давным-давно всё равно, что вы делали, а что нет, но факт остаётся фактом. Своё я получила сполна. Теперь по гроб жизни благодарна буду.

— Р-а-а, Как же ты меня бесишь! Ты нас с матерью расстраиваешь своим дерьмовым поведением. Я тебе тыщу раз говорил, что, во-первых, ты знала, куда шла учиться и работать, а во-вторых, ты сама виновата, что не досмотрела за маленьким ребёнком. Смотреть надо было лучше, а не вертеться по сторонам!

— Опять двадцать пять. Старая тупая пластинка! — вскакиваю со стула, — Всё, иди домой! У меня уже вот где это все! — провожу рукой над головой.

— Что? Совсем охерела! А у нас матерью, думаешь, не сидит в кишках, что у нас дочь местная проститутка? Мы тебе столько вариантов нормальной работы предлагали, куда берут с судимостью, чтобы ты нормально работала, но ты ж у нас особенная. Не захотела, не смогла, и в ит...

— Так, всё, стоп! Я не собираюсь дальше это слушать!

— Нет, я не уйду, пока не закончу!

— Да, ради бога! — ору я и выхожу из кухни.

— Нет! Ты выслушаешь все, что у меня есть тебе сказать! — резко хватая за руку и разворачивает к себе.

— Не смей меня трогать! — вырываю руку из его цепких пальцев, — Никогда! — тычу ему пальцем в грудь.

— Я твой отец, дура, ты глупая. Я буду делать всё, что я захочу, понятно тебе? — нависает надо мной.

— Всё сказал? Есть ещё что-нибудь сказать дочери-проститутке?

Он яростно смотрит на меня, а затем швыряет в балконную дверь свою и мою кружку.

Осколки разлетаются с бешеным звоном по всему полу, я закрываюсь руками от них. Он подходит ко мне вплотную, и мы смотрим друга на друга с лютой ненавистью. Отец поднимает руку, чтобы влечь пощёчину, но останавливает красную от ярости трясущую руку, тяжело дышит, смотря в глаза, а затем обессиленно отступает от меня.

— Уходи, уходи! — слезы душат меня.

Отец растерянно озирается.

— Я пришёл, чтоб предложить тебе очередную нормальную работу, идиотка — холодно продолжает он, достаёт из штанов бумажку и швыряет на стол, — вот здесь всё написано.

Ещё хотел убедить тебя матери позвонить. Да, и будь осторожна, когда по ночам с блядок возвращаешься. Слышала, чё произошло у тебя тут не далеко? На днях человека убили, так что будь осторожна.

— Ну, конечно, слышала, раз это было рядом со мной, очевидно же — размахиваю руками, достаю совок с веником, собираю осколки.

— Как день рождения отмечать будешь? — успокоившись, спрашивает он.

— А что? — выкидываю осколки в ведро, беру половую тряпку, чтобы вытереть чай с пола и с других мест

— Мы с матерью хотим, чтобы ты пришла к нам.

— Нет, уж нет, спасибо. Мне и в обычные дни типа общения с вами до усрачек хватает, ещё и на день рождения к вам приходите? Чтобы вы меня в психушку отправили? Без вас как-нибудь обойдусь. Найду с кем провести этот день

— Да, пошла ты куда подальше! — рычит он и вылетает из кухни.

— С удовольствием!

— Все с меня хватит! Больше ты меня в этой квартире не увидишь. Моё терпение лопнуло. Я не собираюсь больше с тобой сюсюкаться и заботиться о такой паршивой, не благодарной дочери. Я не железный. Живи, как хочешь! Можешь пойти на московский и продавать там тело грязным, мерзким мужикам. Я с тобой больше не хочу разговаривать!

— Маме привет, — безразлично кидаю я, и он яростно хлопает дверью.

От оглушительного хлопка двери у меня вздрагивают волосы по всему телу, сама дёргаюсь, и в ушах отдаёт. Едкие слёзы обжигают глаза, шмыгаю носом, тру глаза, чтоб сдержать рёв и быстрым шагом иду запирать дверь. Прямо на пороге разбивает жутчайшая истерика.

Яростно швыряю ботинки, туфли, все, что попадает под руку, о стену, они летят в шкаф, отчего дверь трескается и открывается. От этого ещё больше выхожу из себя, крушу все на своём пути и ору во всеуслышание: «сука, сука, сука, заебало, заебало, заебало, заебало».

В какой-то момент меня накрывает беспросветная апатия. Падаю на пол с телефоном в руке, а на экране фото Димы.

Похоже, что так и засыпаю, потому что, проснувшись посреди ночи, обнаруживаю вокруг себя хлам.

«Просыпаюсь ни свет ни заря, солнца главное не видать ещё, а вот стояк до потолка видно из всех окон в доме... Мила, Мила. Лежит на кровати в маленьких пижамных шортиках аж щёлочку видно. Нежится такая, одеяльцем прикрыла грудь и думает, что я ничего не вижу. Ну, и маньяк же ты, Димас».

«Птички поют. Кузнечики стрекочут. Красота! Вот, бы свалить сюда на постоянной основе. Интересно, чтобы Милка на это сказала?»

Выхожу, сажусь на лавку, которую смастерил дедок и закуриваю. Помню, как он тут сидел и пыхтел трубкой. Откидываю голову на стену сарая и закрываю глаза.

— Твою ж мать! а что за день сегодня? — гляжу на часы, — Бля, как пятое? Твою ж мать! — бью себя по лбу и лечу в дом.

Одеваюсь, как пожарный на вызов. Кидаю все, что вижу в сумку и пулей на электричку. Едва успеваю влететь в вагон... без билета, само собой.

«Какой блин билет, если на мне трупак весит?» — о чём напоминает ранами в груди постер с моим лицом на окне вагона с надписью: «внимание, розыск....!» Твою ж, дивизию, никогда ещё не было так противно смотреть на себя со стороны.»

Пересаживаюсь в конец вагона, складываю руки на груди, зарываюсь в себя, натягиваю капюшон до предела и молю бога, чтобы быстрее выйти отсюда.

«Ох, Милка, знала бы ты, на что я иду ради тебя? Не могу я оставить тебя одну в этот день. Не могу.»

Выхожу на станции и шагаю в свою квартиру, осматриваюсь, чтобы не попасться блюстителям закона.

Забегаю домой, чтобы принять душ и погладить рубашку.

«Помню, что ей нравится голубой. То, что надо для парадных штанов. Только не заставляйте надевать удавку. Даже ради неё не стану.»

Смотрю на себя в зеркало.

«Бля, да, я так прихорашивался в последний раз только на выпускной из университета. Черт, нервы на пределе. Опять туда возвращаться. Опять к ней. Прости, Мил. Прости».

«Выхожу из дома, как медный таз сияю, не вижу, но чувствую. Такое дурацкое чувство, будто червячки внутри под кожей ползают. Сердце ухаёт, в животе откликаюсь.... Да, что с тобой, старик. Соберись уже».

У её дома захожу в цветочный салон и беру охапку белых роз.

«Не самых больших, но средних с большими бутонами, просто класс. А главное свежие и ароматные... Долго будут радовать её, да, и я, в том числе. Сегодня стопроцентно, дам ей то, чего хотим мы оба».

Выхожу из магазина в приподнятом настроении и полный предвкушения. Нужный подъезд замаячил на горизонте... и на тебе, менты. Пузан и дрищ. Сливаюсь со стеной в арке. Понимаю, что так только привлекаю их внимание, но что поделать, рефлекс. Перебежками от куста до дерева добираюсь до подъезда Милы. Хорошо, что около него никого нет.

Ныряю за дверь и выдыхаю. Отряхиваюсь и поднимаюсь на второй этаж. Вот и заветная дверь.

«Дрожу, как осенний лист на ветру. Вдох-выдох, выдох-вдох... И мы опять играем в

любимых...» — на автомате проносится в голове.

Нажимаю на звонок. Секундная заминка длиною в вечность.... и вот, она стоит на пороге.

Я язык проглатываю. Завитые локоны обрамляют накрашенное лицо.

«Такие выразительные глаза, губы, ресницы. Блин, никогда таких не видел. Рухну сейчас в обморок, голова кругом. Спускаюсь плавно взглядом и мама-миа, держите меня семеро. Все её прелести...Грудь.... вы видели эту грудь?» — думаю я и сглатываю так громко, что, наверное, и она слышит.

— Господи

— И я рада тебя видеть, — смущается она и впускает меня в квартиру, забирая букет, — спасибо. Они прекрасны.

Она целует меня в щеку, и я столбенею, прям как она, от неожиданности.

«Хотя, какая неожиданность, мы же целовались... так, ладно...»

— Мой руки, а я поставлю цветы в вазу.

«Какие к черту руки. Её спина, бедра в этом тёмно-бардовом коротком обтягивающем платье с полупрозрачным верхом и с синим топом сверху. Держись, Димас, держись!»

Споласкиваю руки в ванной и появляюсь, как раз вовремя на кухне. Мила лезет за вазой, ближе не нашла, как на самом верху кухонного гарнитура. Лезет и оступается...и, если бы не я, то... Одним словом, ловлю её. Она цепляется за мою шею и вот её губы, такие огненные и сладкие, так опасно близко.

— Ты это, осторожнее, а то, как бы похороны отмечать не пришлось, — мы смеёмся, и я усаживаю её на стул, — Давай, я сам.

— Тогда я на стол накрою, — снова надевает шпильки и идёт к холодильнику.

Пока я занимаюсь цветами и ставлю вазу с ними в середину стола, то Мила успевает заставить этот же стол тарелками с закусками и салатами.

«Она что всю ночь у плиты простояла?».

— Смотрю, я не первый, — бросаю взгляд на тумбу в углу кухни.

На ней стоит не столь роскошный букет, как мой, но факт остаётся фактом.

— Это от родителей. А ты, что приревновал что ли? — тыкает меня в бок и смеётся.

«Смеётся она. Вы только гляньте на неё, фифа какая. Но права ведь. Вообще хватку теряю».

— Помоги лучше с этим, — протягивает бутылку шампанского.

— Ну-ка, — расправляюсь с пробкой в считанные секунды. Мила взвизгивает от хлопка и, смеясь, подставляет бокалы, — Мил, я не мастак говорить речи... Но, блин, ты запала в душу. Ты моя лучшая подруга.

На последнем слове вижу, как ее глаза подёргивает грусть.

«А что ещё я должен был сказать. Что она дорога мне, но я её подставляю под второй срок. Что я грохнул бугая, спасая свою шкуру???».

— У меня для тебя есть подарочек, вернее несколько, — достаю коробки из пакета и передаю ей.

Она достаёт из коробки брелок для ключей в виде киношной видеокамеры и тарелку в виде кинохлопушки.

— А это? — она берет маленький футляр и открывает.

— Это лично от меня. Надеюсь...

Не успеваю договорить, как Мила бросается мне на шею. Благодарственно

расцеловывает меня в обе щеки, и я чувствую, что кожа на ее щеках увлажнилась.

«Да, пофиг на застолье. Невероятно хочется снова ощутить её сладкие губы на себе»

— Это, это..., — она сквозь слезы смотрит на меня и улыбается, — суперская подвеска, огромное тебе спасибо.

«Как же она пахнет. Цитрусовая свежесть, сладость ванили. Боже, что я несу? ...Никогда ничего подобного не думал и не говорил ни одной девчонке, и вот только с ней я стал таким неженкой».

— Давай, помогу, — беру цепочку с мини-оскором в центре и укладываю кулон на ее груди.

С наслаждением наблюдаю, как Милана ликует от счастья. Это так приятно. Аж мурашки бегут.

— Спасибо-спасибо, — убегает в комнату поглядеться в зеркало.

Иду следом, так хочется встать сзади и обнять за плечи. Коснуться губами тонкой шеи.

— Господи, ты ж голодный, наверное? — бежит она в кухню

— О, да! — говорю и надеюсь, что это звучит в плане еды.

«Еда, кстати, должен отметить вышла у Милы на высшем уровне. Даже закралась мысль, что она могла её заказать. Но откуда ей столько денег взять. Да, и с душой все приготовлено. Наелся от пуза.»

— Я сейчас лопну. Больше не могу. Все так вкусно — кладу ладонь на живот и чуть запрокидываю назад голову

— Я старалась. Рада, что тебе понравилось.

— Только не говори, что теперь ты запланировала танцы. Из меня в таком случае все выпрыгнет.

Мы смеёмся.

— Нет, я тут без тебя стала играть, и зависла на одном уровне Ведьмака. Поможешь?

— Спрашиваешь!

Мы идём в комнату. Я плюхаюсь в кресло у компьютерного стола. Включаю компьютер и жду, пока загрузиться система, а потом и игра.

— И где именно?

— Вот тут

Слегка поворачиваю голову и молнюсь, чтоб ширинка в этот момент выдержала.

— А-а, — все же получилось с лёгким столом, — Это ж как два пальца, — и намеренно отворачиваюсь в кресле, чтоб быть к ней в пол-оборота, — Смотри.

Нажимаю несколько клавиш и готово.

— Как же это легко у тебя получается. С ума сойти. Научи меня.

В следующие пару часов мы нещадно рубимся в «Ведьмака». Останавливаемся только, когда мозг закипает у обоих. К слову, уже стемнело, что позволяет выключить свет и создать интересную обстановку, но Мила вместо света решает зажечь свечи.

«Девочка сама не прочь развлечься. Только знаю, что для неё это не развлечение. Как выясняется и для меня тоже. Что в ней такого? Почему с ней я так робею? Как будто первый раз девушку вижу. Мила, Мила».

Меня невозможно сильно к ней тянет. Будто магнитом к ней подхожу сзади в тот момент, когда она убирает нежную руку от выключателя. Закрываю глаза и обнимаю её. Наши тела запредельно близко. Её руки лежат скромно на моих руках. Мои же миллиметр за миллиметром стремятся оказаться на ее ягодицах. Хочется впитаться в них пальцами, как

клыками и вжаться членом промеж её ног по самые яйца.

Игровая Музыка окутывает нас чарующими звуками. Мягко разворачиваю её к себе лицом. Слышу, как дыхание рвётся из ее груди. Оно учащается, проскальзывает стон. Бегу пальцами по ее спине и

«Очуметь! На ней нет лифака! Отвал башки!»

Её рука бежит к промежности. Целую её шею.

«О, как же мне этого хотелось несколько дней назад».

Её кожа, шёлк и пахнет мёдом, я и сам таю, как мёд.

Мы идём к кровати. Бережно укладываю её на плед и покрываю лицо поцелуями.

«Губы, губы сочные, шаловливые губы. Что она творит язычком. Сейчас замараю парадные штаны.»

Она резко берет власть в руки. Усаживается на меня, охватив ногами за талию и расстёгивает пуговицы рубашки, перемежая этот соблазнительный процесс поцелуями. Играет волосками на груди. Все знает, все чувствует. Будто мысли читает. Берётся за ремень и останавливается. Стягивает платье и жестом просит меня ей помочь. Какая грудь, сосочки торчком. Касаюсь их губами. Мила выгибается и стонет. Больше нет сил терпеть. Срываю рубашку и лезу в карман за презервативом.

Снимаю штаны, трусы и носки, все прочь, как и её бельё. Наконец-то, я в полной мере могу насладиться красотой ее форм, изгибов, линий мышц, груди и бёдер.

«Это круче, чем я думал.»

Прижимаюсь к ее телу. Она молит меня войти в неё, и я готов.

«Это непередаваемо. Мы одно целое до победного конца.»

«Чёрт, когда у меня в последний раз был такой восхитительный секс, в котором одновременно сочеталось безумное желание подарить офигенное удовольствие и желание быть с человеком просто так? Тыщу лет тому назад. Это ли не любовь? Стоп, я, что сказал любовь? Твою ж за ногу, Милана! я ж завязал с этой хренью, но она возродила желание быть с кем-то в отношениях. Заботиться друг о друге, любоваться и кайфовать от человека, даже, когда он зол, не в настроении, в больном и плохом внешнем виде. Черт, это сильнее меня. Я хочу быть частью ее жизнью и, чтоб она была часть меня. Я, правда, этого хочу, на полном серьёзе, без похоти.»

Я двигаюсь так не торопливо, растягивая каждую секунду кайфа с ней, не отвожу взгляда от голубых глаз, будто синий океан, губ, белоснежных волос. Не выпускаю из рук пышную грудь, тереблю соски, а она без остановки целует меня в плечи и шею.

Затем мы продолжаем сие действие, в положении сидя, когда она на мне. Мы оставляем друг на друге отметины на спине от ногтей. Мы движемся быстрее. Я готов кончить, произношу её имя в полный голос и падаю без сил рядом с ней.

«Это было фантастически. Ни один секс с этим актом страсти не сравниться. Эх, ещё несколько лет назад я смутно представлял, чтобы я и Милана? Вместе? в одной постели? Думал, что такое может быть только, если по пьяни, в большой фантазии или на спор. Хаха олень. Если бы мне сказали, что эта ночь будет незабываемой, и я выставлю её на первое место, то я бы ответил этому человеку: «ну-ка заведи машину времени, мне аж интересно стало, что ж Миланка-то наша может такое сотворить в постели, и с моим мозгом».»

Переворачиваюсь на живот, Мила сладко сопит. Смотрю на ее обнажённое тело и не могу не улыбаться. За окном ещё совсем раннее утро, но город бурлит во всю. Слышится полицейская сирена вдали, но сейчас меня это ни капли не волнует. Тихо переползаю через

Милу, легонечко касаясь членом ее бёдер. Я улыбаюсь, и целую её в щёку и только после этого встаю с кровати.

Шлёпаю босыми ногами по полу и иду в сторону кухни. Ставлю чайник. В горле, будто собаки насрали.

Иду в ванную. Оглядываю себя в зеркало, корча рожи. Справляю нужду и на пороге появляется заспанная Мила.

— Блин, ну нельзя ж так врываться!

— Запираться надо, — проходит она внутрь и усаживается на толчок.

Открываю рот от изумления и ничего не могу сказать. Благо она вскоре встаёт и, нажав кнопку слива, подходит ко мне и нагло третья об меня бёдрами.

— Ты такой горячий. Надо бы тебя охладить, — подталкивает меня к ванне, и мы оба в неё залазим.

«Мне так нравится её смелый и открытый взгляд на член, когда она открывает душ».

Он призывно дёргается ей в ответ. Мила хихикает и ставит лейку в держатель. Её волосы, руки и лицо намокают под тёплыми струями воды. Она поднимает руки и проводит ладонями по волосам. Смотрю на неё и люблюсь. В ней столько свободы, ни грамма стеснения. Облизывает, и закусывать губы, смывая с лица макияж. Закончив с ним, опускает руки на грудь и одной ласкает её, будто намывая её.

«Что она творит. Я сейчас кончу от одного вида этой картины».

Прижимаюсь к ней и, разворачиваю её к себе лицом, одной рукой она ласкает остолбеневший член, а другой волосы. Слегка нагибаю ее и вхожу мощно и резко. Мила стонет и впивается в бедро тонкими пальчиками с острыми коготками. Вперёд, назад, так нежно, так плавно. Закатываю глаза от наслаждения. Её громкие страстные стоны дополнительно стимулируют барабанные перепонки в ушах.

Звонок в дверь. Чувствую, как она вся сжалась резко в комок, но это только подстёгивает.

— Господи, боже! — кричу я

Зажмуриваюсь и заливаю ее спинку струёй спермы.

В дверь звонят и звонят. Даже вроде стучать начали.

— Твою мать! Какие настырные! — прижимаю Милу к стене и целую взасос.

— Прости, я должна открыть, а то соседей перебудят.

— Постучат и уйдут

— Полиция! —

Все романтическое настроение как рукой сняло. Стоим оба и в гляделки играем пару секунд не больше, а кажется, будто вечность пролетела.

Мила выходит из ванны, надевает халат и, посмотрев на меня на пороге, закрывает дверь. Я выключаю воду, и прислушиваюсь к разговору.

Открывается входная дверь. Менты представляются, рассказывают ей, как я парня грохнул. Пауза, фото..., наверное, предъявили. Сердце звенит в ушах, я не дышу.

Сажусь на дно ванны и голову в руках прячу.

«Долго же они её допрашивают».

— Нет, извините, я его не видела....Конечно, если, что-то я вам наберу..... Да, спасибо. До свидания.

Дверь закрывается.

«Прошлый вечер был верхом восторга. Впервые за долгое время я получила истинное сладостное удовольствие. Это было прекрасно. Мне не под силу преодолеть желание повторить наше безумие».

Натягиваю серую футболку и направляюсь в ванную.

— Запираться надо, — забавно ворчит он, а я сажусь и справляю утреннюю нужду.

После подхожу к нему, целую его в затылок, обнимаю и трусь об него бёдрами.

— Ты такой горячий. Надо бы тебя охладить, — предлагаю я и стягиваю с него тёмные боксеры, после чего мы вдвоём оказываемся в ванне.

Чувствую его похотливый взгляд на мне, от чего завожусь не на шутку, а следом за ним эрегированный член. Хихикаю от приятных ощущений и ставлю лейку в держатель.

Я намыливаю волосы, грудь, ожидая, когда он грубо возьмёт меня и прижмёт к кафельной плитке.

— О, боже, да! — вырывается из меня, когда он наконец впивается в губы.

«Это так восхитительно, что мы знаем, как доставить друг другу сумасшедший кайф, при этом впервые этим занимаясь. Мне нравится, что уровень нашей сексуальной раскрепощённости на одном уровне».

Ласкаю его обалденный член. Он поворачивает меня спиной к себе, нагибает и резко входит в меня. Страстный громкий стон рвётся из груди.

«Фейерверк восторга в голове. В моем теле взрыв, взрыв экстатического счастья. Хочу так сходить с ума от безумного удовольствия целую вечность, не отрываясь от него. Его тело как ириска, которая приклеилась к моему, и хрен теперь отклеишь».

Стук и звонок в дверь.

«Какого хрена! Плевать! Молю не останавливливайся»

— Господи, боже! — стонет он и кончает на спину.

«Да, ёпта, кому так не терпится меня вытащить из ванны? Придурки, блин».

— Твою мать! Какие настырные! — ворчит он, прижимает меня к стене и целует.

— Прости, я должна открыть, а то соседей перебудят.

— Постучат и уйдут, — отвечает он и хватается мою грудь.

— Полиция! — слышится приглушенный бас.

«Полиция? Какова? Боже, неужели кому-то не понравились наши стоны, что они решили вызвать полицию социальных нравов по делам зависти? Ладно, черт с ними. Узнаю, в чем дело и вернусь. Думаю, это не займёт больше пяти минут, иначе я их прикончу».

Вылезаю из ванны, надеваю махровый халат на голое тело. Шустро обтираю волосы полотенцем и, посмотрев на обнажённого красавца Диму, выхожу, закрывая дверь.

Открываю дверь, в подъезде собачий холод. Обнимаю себя, пытаюсь не трястись от охватившего меня озноба. Но это ерунда по сравнению с тем, что на пороге дома стояли два упитанных мента.

— Добрый день. Я следователь Копылов Сергей Иванович, — говорит он и демонстрирует удостоверение, — я правильно понимаю, что вы Лазарева Милана Константиновна?

— Добрый день, да все верно. А в чем дело? — мой голос, я надеюсь, звучит также спокойно, как этого хочется.

— Мы с Петровым Романом Витальевичем расследуем дело об убийстве во дворе соседнего дома, и пришли взять у вас показания

— А, да, я слышала об этом случае. Но при чем тут я?

— Милана Константиновна, мы сейчас вам покажем фото подозреваемого в совершении этого убийства и советуем вам сейчас быть с нами честной. Лгать правосудию не в вашу пользу. Тем более что вы уже познали жизнь в местах не столь отдалённых. Так что, подумайте хорошо, прежде чем нам соврать.

«Что? В смысле? О чём они? Черт, они это серьёзно? Твою мать, зачем они об этом говорят?»

Меня трясёт от страха. Теряю дар речи. Я не выдержу, если они что-то скажут про тюрьму. Не выдержу этого. Хочется вопить во все горло

Нервно сглатываю, сердце пляшет дикие пляски в груди.

— Хорошо.

Тот второй, которого зовут Роман, открывает белую папку.

— Милана Константиновна, вам знаком этот человек? — говорит он и разворачивает ко мне фото с изображением

«Дима? Что все это значит? Ничего не понимаю. Что за бред? Этого не может быть!»

Остолбенело, зависаю над фото с его лицом, ничего не слушая дальше и не замечая ничего вокруг меня. Губы трясутся, глаза по пять копеек. Вот-вот, упаду в обморок.

— Милана Константиновна, вам знаком этот человек? — повторяет мент.

«Набираю воздуха в лёгкие, подключаю язык к мозгу или, наоборот, по хрен, без разницы, что к чему сейчас надо подключить, а хотя нет, как раз-таки и не по хрен. Сейчас тот момент, когда реально надо думать над каждым словом».

— 3-3-знаком

«Не может такого быть, чтобы Дима кого-то убил! Да, он не святой и не идеал, но убийство не в его духе. Он может подраться по пустякам, устроить разные розыгрыши. Он может совершить мелкое хулиганство, нагрубить, может быть злым, но, чтобы убийство? Да ни за что. Никогда не поверю в это. Хрень какая-то».

Несмело поднимаю глаза на полицейских. От сладостного приятного настроения ни осталось и следа.

— Как давно вы знакомы с Дмитрием Васильевичем?

— Семь лет, — в моем голосе не единой ноты, вообще ничего.

— Кем он вам приходится?

— Другом.

«Другом, который стал частью жизни. До беспамятства влюбил меня в себя. Доставил нереальный кайф дважды. Другом, которого я люблю».

— Как давно вы видели Дмитрия?

— Не помню.

— Мы никуда не торопимся и можем подождать, когда вы вспомните. Так что, пожалуйста, напрягите по лучше вашу память и дайте нам правильный ответ.

«Да, сука. Вы что издеваетесь надо мной?!»

— Может, неделю назад или больше.

— При каких обстоятельствах вы видели его? Поподробнее, пожалуйста.

— Мы с ним в «пеликане» пересеклись, когда делали покупки. Я была одна, а он с друзьями, вот.

— О чём вы говорили?

— Ни о чем особенном. Просто «привет-как дела? — пока» и всё.

— Он вам что-то говорил про день рождения друга или что этот друг живёт недалеко от вас и от места преступления?

«Черт, какой же сложный вопрос. Что же ответить? что же ответить».

— Нет.

— В течение этой недели вы пересекались с Дмитрием? Он жил у вас?

— Нет, я не видела его больше

— хм, странно... А вот соседи ваши говорят совсем иное.

— чего вы вообще решили, что это он убийца? Я его знаю давно, и уверена, что он не способен на убийство. Да и с чего бы ему кого-то убивать?

— потому что любой человек способен на убийство. Даже самая безобидная пенсионерка, маленький ребёнок, самая красивая и милая девушка, — Сергей Иванович приближается ко мне и, словно собака-ищейка сует нос за моё плечо — Скажу вам по секрету. На месте преступления были найдены отпечатки его пальцев. Вопрос стоит лишь в том, что была ли это самооборона, или все же преднамеренное убийство. Так что, это в его интересах обратиться к нам, а вам говорить правду, — смотрит он в глаза, а кажется будто в самое нутро заглядывает.

— Хорошо, я все поняла. Если, что, то я вам наберу, — закрываю дверь и едва сдерживаюсь, чтоб не залить тут все рвотными массами.

Мчусь на кухню, где меня и выворачивает.

Сползаю тихонько на пол. Трудно дышать, чувствую, что задыхаюсь, руки трясутся, невозможно их остановить, в груди сильнейшая острая боль. Холод внутри сменяется на раскалённую лаву.

«Сука, мудака! Дура, идиотка! Поверила и доверилась ему. Конечно же, все сходится. Не видела очевидного, забивала и пропускала всё мимо ушей. А он! Как он мог! Боже, с кем я связалась? Твою мать! Козел! Урод! Сука! Ненавижу!»

Вдох-выдох, вдох-выдох. По щекам текут слезы, обжигая кожу. Сдираю их ногтями и чеканным шагом направляюсь к двери в ванную комнату.

«Так, спокойствие, только спокойствие. Контролируй себя, Милана. Держи себя в руках. Только ещё одного трупа на руках не хватало».

— Выходи! — а в ответ тишина, — Выходи! — повторяю я и встаю спиной к выключателю, сложив руки на груди.

Дверь открывается, а затем выходит он. Глаза опущены в пол, губы поджаты. Полотенце на бёдрах.

«Вот же гадина! Мистер секс».

Ногти до боли впиваются в предплечья. Хоть так надеюсь вызвать отвращение к нему и злость, что столько времени он врал мне в глаза.

— Ну! Я жду! Начни хоть что-то говорить! — из-за всех сил сдерживаюсь я.

Не могу поднять на него глаза. Стоит только нашим взглядам встретиться и злость, как рукой, снимет.

— Милан..., — еле говорит он, голос хрипит и даже пропадает, — пожалуйста, прости меня.

— Ты... ты...

Меня накрывает осознание, что полицейские правы, что он... в глазах темнеет.

— Мил..., — подхватывает меня под руки Дима и несёт на кровать, усаживает на неё, поддерживая под спину, — Я виноват перед тобой. Я не должен был втягивать тебя в это. Знаю, что не должен был...но... так получилось.... Ты... ты единственная, кто... Мне было так страшно тогда. Я... я... Только ты могла меня понять, помочь мне пережить этот ад. Прошу, прости меня! — виновато говорит он и отворачивается от меня.

Закрывает лицо руками и встаёт с кровати.

— Понять? Помочь? То есть, если я сидела, то...

Дима шмыгает носом. Я поворачиваю голову в его сторону и вижу, что по его щекам текут слезы.

— Все просто, Мил, я трус. Мне стыдно, честно. Я не мог пойти к предкам, потому что не хотел их разочаровывать. Не мог пойти к друзьям, ведь я для них всегда такой крутой, дерзкий и уверенный в себе тип. Но ты... ты знаешь, что такое тюрьма и это правда, как не крути. Но и тут я не смог найти силы, чтобы, признаться. Да, и как сказать той, кто тебе нравится, что ты убил человека, пусть и в пылу защиты собственной шкуры. Да, что там нравится? Я без ума от тебя. Ты шикарная, классная. Мне с тобой так хорошо, спокойно и надёжно. В первый раз, да, я пришёл к тебе, потому что струсил, и нужно было где-то отсидеться. А вчера... Я понимал, что это риск. Я нашёл укромное местечко и все равно поехал к тебе. Я так хотел к тебе. Хотелось, пусть и эти два, три, сколько там осталось дней... Ведь ориентировки уже по городу расклеены. Я хотел провести эти дни с тем, кто мне дорог и нужен.

Дима подходит ко мне, охватывает колени и смотрит в глаза.

— Ты дорога Мне. Пожалуйста, прости меня, если сможешь. А, если нет, то я все пойму, и уйду, чтоб не тянуть тебя обратно в эту грязь. Я уйду и никогда больше тут не появлюсь, честно.

— Ты вообще собирался мне об этом рассказать?

— Честно? Мил, я настолько идиот, что думал, что это само как-то рассосётся. Прости Вырываюсь из его рук. Встаю и иду к окну.

— Да, не сказал бы ты никогда. Нет, не так. Ты бы просто трахнул меня раз двадцать и смылся. Вы ж все так делаете. А Мила, она добрая, наивная, чуткая девушка, все простит и поймёт, каждого приголубит, — слезы ручьями льются по щекам. Смахиваю их остервенело, а они текут и текут.

— Нет, конечно, нет. Я не..., — Дима обнимает меня со спины и крепко прижимает к груди.

Его тело пылает, сердце стучит.

— Отличный ты план выбрал! — разворачиваюсь к нему лицу и плюю слова ему в лицо. Меня нещадно несёт. Они летят вперёд мыслей, — Соблазнить меня, трахнуть и ничего об этом не рассказать! А уж, когда я б по уши втрескалась в тебя, каждому слову б верила, тогда и рассказал бы, и то может быть! — бью его в грудь, — Мудак, ты, Дим! Ненавижу, сука!

— Да, я последняя сволочь. Но я бы никогда так с тобой не поступил.

— Но поступил же! — ору я и бегу в ванну

— Услышь меня! Я не использовал тебя, не использовал! — догоняет он меня в дверях комнаты, хватая за руку и притягивает к себе, — Я хотел быть с тобой, мне хорошо с тобой! — кричит он так сильно, что вены на его лице отчётливо краснеют.

— Я тебе не верю! — отвечаю ему пощёчину и бегу на кухню.

— Но я говорю тебе правду.

— Мне насрать!

— Пожалуйста, не злись на меня. Я клянусь, что не хотел тебе зла. Так получилось. Что мне сделать, чтобы ты поверила?

— Рассказывай, как все было, или проваливай отсюда на хрен!

— Ты и так все знаешь.

— Ни хрена подобного. Говори! — мой голос срывается, и я закашливаюсь.

Дима оказывается рядом, и озабоченно смотрит на меня.

— Хорошо, хорошо. Я все расскажу, только успокойся, — усаживает меня на стул и наливает мне и себе стакан воды, делает глоток и продолжает, — в тот день я шёл к Глебу, и ко мне прицепился качек. Наехал на меня, говорил, что я девушку его на тусе трахнул. Хотел поквитаться со мной. Мы начали драться. Он пинал меня, бил, не хотел останавливаться. Но потом... Я уж и не помню, что и как... Только помню, что стою с окровавленным перочинным ножом в руках. Так страшно стало, что я чуть не обоссался. По факту, ноги сами меня к тебе принесли. В первую очередь я думал только о себе. А когда пришёл, то не смог ни слова выдать из себя, — Дима снова опускается передо мной на колени, — Прости, — утыкается носом в колени.

— Сказочный долбаеб..., — легонько хлопнула его по макушке, — А тебе не приходило в голову, что рано или поздно тайное станет явным? И, что, если он был ещё жив? И вообще, сколько не бегай, все равно поймают и на чёртову зону прямым рейсом в один конец отправят. А там, поверь, мигом сожрут, кости перемоют и выплюнут. Не знаю насколько пацанская тюрьма отличается от женской, но не думаю, что сильно. Когда я сидела там за смерть пятилетнего воспитанника в детском саду, то надо мной постоянно издевались, — вспоминаю и мурашки бегут по коже размером с яйцо, — Меня насиловали, подкладывали иголки и всякие острые предметы в постель. Меня несколько раз травили тухлятиной, насекомыми и дохлыми крысами в еду. Меня постоянно били. Да, у меня проблемы с психикой из-за этого начались, что помимо судимости не даёт мне устроиться на нормальную работу. Я постоянно срусь с родаками из-за этого. У меня нет друзей. У меня никого нет кроме них, как бы они меня не выбешивали. И... тебя. Да, с такой, как я, никто не хочет ни быть, ни общаться, не дружить. Именно из-за всего этого я зарабатываю на жизнь, тем что я тр..., — недоговариваю я и между нами повисает удушливая тишина, а я отворачиваюсь, и зажимаю рот рукой жалея о последних словах.

— Не бойся, скажи. Чем ты зарабатываешь?

— Ничем! Отвали! Я не хочу тебя видеть и слышать! я не хочу тебя ни капли! Все, что было между нами ничего не значит. Ничего не было, ясно тебе?! Я не позволю тебе отправить меня на второй срок. И знаешь, что? Дружба дружбой, но это перебор! Я туда никогда в жизни не вернусь! — воплю я и прячусь в ванной.

— Ты не можешь вот так всё говорить. Это же не правда. Ты специально так говоришь, чтобы отомстить мне! Я знаю, что тебе было так же прекрасно со мной, как и мне с тобой. Ты бы не смогла так соврать. Ты не такая! — кричит он и лупит кулаком в дверь.

— Да, пошёл ты на хрен... я врала тебе... так же, как и ты мне! — я выскакиваю из ванны и бегу в комнату надевать джинсы и футболку.

— Нет, я не верю тебе. Ты врешь мне. Я никогда в это не поверю! Я же нравлюсь тебе, — хватает меня за руку в коридоре и заставляет посмотреть ему в глаза.

Они полны слез.

— Нравился, да разонравился! Это была моя самая большая ошибка! свобода мне

дороже. Лучше одна буду! Всяко проще. А если не свалишь, то уйду я! Отпусти, мне больно — отпрыгиваю от него как ошпаренная

— Пожалуйста, прекрати говорить эту мерзкую чушь. Прости меня. Ты нужна мне. Я хочу быть с тобой, — останавливает он меня у открытой входной двери.

— Пошёл ты на хрен со своими розовыми соплями — рвусь к балеткам
Пару минут молчания, а потом он спокойно заканчивает:

— Хорошо. Я пойду, куда скажешь. Только скажи это в глаза. Скажи, что я противен тебе, что сама меня трахнула, что это не было актом любви- говорит он дрожащим голосом и шмыгает носом от вытекающих слез

«Любви. Любви?»

Я продолжаю смотреть на него остолбенело, тяжело дышу, глаза наполняются влагой.

«Я не знаю, чего хочу».

Беру рюкзак с ключка и выхожу из квартиры.

5 лет назад

«Был обычный мартовский день, двенадцатое число ... День, который совсем не предвещал беды ... День, который разделил мою жизнь на до и после. Чтоб его! будь он проклят! ненавижу этот день. Обычный день, когда я пришла на работу в детсад на смену во второй половине дня.»

Среди двадцати трёх детей в группе у нас был мальчик Никита. Сколько же раз я хотела записать его в список любимчиков группы, в те моменты, когда он изредка был покладистым и самым лучшим в группе, но чаще всего он был гиперактивным и до жути не послушным со всеми взрослыми. Так что, это желание напрочь отпадало

Во время обеда Никита, как и несколько других детей баловались за столом, как и прежде, отказывался кушать. Хотя, в этот день он был абсолютно здоров.

После обеда он отказывался готовиться ко сну и в принципе спать, доводил меня до белого каления, играя с шумными машинками и конструктором на ковре, и мешал другим детям. Решив сэкономить нервные клетки, силы и терпение на остальных деток, я захожу в спальню с группой, а его оставляю с нянечкой, на то время пока дети не заснут. Чему я была ей благодарна.

Уложив детей спать, я отпускаю няню делать свои дела и остаюсь наедине с Никитой.

Не знаю, чем я тогда думала, и почему не приложила больше усилий, чтобы он заснул, но вместо этого я собирала мусор по группе, расставляла аккуратно игрушки и думала, что сейчас он сам поиграет в тихой одиночной атмосфере, ему станет скучно и заснёт.

«Эх...Если бы это было так, да не так»

В это время он строил домики и другие постройки из конструкторов, кубиков. Затем, он уронил с полки несколько коробок мозаики, которую я только что аккуратно разложила. Я тихо и сердито делаю ему замечание, и не выдерживая даю ему лёгкий поджопник, а после он подходит к злосчастной шведской стенке у входа в группу, напротив которой стоит длинный деревянный стол.

«Хоть смена только что началась, но благодаря этому засранцу, я голодная как волк»

Далее, я наливаю в бокал прохладной воды, затем, ещё один и вдруг слышу... Резкий громкий удар по деревянному столу и... И оглушительный рёв. В этот момент у меня моментально выпадает бокал из рук, замираю как вкопанная, сердце вылетает из груди, теряю дар речи и слуха, разворачиваюсь и вижу....

Нескольких детей испуганных и плачущих, нескольких работников сада, которые столпились кучей у шведской стенки. Они все истерично орут, рыдают, совершают какие-то действия. Меня всю трясёт от ужаса, всё плывёт перед глазами. Я хоть и не вижу, что там происходит, но все понимаю.

В следующую секунду я уже истерически рыдаю и одновременно с этим на меня благим матом орет заведующая. Медсестра укладывает бездыханное тело Никиты с синей окровавленной головой на ковёр. А дальше всё как во мраке.

Светлый кабинет, на руках наручники. Я как вкопанная сижу ни во что не вникаю и смотрю куда-то пустым взглядом. Передо мной за столом сидит мужчина в полицейской форме, заполняет бумаги и что-то говорит мне...

Зал суда, мои родственники, родственники Никиты

Тёмный холодный грузовик, в котором еду я вместе с другими женщинами разного возраста. Мы, десять женщин подходим к большому серому зданию, на котором написано «Женская колония по Самарской области».

Наше время

Выйдя из алкомаркета, направляюсь домой.

В квартире тишина. Ставлю пакет, вынимаю пару банок пива и себе виски-колу, и иду в комнату. Он сидит в одних штанах на стуле, за компьютером. Подхожу к нему, сажусь рядом и протягиваю одну из банок. Дима берет её и смотрит на меня с лёгкой улыбкой.

Я кладу голову ему на плечо, обхватываю руку и говорю:

— Ну, и что мне с тобой делать?

Он вскрывает жестяную банку, делает глоток и отвечает:

— Любить, кормить, заботиться, и никому не отдавать.

Мы улыбаемся, он обнимает меня и сильно к себе прижимает.

— Ну, а если серьёзно?

— не знаю... решай сама...я соглашусь с любым твоим решением

— Я буду дурой, если позволю тебе остаться. Буду умной, если на хрен выгоню тебя...но мы же всё-таки не чужие друг другу люди...поэтому, это очень сложный выбор.

Мы минуту молчим в обнимку, пьём напитки, он гладит меня по спине, а затем говорит:

— Будь моей девушкой.

Его слова заставляют меня моментально вздрогнуть, сердце и тело гореть и устроить бешеную тряску рукам.

Я вопросительно на него смотрю.

— Я серьёзно, Мил. Я правда хочу быть с тобой. Знаю, как это звучит — какие отношения? когда я на волоске от заключения в тюрьму, да, и тебе может достаться за меня. Не знаю, когда меня заберут, но знаю, что это будет. Поэтому, мне хочется, чтоб, перед тем как это случится, в моей жизни осталось что-то хорошее и светлое большим и светлым воспоминанием, как ты

Его слова приятны, они будоражат меня, заставляют мозг выключаться.

Я отворачиваю голову к окну, закусываю губу, едкие слезы снова прожигают глаза. Я их моментально вытираю, делаю глоток виски, а потом говорю:

— Не думаю, что тебе нужна такая девушка, как я.

— Нет, нужна, очень нужна. У меня уже давно не было нормальной хорошей девушки. Мне хочется с тобой ещё раз испытать чувство любви и ответственности. Я серьёзно, Мил. Я

хочу этого. И плевать, что у тебя есть судимость, ведь, у меня она почти тоже есть, и это не меняет моего отношения к тебе. Потому что знаю, что ты добрая и хорошая. Ты бы никогда так не сделала по собственной воле.

— Я не про судимость, Дим — с горечью в голосе говорю я.

— А про что тогда?

Выдержав паузу, и глотнув напитка, я рассказываю:

— Год назад, когда я вышла на свободу. Сам понимаешь, у меня ничего и никого не было. О работе можно было только мечтать. Плюс реально с психикой начались проблемы. Помимо посттравматического синдрома, у меня ещё и бывают панические атаки, истерики, вспышки ярости... Первое время я жила у предков, которые регулярно трахали мозг. Потом, я познакомилась с одним парнем ... он богатый... В общем...я раз в две недели....сплю с ним.... за деньги.... потому что работы нет, а жить где-то и на что-то хочется. Он единственный источник моего заработка. Он мне совсем не нужен. Никакого удовольствия я с ним не получаю..... После этого, ты ещё хочешь быть моим парнем?

Он тяжело выдыхает, трёт глаза, чешет голову и выходит из комнаты. Я беру ноут в руки и захожу в Яндекс для того, чтобы найти информацию, которая поможет мне принять верное решение.

Узнав всю необходимую информацию и допив литр виски, я шагаю на кухню, где сидит он и доедает помидоры с солью.

Я сажусь рядом и говорю:

— Может тебе суп или макароны нагреть?

— Нет, спасибо, не надо, — мягко отвечает он, глотает пиво и отодвигает от себя тарелку с остатками соли.

— Ладно.

Беру тарелку и направляюсь к раковине, чтоб ее сполоснуть. Меньше чем через минуту чувствую на талии мягкие руки, которые лезут под футболку, кисловатый запах пива, и нежный поцелуй в шею. От этих действий в зоне бикини разгорается пожар. Одной рукой он тербит крохотную бабочку на чёрном лифчике, другой гладит грудь через футболку. Разворачиваюсь к нему, и мы сливаемся в страстном поцелуе. Он усаживает меня на столешницу, массирует грудь и внутреннюю часть бёдер, целует шею. Я прижимаюсь к его выпирающей промежности, расстёгиваю пуговицу на джинсах. Он снимает с меня футболку, и сквозь поцелуй я говорю:

— Ты можешь остаться у меня.

— Правда?

— Да, правда.... Я посмотрела в инете, какое мне будет наказание за то, что я тебя покрываю. Там написано, что мне может грозить штраф, исправительные работы и срок до года за ложную дачу показаний.

— Ты волшебство — крепко впивается он в губы — Я тебе обещаю, что, что бы не случилось и чем бы это всё не закончилось, то всё возьму на себя. Я не дам тебя в обиду. Клянусь тебе. Ты веришь мне?

Несколько секунд думаю.

— Да, вроде.

— обещаю, всё будет хорошо.

Молчу в ответ, а он вцепляется в губы. Снимаю с нас белье, и он входит в меня.

«Это не передаваемые ощущения.»

Он движется во мне так нежно и страстно, растягивая каждую секунду. Вцепляюсь в его спину, а он руками в микроволновку, стоящую за мной. Становится невыносимо жарко. Знойная жара и пожар.

Шелковистые волосы, соблазнительное лицо, восхитительное обнажённое тело сейчас лежат на мне, а я кайфую, как мелкий пацан, которому родители только что купили самолёт на радиоуправлении.

«Давно же мне так хорошо не было. Все же правда говорят: всё, что не делается, всё к лучшему. Все имеют право на счастья, даже такие, как мы с этой красоткой.»

«Нужно придумать что-то большее, чтобы её отблагодарить, ведь мы теперь часть друг друга, она теперь моя и я несу за неё ответственность, как и она за меня. Я не могу убить её морально, после того, что было между нами. Она не обязана и не должна была меня прощать и позволять жить у себя, но она это сделала.»

«Не позволю, чтоб её касался кто-то другой, со мной и после меня, не важно, при каких обстоятельствах. Больше никогда она не будет ни с кем близка кроме меня. Только я и она. Не допущу этого. Я не могу позволить, чтоб мой ангел превращался в хрен знает, что.»

«Она такая секси, когда злиться. Нет, я раньше видел, как она злилась, но до вчерашнего дня я не придавал этому лично значения. Вчера был реальный отвал башки. Господи, она так орала, думал всю глотку себе сорвёт, убьёт меня, расчленит и выкинет в мусор, но пронесло. Её глаза округлились до безумия широко, думал выскочат из орбит. Вспоминаю и смеюсь, а вчера, блин, было не до смеха. А ноздри? ноздри прикольно дёргаются и губы становятся похожими на бантик, рядом с которыми ещё прям хочется дорисовать ленточки... вот умора. Че я несу? Уверен, что все это она сама не замечает и не осознает, но боже, это так заводит. Прямо кровь в жилах закипает.»

«А как она кричит во время секса — это рай для ушей — это самые любимые звуки. Её изящное обнажённое тело на мне, ни следа каких-либо недостатков на нем. У неё между грудями есть родинка, под пупком дорожка из волосков, на коленке и на спине есть небольшой шрам явно давний, на руках старые шрамы в виде длинных полос, как от порезов. Моя бедная девочка. Не представляю, как ей было тяжело, что она этим занималась.»

«Было бы неплохо смотаться с ней куда-нибудь подальше отсюда, где будем только мы вдвоём, где не надо прятаться, где сможем куда-либо выйти, не стесняясь и никого не боясь, делать всё, что захотим, где захотим и сколько захотим. Мне самому прежде всего необходимо с ней побыть столько, сколько это будет возможно, насладиться ею сполна и всецело посвятить ей самого себя. Такое местечко однозначно есть. Надо предложить ей смотаться со мной в деревню на несколько дней. Было бы супер. Надо ехать прям сегодня.»

Как можно аккуратнее выползаю из-под прекрасной леди, чтоб не разбудить, пусть поспит. Накрываю её пододеяльником, и она отворачивается от меня на другой бок, так мило надувает губки. Целую её в плечо, надеваю боксёры и ковыляю на кухню.

Смачиваю горло ледяной водой и открываю холодильник. Так отлично, есть из чего кучу бутербродов сделать, ещё плов с борщом остались. Грею себе порцию борща, и в это время накладываю в тарелку порцию плова. Она его обожает. Брызжу туда кетчунеза и рядом ставлю чай с 4 кубиками сахара.

Позавтракав и вымыв посуду, возвращаюсь в кровать. Включаю тихо телик и листаю каналы.

«Блин на «Первом» и на «России», суки, показывают мою наглую рожу

«Твою ж мать! ну, на хрен это дерьмо! не хочу портить прекрасное утро.»

Листаю дальше.

Милое постанывание от пробуждения заставляет отвлечься от «Интернов» и обернуться назад. Глажу её гладкие ножки, целую ушко и шепчу: «доброе утро, малыш». Она поворачивается ко мне, кладёт голову мне на руку и целует меня в плечо. Крепко обнимает, прижимаясь сочной грудью ко мне. Мои губы расползаются в улыбке до ушей от удовольствия. Мила сладко так шепчет «доброе утро». Мы целуемся, и она открывает глаза.

— Как спалось? — спрашивает она.

— Замечательно! Выспался, как слон. Поел вот только, и тебе оставил там кое-что на столе. Пойдём, покушаешь. А я тебе одну мыслишку свою расскажу.

Она трёт глаза и потягивается, как кошечка, выгибая спинку.

— Задобрить меня едой хочешь? интрига! Ладно, — поднимается с кровати, не прикрывая бесстыжее голое тело и идёт в туалет

«Что творит?»

Облизываюсь, как кот на масленицу

Слышу, как через некоторое время спускает воду и открывает кран, чтобы умыться. Тогда и я встаю с кровати и иду к ней.

Дверь не заперта. Открываю. Она по-прежнему обнажена и чертовски соблазнительна. Подхожу к ней сзади и трусь о половинки её ягодиц набухшим членом в труселях.

— Как тебе спалось? — касаюсь губами её спины.

— На удивление отлично, — выгибается она, опершись ладонями на раковину.

— На удивление?

— Это была лучшая ночь в моей жизни, — улыбается, поворачивается ко мне и крепко целует в губы.

Усаживаю её на стиралку и одним движением освобождаю друга из плена и ввожу его в неё. Как же сладко она стонет, хватая меня за шею. Прижимаю её плотно к себе и вцепляюсь в стиралку. С первых же секунд задаю бешеный ритм. Крышу рвёт от возбуждения и предчувствия фееричного оргазма. Аж скулы сводит от напряжения. Уши закладывает от её экстатических криков. В какой-то момент она срывает голос, но этот хрип только пуще прежнего будоражит все внутри меня. Плюс к этому, стоящие на стиралке банки, склянки летят к чертям громко звеня. Мельком бросаю взгляд на них, пока Милка сползает с меня и встаёт раком, уперевшись руками в ванну.

Со стоном вхожу в неё. Так быстро я ещё никогда не двигался, а ощущения при этом — космос!

Хватаюсь за стиралку и раковину, делая последние фрикции и кончаю. Кончаю и зависаю внутри Милы. Выхожу и упираюсь локтями и лбом в стиралку, сердце выпрыгивает из груди. Зажмуриваюсь на пару секунд, чтоб слегка прийти в себя, открываю глаза и вижу пачку противозачаточных, а рядом другая пачка с неизвестным названием.

— Ты со мной?

Поворачиваю голову и вижу её, стоящей в ванне с душем в руке. Пот и правда льёт с меня градом.

— Конечно — переваливаю через бортик ванны и вместе с ней включаю освежающий душ.

Она выдавливает гель для душа на мочалку и проводит ею по моей груди. Кладу руку поверх её и вместе с ней намыливаюсь. Когда мы спускаемся ниже пупка, то забираю мочалку, чтобы намылить её тело. Мила, тем временем, касается члена пальчиками так,

будто боится его.

«Господи! Я ещё не отошёл, а она сейчас снова выведет меня на стартовую позицию. Господи, где она этому научилась? это точно та Милана, что я встретил семь лет назад?»

Запрокидываю слегка голову, уперевшись спиной в стену ванной. Мила прижимается ко мне и сочно целует в губы, но, не выпуская член из цепких пальчиков.

— М-м, — шиплю я, когда она чересчур его сдавливает.

— Больно? — её бровки так подлетают вверх, будто ей самой стало больно.

— Нет, просто нужен не большой перерыв, а то сотрём банан, — улыбаюсь я и целую её мыльные ручки.

Спустя время мы выходим на кухню, где все остыло триста раз.

«Триста — отсоси у тракториста»

— Ты помнишь? Это... это так мило, — слезинки радости сверкают в её глазах.

— Это ж просто плов, детка, — ставлю тарелку с кружкой чая разогреваться.

В это время она собирает волосы в фирменный пучок и садится за стол.

— Так что ты придумал? — накидывается она на ещё парящий жаром плов с такой жадностью, что кажется, будто она готова насмерть заколоть его вилкой.

— что, если нам ... смотаться сегодня на несколько дней в «Михеево»? Там классно. Тишь, да гладь. Ни души на километры вокруг, а? Мы бы могли там оторваться на всю катушку, делать все что хочется, ничего не боясь, м?

Повисает неловкая пауза. Начинаю чувствовать себя идиотом.

— Классная идея, мне нравится, но только ты наверно забыл, что я аллергик? Нет, если ты, хочешь, то, пожалуйста, говори мне триста раз «будь здорова» и ужасайся опухшему лицу от чесотки и чихотки непрерывной.

— Слышь, теперь ты моя, и мне это не помешает. Для меня это ерунда. Так что, я могу и потерпеть. Главное, что ты рядом. И к тому же от аллергии можно будет отвлечься одним прикольным делом, — мурлычу я последние слова и облизываю губы.

— Ну, раз так... То давай съездим, чем черт не шутит.

— Толькоо....

— Только что? — её тон за наносекунду меняется с кошечки на стерву с плёткой.

— Там грязно и пыльно, поэтому там надо прибраться. Хотя бы, в кухне и в комнате.

— Блестяще! То есть помимо аллергии на растения, ты ещё и на пыль аллергию приготовил. Бомба-пушка!

— Ну-у, я помогу тебе прибраться, — натянуто улыбаюсь я, глядя на то, как сильно она сжимает вилку.

— Ну не знаю, не знаю. А что мне за это будет?

— Как что? Я тебя отдеру по самое не хочу.

Мы смеёмся

— да, шучу я, шучу...но... я правда хочу побыть с тобой там наедине, пока не....

— Ладно, уговорил- садится она на меня — Поехали.

— Отлично! Только надо затариться всем необходимым. Там же всего один магазинчик поблизости

— Хорошо.

— Собирай пока манатки, а я сделаю заказ.

Когда улицу уже освещает фонарные столбы, то мы одеваемся и вызываем такси. После чего, шустро и тихо выходим из подъезда с капюшонами на голове и со спокойной душой три часа едем до деревни.

Приехав глубокой ночью в пункт назначения, мы заходим в дом и включаем свет. После жуткой тряски в тачке невыносимо хочется спать. Поэтому, мы убираем продукты в холодильник, включаем ночник и укладываемся спать.

Некоторое время спустя, дикая жажда выдергивает меня из сна. Жарко, как в пустыне. Иду на кухню, попутно проверяю все ли в порядке. Пью воду и сонно наблюдаю за полной луной в звёздном небе. В следующую минуту живот урчать начинает. Лезу в холодильник, достаю пачку крекеров «тук» и остатки лимонада с того раза. Сижу, жую с закрытыми глазами.

— нет, Дим, отпусти меня, пожалуйста — внезапно раздаётся оглушительный крик моей белокурой красавицы.

Я тут же подпрыгиваю на месте, чуть ли не падаю со стула, точно седею в эту секунду и накладываю кирпичей в труханы...А она всё вопит и вопит...страх сковывает всё тело, не могу пошевелиться

Кое-как заставляю себя прийти в себя, подняться на ноги и спасти любимую.

Вбегаю в комнату и ... вновь... замираю как вкопанный.

Она лежит на кровати, дёргает ногами, рыдает, держит руки на горле, её трясет что-то невидимое. От такого шока и страха у меня сердце в пятки уходит, дышать не могу нормально. Такое ощущение, будто я приклеен к чёртовому полу. Невыносимо смотреть на то, как любимый человек мучается в ночном кошмаре, кричит на весь дом, тебе самому безумно страшно от всего этого, а ты не можешь ей помочь, потому что обездвижен чем-то извне. Мне ничего не остаётся, как только кричать, чтоб она проснулась. Кричу...кричу...но всё беззвучно ... не знаю почему... Не понимаю...не могу ей ничем помочь. Твою ж мать! я не могу позволить, чтобы ... чтоб ... её... её не стало

— Пожалуйста, проснись! Проснись! — продолжаю пытаться выдавить из себя звук и сдвинуть с места— Мила, проснись

Она начинает задыхаться, её сопротивления ослабевают, и она затихает.

— Нет, нет, нет!!! не бросай меня, пожалуйста! Проснись!

Из меня градом текут слезы, невозможно на это смотреть.

В следующую секунду я вижу, как моя подушка в воздухе оказывается над ней, опускаясь все ниже и ниже

— Твою ж мать! нет, нет, нет! — кулаками бью невидимую стену

«А что, если это сон? Или всё-таки сон? твою ж мать! я ни хрена не вдупляю! Сейчас главное, чтоб этот кошмар кончился.»

Подушка уже в нескольких сантиметрах над её лицом, а у меня заканчиваются силы биться со стенкой-невидимой.

«Твою же мать! что же делать? что же делать? это же должно когда-то закончиться. Она должна проснуться! Или я...?!? Чей это сон?».

Уже в отчаянии читаю «отче наш ... спаси и сохрани»

Подушка полностью на её лице, она всеми силами пытается содрать её с себя, слышны лишь глухие её крики... ей осталось немного.

«Нет, нет, нет, нет! я не переживу этого. Не переживу!»

«Твою же на хер сука мать! я с ней рядом, но так далеко. Я не прощу себе этого. Я не

могу её потерять. Она нужна мне больше всех на этом свете. Я люблю её! Люблю!»

Моё сердце в конец останавливается, когда я перестаю слышать её голос, тело пробивает жутким леденящим ознобом и слабостью. Я смотрю на неё. Она не двигается, просто лежит в кровати с подушкой на лице.

Внезапно наступает беспросветная тьма и глубокая тишина. Секунды три, и....

«Да, будет свет...сказал электрик».

Все стало как прежде...но...не она. Она все так же бездыханно лежит с подушкой на лице. Перед лицом моментально пронесется холод, я тяну руку вперёд, и между нами больше нет той злосчастной стены. Теперь я могу к ней подойти Но уже поздно. Тем не менее я махом срываюсь с места, запрыгиваю на кровать и убираю чёртову подушку с неё.

Её лицо бледное. На нем видны следы подушки, розовые сочные губы потресканы, закрытые глаза мокрые, нос красный. Её самое лучше изящное в мире тело стало холодным. Она не подаёт признаков жизни.

«Да, и я ещё минуту и буду таким же»

Я сам начинаю задыхаться из-за этого всего, весь трясусь, но не от страха, а от раздирающей боли внутри. Я глажу её лицо, губы, от которых я так без ума. Как сумасшедший извращенец начинаю целовать её быстро, но нежно. Каждый сантиметр её лица, уши, шею, грудь. Не знаю зачем я это делаю, это сильнее меня. Само тело это всё делает. Я ни хрена не соображаю.

Затем растираю её холодное тело, чтоб оно согрелось, хотя знаю, что это бессмысленно. Она лежит у меня на руках холодная и бледная, а в голове проносятся фрагменты наших поцелуев, ласк, интимных моментов и прочего.

«Мы так мало были вместе, но так много у нас было»

Далее, делаю массаж сердца, как видел в телике и инете. Затем искусственное дыхание, не упуская возможности насладиться её холодными потресканными губами. Снова раз за разом неустанно и без остановки прошу господу Бога оживить её. Ещё никогда до этой ночи ничем подобным я не занимался.

Поцелуи, массаж сердца, искусственное дыхание, растирания, этот цикл повторяется около 10 раз. Снова чувствую собственную усталость, но не обращаю на это внимание.

«Я не остановлюсь, пока до мозга не дойдёт, что её больше нет. Её не может не быть. Она должна жить. Она не может вот так вот взять и уйти, она же сильная. Она столько говна пережила, что обязана и с этим справиться. Она лучшая в моей жизни».

В очередной раз, прижимаясь губами к её холодной шеи и груди, я замечаю, как пальцы её рук слегка подёргиваются, бледнота тела сменяется на румянец и естественный цвет кожи, кожа теплеет. Еле слышно её сердцебиение. Веки глаз дрожат.

Я думал, что сердце на хрен улетело из меня, но тут бац и снова чувствую, что сердце колотится как бешённое. Мозг к херам собачим беспросветно отключается, прекращает что-либо осознавать и понимать. Я сижу как вкопанный, боясь каждой новой секунды.

«Ещё прошлым утром все было больше, чем шикарно, мы были счастливы и горячи. Минут 10 назад она лежала ледяная и бледная в кровати, а я целовал её, как извращенец. А сейчас она начинает оживать. Мне кажется у меня кукуха поехала. Я реально тронулся умом, это всё мне кажется. Это ужасный кошмар, который когда-либо мог быть у кого-то. Как такое может быть? сейчас она оживёт, а потом я посмотрю на неё и это не она, а какой-то монстр вместо неё».

Из её рта начинается исходить пар, слышно дыхание, её тело покрылось мурашками.

Грудь, как и прежде, поднимается от дыхания.

В следующую минуту она потирает глаза, как будто спросонья, зевает, лежит несколько минут. Потом, не торопясь открывает глаза, смотрит перед собой, на пустое место от подушки, затем на умалишённого меня. Приподнимается, кладёт руки мне на шею и как всегда в своей манере, нежно говорит:

— Солнышко, ты чего? Что с тобой?

Не могу ничего ответить.

«Она вернулась. Прежняя, нежная и сексуальная Милана снова со мной рядом. Как ни в чём не бывало.»

— Милый, что с тобой? Ответь

— Кошмар приснился

— Иди ко мне, — крепко обнимает она меня

В этот момент я начинаю приходить в себя. Хочется разрыдаться словно мелкий мальчишка и выкурить всю пачку винстон разом будто дед лет семьдесят

— Дим, тебе принести воды?

— Нет, нет. Мне ничего не надо. Никуда не уходи от меня...просто будь рядом.

Беру с прикроватного столика «Винстона» и прям в кровати закуриваю одну за одной, три раза подряд, усердно сдерживая огромный поток мужских слез, а она же в это время, смотрит на меня, как зашуганный младенец и безотрывно следит за каждым моим движением.

Расслабленно улыбаюсь ей, проводя пальцами по её шелковистым волосам, напряжение отступает, и мы проваливаемся в сон в объятиях друг друга.

Просьпаюсь утром, а её рядом нет, зато на кровати лежит телефон её. *Смотрю на экран, на котором стоит моя фотка и очевидно, что сделанная совсем недавно.* Видимо втихаря, пока я не видел. Это и заставляет меня забыть о ночи и радоваться жизни. Мелочь, а приятно.

— Офигеть, час дня!

Подскакиваю с кровати и натягиваю брюки. Выхожу из туалета и ощущаю приятный запах еды — жареная курица с приправами, салат и спагетти с ароматной поджаркой. Кишки аж к спине прилипают.

Иду на кухню, Мила возится у плиты помешивая спагетти в кастрюле и чихает в платок. Наблюдать за ней высшее наслаждение. Сначала втихаря подсматриваю за ней, затем подкрадываюсь к ней и резко обнимаю её за талию и целую в мочку уха, отчего она вздрагивает, улыбается и оборачивается ко мне с поцелуями.

— Доброе утро, милый — говорит она сквозь поцелуй и виснет на мне, — Как ты себя чувствуешь? Ты меня вчера так напугал.

«Боже! Что она несёт шаловливым ротиком? Это она меня вчера довела до сердечного приступа».

— Да, всё хорошо.... Извини.... За вчерашнее....Я не хотел.

— Ладно, ничего, проехали.

— Ты сама как? У тебя ничего не болит? — заботливо глазеет на меня

— Нет, у меня тоже всё хорошо!

— Ну и замечательно.

— Садись кушать лучше.

Я режу хлеб, и мы усаживаемся за удивительно чистый стол.

— Я пока готовила, вспомнила, как мы здесь однажды тусили, и Кирюха по пьяне поставил кастрюлю с водой на мангал, закинул в неё кукурузу, а потом она сгорела.

Я чуть со смеха куриной ножкой не подавился, вспомнив тот случай, будто то вчера было. Мы потом его ещё месяца два подкалывали и ржали над ним.

— А помнишь, как мы провожали Алёнку до дома, стояли у подъезда. Потом как раз приходит её мамка, а ты же её видела тогда впервые. Её мамка в падик зашла, и ты ей такая говоришь: а че это за девчонка была? — вспоминаю я

Она смеётся звонким смехом и подпирает голову рукой.

— Девчонка, блин — смеётся она и чихает три раза подряд.

— Будь здорова, принцесска

После сытного обеда мы ложимся в не заправленную кровать, играемся с пальцами и волосами друг друга и вспоминаем нашу молодость.

— Ещё я помню, как однажды ночью в свой день рождения я пьяный уснул в тумбе в родительской комнате, а на утро спина затекла, и ты мне делала массаж, было классно — вместе с рассказом вспоминаю и ту боль в спине

Мила смущённо улыбается, а я касаюсь пальчиками её подбородка и, притянув к себе, целую её в губы.

— А Машкино день рождение на пляже помнишь? — отрывается она от меня, — Я тогда тарелку шашлыка уронила в песок и руки водкой помыла.

Мы снова заливаемся смехом.

— Блин, как же круто тогда было. Ты с кем-нибудь из них ещё общаешься? — интересуется она

— С Алёнкой иногда вижусь, у неё мамка открыла аниматорское агентство рядом с ПХ, дочку взяла к себе. Поэтому иногда Алёнка ко мне забегает. Болтаем о всяком. Все отлично у неё. Кирюха в Питер уехал жить. Мы с ним только в вк общаемся, и все.

— Понятно.

— Хм, а что если нам шашлыки сегодня замутить, а? А потом на речку можно сгонять. — предлагаю я

— Ха-ха, давай, я за.

— Тогда с тебя уборка, а с меня остальная готовка

— Договорились.

Час или около того спустя я во всю жарю полтора кило шашлыка и допиваю холодную минералку, да и Лэйс кончается. Сижу напротив окна на кухню и наблюдаю, как моя девочка туда-сюда ходит, наводит чистоту.

Захожу в дом, беру из холодильника новую бутылку ледяной воды.

Повернувшись к выходу, наблюдаю такую картину. Ко мне Миланка любимыми ягодками вперёд пятится. Она присаживается и встаёт, намывая пол в резиновых печатках. Она так выгибается, не замечая меня. Делаю шаг к ней и ягодки Милы чётко стыкуются с моими ногами.

— Ой, не заметила тебя.

— Это не ты меня не заметила, это я подкрался к тебе, и увидел такое, — облизываюсь я и тянусь к её груди, прижимаясь к ней, — Не хочешь передохнуть и заняться приятным делом?

Она смеётся.

— Ну-у, тебе трудно отказать.

— Класс! — подхватываю её на руки и тащу, как добычу, на кровать.

Падаем вместе, визжа от восторга. Она стягивает перчатки и трясёт пышной белоснежной гривой.

— Иди же ко мне, — пытаюсь поймать её на кровати, но Мила резко укладывает меня на лопатки и запрыгивает сверху.

Мы целуемся. Она вновь чихает, мы смеёмся. Запускаю руку под серый топ, ласкаю сочную любимую грудь, стягиваю его, как всю остальную одежду с неё и с себя. Нет сил терпеть. Вхожу в неё, точнее она нанизывается на разгорячённый член. Её руки впиваются в мои и вот я распят на собственной кровати.

«Бог мой, готов быть в её власти, стать её игрушкой».

— Мила, Мила, м-м.

— Ты мой, только мой!

— Я не могу. Сейчас...

— Да! — кричит она, а я взрываюсь, как вулкан.

Силы покидают нас обоих, бессонная ночь даёт о себе знать, как ещё не отключилась сразу. Лежим и пальцем пошевелить не можем. Не знаю, сколько мы так провалились, но уверен, что могли бы ещё столько же, а то и больше провалиться.

Но вдруг Мила резко поднимает голову с груди, принохивается, я смотрю на неё удивлённо.

— Чувствуешь, горелым пахнет? — спрашивает она.

Я в ответ принохиваюсь и вспоминаю про чёртовы шашлыки, которые теперь в угли превратились.

— Твою мать! — вскакиваю и, натягивая боксеры, надеваю сланцы и выбегаю на улицу.

«Елки-палки, три шампура и двенадцать кусков напрочь сгорели. Милана, Милана. Ладно, хоть ещё шашлык остался. Теперь она должна хорошо поплатиться за это.»

— Ну что там? — спрашивает она, выбегая следом.

— Шашлык сгорел вот что. Что ж ты делаешь со мной? Сексуальная моя дьяволица. Покоя нет от тебя. Наказать тебя что ли?

— И правда стоит. Предлагаю отшлёпать меня.

— Ты сейчас сильно нарываешься, я не шучу, и ты на таких люлях прокатишься.

— Не, на люлях не хочу, хочу только на тебе.

«К черту готовку, к черту уборку, к черту все остальное. Сегодня мы будем давать столько страсти и похоти друг другу, сколько нам не снилось. Бешено и без остановки. До самой ночи. Не могу оторваться от неё. Черт, как же я проживу без неё? Да, никак твою мать. Нам нужно вдоволь, вдоль и поперёк насытиться друг другом. Хотя не уверен, что это поможет. По меньшей мере сегодня меня ничто не заставит оторваться от неё.»

Двухэтажный дом весь в нашем распоряжении, целые сутки напролёт пока мы здесь. Поэтому мы почти не одеваемся и ходим нагишом, занимаемся сексом на подоконнике кухни, на кухонном столе, в кровати первого этажа, на стиралке в душе, в комнате на диване, на письменном столе, на чердаке среди старого ненужного пыльного барахла, в подвале прижавшись к старому серванту с посудными наборами и старыми запылёнными пустыми банками, от резких быстрых движений все на хрен падает и бьётся. Но нас это не останавливает. Ну а заканчиваем мы в душе.

Сначала мы моем друг друга, одновременно договариваясь завтра вместе закончить уборку в доме. Затем я прижимаю её к бетонной стене, собираюсь войти в неё, но она останавливает меня, отрывается от стены, прижимая меня теперь к ней. Целует, а потом спускается на коленки и берет в рот член.

«Господи, от её движений языком по члену я с первых секунд готов кончить. Я был уверен, что моя девочка в совершенстве владеет этим искусством, но не думал, что от её касаний аж судорога в ноге будет и внутренности от кайфа будут сжиматься. Своё семя я разбрызгиваю ей на грудь, а оттуда она растекается по всему телу.

Мила поднимается с колен, и я прижимаю её к стене и нежно довожу её до такого же кайфа пальцами.

Просыпаюсь раньше него, а он лежит рядом и сопит, как сурок. Такой милый. Смотрю на него и улыбаюсь.

«Спит мой любимый, родной мальчик. Спит и думает, что я ничего не видела и не понимаю, почему он так старается. Как же хорошо с ним. Знаю, милый, знаю и видела, что усиленно тебя ищут».

Сглатываю слезы. Немного нам осталось. Тихонечко встаю и иду на кухню.

— Доброе утро, кошечка, — Дима подходит ко мне со спины, и я чувствую его желание.

— Доброе утро, — поворачиваюсь к нему лицом и крепко целую в губы. Его восхитительно нежные губы. Его руки в мгновение оказываются на ягодицах и крепко сжимают их, — Я голодна, как волк, — шепчу ему на ухо.

— Так давай накормлю, — трётся он набухшей ширинкой меж ног.

— Я не шучу, пошляк.

— А что пошлого в том, что я бы с радостью съел тебя вместо завтрака, — берётся он за подбородок и заглядывает в глаза.

«Люблю эти взгляды. Ни разу ещё перед ним не устояла».

— Я тут приготовила кое-что для тебя. Оценишь? — отламываю кусочек и кладу ему в рот.

— М-м, — облизывает пальцы, будто они самые вкусные в мире леденцы.

Я смеюсь от щекотки и от счастья, а потом чихаю.

«Ну, почему, почему такой милый, ласковый и нежный парень, как он, влип в такую гадкую историю».

— Как тебе?

— Это лучшие сырники, что я пробовал.

— Я кофе ещё нам сварила, будешь?

— Из твоих ручек даже яд крысиный приму.

Мы садимся за стол друг напротив друга. Смеёмся, говоря обо всем и не о чём. Дима вспоминает про речку. Я соглашаюсь. Правда, погода нелётная.

— Да, можно сгонять на реку. Что возьмём с собой? — любопытствую я

— Презервативы?

— Ха-ха. Дурак!

— Можно вина и бутеров. В шкафу, кажется, был плед.

— Тогда он на тебе, а я соберу еду.

Через час мы сидим, на травке у самой реки. Я чихаю. Вода в ней такая безмятежная. Природа здесь тихая, завораживающая и настраивающая на размеренность и спокойствие. Помогает забыть обо всем. Дима наливает в стаканчики вино. Мы желаем друг другу счастья, пьём, целуемся.

«Какие же у него крепкие руки. Мурашки бегут по телу, когда он сильно, но нежно обнимает меня».

— Я хочу тебя прямо здесь, — уложив меня на плед, шепчет Дима и смотрит томно в глаза.

— Кажется, дождь, — ловлю лбом первую гигантскую каплю.

Он смеётся и говорит, что это ерунда, но через секунду опускается такой ливень, что мы

едва различаем лица друг друга, хоть и на миллиметр не сдвинулись.

— Пойдём! — хватает меня за руку Дима и тащит вперёд.

— погоди! Куда мы? — вытираю рукой потоки воды, что заливают глаза.

— Держись! — подхватывает на руки и с разбегу влетает в реку.

Внизу вода, сверху вода и его поцелуи. Вот, оно истинное счастье и восторг. У меня, наверное, тогда крылья за спиной выросли. Я парю, выгибаюсь и, раскинув руки в стороны, истошно визжа от неопишуемой радости, парю.

«Как же приятно, когда его руки, сильные мужские руки надёжно держат под спину».

Рядом с нами, искрясь в землю втыкается разряд молнии и следом гремит, оглушая, гром. В эту же секунду Дима входит в меня. Хватает всего пары движений, нас накрывает невероятная волна оргазма, и мы падаем в воду. Вернее, ноги Димы подкашиваются, и он оседает на колени.

— Я люблю тебя, — шепчу ему в ухо осипшим голосом.

— Теперь ты только моя — отвечает он и ставит засос на ключице.

Выползаем на мель. Лежим довольные, вокруг ни души. Фантастика.

— Замёрзла?

Отрицательно мотаю головой.

— Я ж вижу по губам.

А я и не заметила, пока он не сказал. Тогда только стала ощущать, как сильно продрогла. Мы собираем пожитки и отправляемся домой.

Дома снимаем мокрые вещи и раскидываем их по стульям сушиться. Надеваем все сухое, но этого мало.

— Что ж ты у меня мерзлявая такая? Греешь тебя, греешь. Ладно, сейчас все исправим.

Дима уходит на кухню, а я плотнее укутываюсь в плед. Через несколько минут он возвращается довольный, как слон.

— Теперь можно хоть в трусах ужинать. Прошу любить и жаловать, — приглашает он жестом меня на кухню.

Я прохожу и понимаю, что зря брала плед.

— Я ещё чаек сделал. Садись.

Дима заботливо расставил чашки на столе и тарелок со всякой всячиной. Немного подкрепившись, я ощущаю тепло во всех конечностях.

— Красота! — откинулась на спинку стула и блаженно заулыбалась.

— Так и знал, что сработает. Жаль только, что на улицу теперь нос не высунешь.

— У печки так хорошо, что и выходить не хочется.

— М-м, я знаю, чем нам развлечься, — кидается на чердак.

Гремит, грохает там чем-то.

— Не знаю рабочая или нет. Проверим? — возвращается с денди в руках.

Я усаживаюсь на гору подушек, Дима долго что-то налаживает в приставке, соединяет её с проектором, садится сзади меня, наши ноги переплетаются и вуаля, игра началась!

Марио, сталкер и контра до утра.

Три часа игрищ дали о себе знать. Дима падает рядом, мы, нежно улыбаясь, смотрим друг на друга, я тереблю его волосы, он просовывает пальцы под шорты. Меня бросает в жар и дрожь от желания. Он горячо целует бедра, укладывает на спину и целует в губы. Мы снимаем друг с друга одежду. Оставшись в белье, мы ласкаем и гладит друг друга, плечи, руки, грудь.

— Дима, — шепчу его имя.

«Мне нравится сочетание этих букв, каждый звук настолько гармоничен для меня, что голова кругом каждый раз».

В ласках мы теряем ход времени.

— Слушай, я у тебя видела велик, может, прокатимся?

— А почему бы и нет? По грязи сейчас самое то.

— Я серьёзно.

— Я тоже, — смеётся он и встаёт.

Встаю и, шлёпнув его по ней, торопливо одеваюсь и выбегаю на улицу.

Хватаю велик и выруливаю со двора. Дима мигом догоняет меня, и мы весело мчимся по деревенским грунтовым улицам. По лужам, канавам и кочкам. Вода и грязь разлетаются в разные стороны.

— Никита-а! — раздаётся женский голос.

Поворачиваю голову на звук и вижу мальчонку, играющего на дороге. Мгновенно выкручиваю руль и лечу, черт знает куда. Руки, ноги, руль, и носом в лужу. Грязь залепляет глаза, нос и уши.

— Тихо, тихо, я тут, — подбегает ко мне Дима.

Помогает все очистить. Я вдыхаю, но не могу. Снова паника и страх.

«Никита, Никита. Она сказала Никита».

Перед глазами все плывёт. Кислорода катастрофически не хватает.

Полноватая женщина средних лет с темными заколотыми волосами подбегает к мальчику, берет его на руки и отходит чуть поодаль. Она отчитывает его за непослушание. Он расстроено глядит на мать и молчит, держа в руках синий грузовичок с жёлтой машинкой. Потом она прижимает его к груди, гладит по голове, говорит, как перепугалась за него и просит так больше не делать. Берет его за руку и направляется к дому. С облегчением выдыхаю, собираюсь уткнуться лбом в грудь любимого, обнять и продолжить наше веселье, но замечаю, как этот мальчишка грустно смотрит на меня. Я зависаю на нем, предчувствуя плохое. Страх и паника возрастают в несколько раз. Я вся съёживаюсь, дрожу, леденею, а в следующую секунду лицо маленького незнакомца сменяется на лицо того самого Никиты. Голова его синее, появляются синяки, кровь, из глаз текут слезы. Затем оно сменяется на злющее лицо, взглядом высасывая мою душу.

Чувствую, как трясётся моё тело в Диминых ласковых руках, а голос возвращает меня в реальность

— Малыш, малыш, Милан, идём в дом, детка.

Ищу взглядом мальчонку и его мать, но они давно скрылись за забором.

— Да, пойдём, — сама не узнаю свой слабый голос.

Войдя в дом, Дима усаживает меня на табурет и уходит в комнату. Через пару минут он возвращается с пачкой таблеток в руках и протягивает их.

— Эти?

Я могу только утвердительно кивнуть. Дима наливает воду в стакан и вручает вместе с таблеткой «Кветиапина»

— Спасибо, — говорю я и целую его, — спасибо за всё, — слезинки набухают в уголках глаз.

Я стою в тёмной комнате, не имеющей окон и дверей, в комнате без малейшего источника света. Хоть глаза слепы сейчас, но я знаю, здесь есть кто-то ещё. Даже знаю кто.

Но он не человек. Он — существо с длинными мокрыми волосами, облепившими его лицо, отвратно растянутое на вогнутой внутрь голове, его тело изломанно и кошмарно-худощаво. Его кожа бледна и холодна как снег, он глядит на меня даже не имея глаз...

Тошнотворное чувство, подступающее к горлу. Внезапно, комната пропала. Теперь вокруг только вода, сомкнувшаяся над головой. Не могу пошевелиться и покорно иду ко дну. А он наблюдает из бездонной, иссиня-чёрной тьмы водоёма. "Нет, только не опять!" — пытаюсь я закричать, но губы меня не слушаются. Пузырьки воздуха выскользнули из рта. Лёгкие жгло огнём... Бешеный страх за свою жизнь заставляет меня снова и снова пытаться пошевелиться.

Просыпаюсь в холодном поту, глотая душный, пропахший сиренью воздух. Вокруг всё, как обычно, огромные окно, пропускавшее в комнату длинные лучи круглого серпа луны, стол, стул, шкаф... Всё точно так же, но как-то странным. У меня пересыхает в горле, поэтому я иду на кухню за стаканом воды и в кровать.

Милка напротив спит, как ребёнок, как только мы вернулись в постель. Прижимается ко мне всем нежным телом и не отрывается ни на секунду.

— Люблю тебя, детка, — провожу по ее размётанным по подушке волосам. Она что-то бубнит, а я улыбаюсь.

Тихонечко выползаю из-под её «крылышка» и проскальзываю на улицу. Я планирую подготовить сюрприз для красотки. Только бы не разбудить.

После сюрприза я принимаю душ. Обтираюсь полотенцем и в этот момент заходит моя королева.

— А-а, вот ты где, — подлетает она с радостной улыбкой на лице.

«Ох, уж эти её губки.»

Целую её крепко-крепко и прижимаю к себе.

— Букет на окне прекрасный, спасибо, любимый, — гладит она меня по волосам и третья бёдрами.

Не успеваю опомниться, как она в мгновение заводит меня до предела, усаживается на стиралку, и притягивает к себе.

— Кстати, на кухне тебя ждёт ещё один сюрприз — восстанавливая дыхание продолжаю я.

— какой? — широко улыбаясь отвечает она.

— пойдём, увидишь — выходим из ванной — закрой-ка глазки.

— зачем?

— Ну, пожалуйста.

— Ок.

Она зажмуривает глаза, я веду ее к столу со вкусностями, усаживаю на стул и прошу открыть глаза.

«Я продам сейчас все, что угодно, чтобы ещё раз увидеть эту счастливую улыбку на её личике. А это блеск её глазок. Бог мой.»

— Это..., это так мило, — её голос дрожит, — Сколько ж времени ты потратил на это? Ты во сколько встал, чтобы это все приготовить?

— Ну-у, если честно, то я не спал.

— Дима-а, — она умиляется, и её щеки румянятся.

Лучшая награда для меня.

— Очень хочется все это попробовать.

— Смелее.

Первым делом она принимается за картофельное пюре с фаршем и с поджаркой. Затем мы вместе уплетаем слегка подгоревшую яичницу с приправами, ну а завтрак мы заканчиваем кофе с мини-пиццами.

— Боже, как же это все вкусно. Ты, молодец. Солнышко.

— Все только ради тебя.

— Я объелась до отвала.

— Как на счёт футбольного поля, тут есть заброшенная школа, можно там побродить. Растрясись, так сказать. Или можно дойти до элитной улицы, там красивые дома стоят.

— А это интересно. Только стирочку быструю организую.

— Забей на стирку, там нечего стирать.

— В смысле? Были же наши вещи.

— Ну-у, я все постирал и развесил сушиться.

— Господи, ты серьёзно? Что с тобой сегодня такое? Ты все ещё мой Дима?

— Мой Дима? — вскидываю бровь, глядя на неё.

«На самом деле это приятно».

— Ничего, просто решил в последние дни сделать любимой девушке приятно просто так, мне что нужна на это причина? — она заметно напрягается, когда я продолжаю.

— Ну-у нет, просто у меня давно такого не было, не привычно и приятно.

— Ты такая милашка, когда морщишься.

— Ах, ты ж, — тыкает меня в грудь, а я обнимаю ее.

Мы смеёмся.

— Слушай, я тут вспомнил. Короче, у меня есть один знакомый, который может смастерить годные документы на работу для проблемных людей, вот я и подумал, что надо к нему обратиться за помощью для тебя.

— Вау, — красноречиво выдыхает она, — это... это фантастикаспасибо, спасибо, спасибо, — кидается на шею и расцеловывает.

— Люблю тебя, детка.

— Но, а-а, как мы с ним расплатимся за помощь?

— Ну это не твоё дело, а моё. Я сам с этим разберусь, ни о чём не беспокойся.

— Ну ладно, надеюсь хоть за это у нас не будет проблем?

— Нет, не будет, не переживай, все будет чисто и прилично, обещаю.

— Ну хорошо, я так счастлива и благодарна тебе, даже не знаю, как тебя и отблагодарить

— Дурочка моя, ты и так слишком много сделала для меня, так что не думай об этом и выбрось это из головы.

Перед выходом мы кладём в пакеты лёгкую закуску, несколько бутылок ледяной воды, покрывало и мячик. Добравшись до поля, мы решаем поиграть в волейбол. Ну как играем, я играю и учу ее играть. Пару раз ей по голове прилетает мячом. Я выигрываю пять раз подряд, но сыграв ещё несколько раз, уже когда она начинает играть лучше, я все же ей подыгрываю и специально проигрываю, пусть целый день ходит радостная. Нам это нужно, а ей особенно.

Затем мы идём к старой школе. Мы находим подходящее место, чтоб влезть внутрь.

В такой атмосфере школьных годов, мы по-детски шутим, рассматриваем тетради, учебники, муляжи, банки со всякой живностью, рисуем на всем подряд всякое, пишем непристойности, делаем фото, и на одном из столов выцарапываем «Здесь были Дилана».

Когда выходим обратно на улицу из пыльного здания, на телефоне Милы звучит уведомление о смс. Она достаёт телефон из синих коротких джинсовых шорт и читает его, и улыбка сползает с её лица.

— Что такое, Мил?

— Дим, какая-то фигня. Посмотри.

Я беру ее телефон в руки и читаю следующее:

— Привет, я друг Димана. Такое дело. Его все ищут. Говорят, он какого-то пацана укатал и у тебя его видели. К предкам его в первую очередь пошли. Как оказалось, они пришли на следующее утро, как он от них ушёл. До него никто не может дозвониться и

дописаться. После ментов его отцу стало плохо, сердце ёкнуло, но он жив. Сейчас в больнице лежит. Мать там его вся распереживалась. В общем, если увидишь, услышишь его, то убеди его связаться с родными, успокоить их.

Мы ошарашено вчитываемся пару раз в сообщение и переглядываемся.

— Как думаешь это правда?

— Не знаю, Дим, все может быть.

— Твою ж мать! Когда же это все закончится!

Охватываю голову руками, думаю о родителях и этом чёртовом смс. Выхода нет. Замкнутый круг какой-то. Оседаю на высокий камень неподалёку.

Она подходит ко мне, молча обнимает и гладит по голове. Прижимаюсь к ее животу и обнимаю в ответ.

— Надо бы это проверить, мало ли. Я бы могла зайти к твоим родителям, узнать, что да как.

Я тяжело вздыхаю.

«Черт, мне ужасно страшно за родителей. Не то, что бы все это время с любимой я не разу не подумал о них, но не думал, что все так получится.»

Усаживаю на себя Милану и крепко обнимаю, как маленький мальчик от страха. Она продолжает гладить голову и спину.

— Да, давай, попробуем так, — неожиданно для меня самого срывается с губ, — Прошу, держи меня крепче, я боюсь остаться один, я боюсь за всех вас.

— Милый, ты никогда ни останешься один, мы будем всегда с тобой. Я никогда не отпущу тебя... И ты держи меня крепче рядом с собой.

Я целую ее нежные губы.

Мы заходим в дом и собираем все вещи.

«Это были отличные медовые дни.»

Пока Милана собирает продукты по пакетам, я собираю наши вещи по сумкам. Она выходит с мусорными пакетами на улицу и в этот момент на ее телефон, лежащий на кровати приходит новое смс. Беру его в руки, чтобы отнести ей. Даже не собирался читать ее смс, но глаз сам упал на включённый экран ...

«Твою мать, сука, че за на хрен?»

Остановливаюсь на пороге и читаю ее смс от какого-то Саши.

— Привет, детка, я вернулся, встретимся? Я соскучился по тебе.

«Черт, блять, че за хрень такая? Блять, че за мудака ей пишет? Че за нахуй? Как это понимать? Я чего-то ещё о ней не знаю? Сука, я ж не переживу, если это то, что я думаю. Я тут все на хер разнесу к ебаным чертям собачим.»

Провожу пальцем вверх.

«О, у неё даже телефон без блока стоит, ну это хорошо.»

Нажимаю на сообщения этого придурка и открывается их переписка. Последнее их сообщения было в тот день, когда я смылся от нее после того как я ей отказал в сексе на кухне. Они договорились встретиться на следующий день.

«Она была у него. Она трахалась с ним. Это реально тот мудака, с которым она спит за бабло? Черт, зачем я это все прочитал? Зачем? Черт, теперь же я сейчас запарюсь и все разнесу. Потеряю над собой гребаный контроль. Твою же мать, ну за что это все? За что? Это все так бесит.»

Как только я собираюсь выйти на улице к любимой девушке и всунуть ей ее чёртов мобильник в руки, в этот момент она сама входит в дом, широко распахивая дверь передо мной. Она замирает, растеряно смотрит, то на меня, то на смартфон, затем шагает ко мне, дрожащими руками берет в руки телефон, а я смотрю на неё. Она читает смс. На её лице отчётливо читается боль, испуг. Между нами витает нервная тишина.

— Ну, может, объяснишь, какого хрена этот мудака пишет моей любимой девушке? — складываю руки на груди.

Она поднимает на меня глаза, которые наполняются слезами.

— Это ...этоэто ...тот парень с которым я ... про то что я тебе говорила.

— Ну, и?

Она подходит ко мне вплотную, смотрит в глаза и продолжает.

— Слушай, Дим, честно, я клянусь тебе, я не знаю зачем он написал, я говорю тебе правду. Ты же знаешь, что все это время я была лишь с тобой. Ты сам видел, что я ни с кем не говорила по телефону и не переписывалась. Я его давно не видела и не слышала.

— Хм, а я бы не был так уверен в этом. Кто тебя знает, может ты уловила момент и общалась с ним пока я не вижу.

— Пожалуйста, прекрати..., — её голос дрожит.

— Милан, ты же моя девушка, твою мать! Почему моей девушке пишет еблан и хочет с ней встретиться?

Она молчит.

— Не молчи, умоляю.

— Ну, он наверно хочет встретиться, чтоб дать денег, — робко отвечает она.

— Да и трахнуть тебя за одно. Это ведь так? Ведь так и есть! Ну хорошо, отвечай ему, пиши, что готова встретиться с ним прямо сегодня, че бы нет, давай, иди к нему и трахайся с ним за деньги. Вы же все так девки делаете, вы не любите тех, кто любит вас, а любите всяких уебанов с деньгами, ты наверняка такая же.

— Господи, чё ты несёшь, Дим! Замолчи! Остановись...

— Ответь только на один вопрос. Когда в последний раз ты с ним виделась? Ответь, твою мать, когда ты в последний раз с ним трахалась?

Мила замолкает, опускает глаза в пол.

— Первого числа, — еле лепечет она.

— Класс, супер, восхитительно! — всплёскиваю руками, — Сначала ты хотела трахнуть меня, но я тебе отказал, потом ты побежала к нему трахаться, удовлетворяя свою гребаную потребность.

— С меня довольно! Подавись ты своими вещами, жратвой и предками! Да, я пропащая шлюха и тварь! — со всей дури пинает мешки и уходит в спальню за своими вещами. Хватает свой рюкзак, кидает туда все что осталось не сложенным и спускается на кухню.

— А знаешь, что? Ты ж и сам ничем не лучше меня. И да, я трахалась с ним, чтобы с голоду не подохнуть.

— Но ты и сейчас хочешь есть и где-то жить, как завтра, после завтра и после-после завтра, и в другие дни, ты же всегда этого будешь хотеть. Ты че вечно собралась с ним трахаться за деньги? Ты не пробовала найти хорошую нормальную работу, а, Мил? Знаешь, как говорят — «кто ищет, тот всегда находит». Можно было бы за год давно найти работу, а не стелиться под всяких дебилов за бабки, но ты этого не захотела и не додумалась, правда? Поэтому ты решила пойти по уебанскому пути, молодец, девочка, так держать, шлюха. Пиши

ему, что готова с ним встретиться и взять у него за натуру деньги на пропитание

— Bravo! — аплодирует она, — Только жаль, что ты не оригинален! Встань в очередь за моими родаками, — гордо подняв голову, выходит на улицу.

— Куда ты пошла? Я с тобой не договорил!

— За то я с тобой договорила!

Она уходит в сторону шоссе.

— Черт, твою мать, сука, блять — ору я и пинаю все что попадётся под ногу. Пачка выпадает из кармана и чуть не летит следом за прочим.

«Сука, ещё и сигареты кончается, последняя осталась, сука.»

«Долбаный мудак, олень, повёл себя и правда, как тупая истеричка. Все накатилося, день не задался, сорвался блин на свою малышку. Я же не хотел, я просо потерял гребаный контроль и все испортил. Твою мать, блин, блин, я не могу ее потерять, я не переживу этого. Она нужна мне. Черт, я должен всё исправить, извиниться, загладить вину. Она должна меня простить, я таких мерзостей на говорил. Она же простит меня? Надеюсь, что да, хоть бы простила».

— Мила! Милана! — бегу за ней следом.

Благо по этому шоссе машины проезжают раз в час и то по обещанию.

Она стоит на обочине в одиночестве.

— А это ты? — поворачивается ко мне лицом, — Ещё не все сказал?

— Прости... я...

Она смотрит на меня оценивающе.

— Я..., — начинаю, но Мила выставляет руку в запрещающем жесте.

— Страшнее всего, то, что ты оказался прав и во многом. Мне нужна пауза, надо обо всем подумать.

В этот момент подъезжает авто, и Мила его тормозит. Открывает заднюю пассажирскую дверь, садится и уезжает.

Боль в затёкших от долгой дороги в ногах не проходит до тех пор, пока я не делаю чашечку какао и не устраиваюсь на кровати напротив телевизора. Идёт какой-то древний фильм. Жутко сентиментальный. Смотрю, а вернее слушаю диалоги героев, и слезы наворачиваются.

"Конечно, Димка перегнул палку там, в деревне. Но страшнее то, что он прав. Не во всем, но прав."

Утром меня будят громкие мужские голоса. Спросонья не могу разобрать, откуда они доносятся и кому принадлежат. Потираю глаза и, не хотя встаю с кровати. Пока надеваю вчерашние вещи, начинаю понимать, что кричат они на лестничной клетке. Более того слышны удары.

— Они что дерутся? Дерутся! — распахиваю входную дверь и не верю собственным глазам.

Дима. Саша. На лицах и кулаках обоих кровоточащие ссадины. Закрываю рот руками в испуге. Паника накрывает меня с головой.

Окно во двор на лифтовой площадке было открыто и оттуда донеслись звуки полицейской сирены.

— Дима, беги! — воплю я будто и не своим голосом.

Он бежит к двери на лестничную клетку, а оттуда выходит пузатый полицейский. Да так практически своим пузом и возвращает Диму на прежнее место.

Я не чувствую рук. Я не чувствую ног. В груди вместо сердца пустота. Кажется, я ещё дышу, но не уверена. Дима. Саша. Они говорят, как и толстяк полицейский. Их рты открываются, похоже, что они кричат, но не единого звука, словно вакуум. Я ничего не слышу. Только хлопаю ресницами, выпучив глаза. Появляются ещё двое полицейских. Они надевают на Диму и Сашу наручники. Парни сопротивляются, пытаются вырваться. Вижу соседку Наталью Семёновну, возле неё толстяк. Треклятая старушка, все ей не то и не так. Наверняка, она позвонила этим молодцам в синей форме.

Тычет в меня скрюченным пальцем и вещает полицейскому на ухо. С того уж потом в три ручья льётся от ее болтовни. Как ещё мозг не закипел!

— Лейтенант Канарейкин, — прикладывает к фуражке руку, подойдя ко мне — Гражданка, Лазарева! Поступила жалоба о нарушении общественного порядка. Гражданка Соловьёва сообщила о шуме, доносящемся предположительно от вашей двери. Полагаю, — Канарейкин бросает однозначный взгляд на Диму, — что вы согласитесь дать по этому поводу разъяснения?

Я только киваю головой, как собака-болванчик на торпедо захудалого жигуленка шестой модели.

— И лучше это будет сделать в участке.

Я снова киваю.

Тогда нас троих на радость всей округе выводят под белые руки из подъезда и усаживают в служебный полицейский автомобиль. Второй раз в жизни по улицам нашего городка я мчусь на всех парах и под вой сирены с мигалками.

«Фантастическое наслаждение. Спасибо двум болванам. А мне, разумеется, надо орден на грудь повесить, как самой тупой во вселенной. Это ж надо так было вляпаться в это».

Смотрю то на Диму, то на Сашу.

В участке суета, крики, мат-перемат. Приводят какого-то не то пьяного парня, не то алкаша со стажем. Он и дерётся горло, развлекается. Нас усаживают на пластиковые стулья по противоположной стене от него.

По лицу ползёт улыбка, я чувствую, как напрягаются мышцы и всеми силами стараюсь их удержать. Потому что если сейчас начну улыбаться, то меня пробьёт самая настоящая истерика. Вряд ли эти рыцари в синих доспехах смогут её остановить.

Теряюсь во времени, успеваю пройти вечность прежде, чем нас разводят по разным кабинетам. Перед тем, как войти в кабинет поворачиваю голову и вижу Димино бледное и потерянное лицо. Страх его глаз передаётся и мне. Возможно я вижу его последний раз. Меня в этот момент берут под руку и усаживают на ледяной металлический стул в комнате с большим окном без решёток. Здесь ещё несколько стульев и столов. Шкаф с бумагами в папках и за стеклом.

Жгучая слеза катится по щеке.

Молодой парень, на погонах две звезды — лейтенант, протягивает мне платок.

— рано оплакивать вашего друга.

«Интересно о каком из друзей он говорит. Одного давно сожрали деньги, а второго сожрёт тюрьма».

— Как давно вы знакомы с Дмитрием Жеребцовым? — нажимает он на кнопку диктофона.

— Ему много дадут?

— Это решает суд. Но эта драка прибавит ему суток пятнадцать точно.

— Вы следователь?

— Нет, я оперуполномоченный. Васильев Виктор Петрович.

— А как зовут следователя?

— Константин Симонович Воронов. Вы ответите на вопрос?

— семь лет. Вы хотите знать способен ли он убить человека?

Парень отводит глаза. Я и сама перевожу взгляд в сторону окна.

— Милана Константиновна, вы осознавали, что покрываете преступника? — возвращает он меня в момент.

— Да, как и возможные последствия. Не скажу, что мы бабы дуры, хотя таковой себя считаю, раз полюбила такого, как Дима Жеребцов.

Опер почёсывает подбородок и встаёт из-за стола. Подходит к столу с чайником, включает его и отходит к окну.

— Учитывая ваше прошлое...

— Сколько?

— Вероятно два года, возможно условно.

— А сколько светит Диме?

Чайник сигнализирует, что вода закипела. Виктор Петрович берёт две чашки, в каждую опускает по пакету чая, заливает их кипятком и ставит одну из них передо мной на стол.

— Выпейте, вам станет легче.

— Так сколько? — делаю глоток огненного напитка, но не чувствую, как он обжигает губы, а следом и внутренности.

Тело будто онемело

— много. Нужно расследование, но то, то он не явился с повинной существенно осложняет дело.

— Куда его определяют до суда?

— Не могу сказать. Расскажите о том дне, когда он пришёл к вам. Это же случилось, когда он совершил то убийство?

— Это была самооборона.

— Это он вам рассказал? Почему он пришёл к вам?

— Это лучше вам у него спросить.

— Милана Константиновна, я понимаю ваше состояние. Но постарайтесь рассказать все, что можете о том дне. Любое ваше слово может ему помочь.

Я охватываю раскалённую чашку обеими ладонями и всматриваюсь в пар, что исходит из неё. Глаза режет до слез.

— Милана Константиновна, вы же понимаете, что мы все равно вызовем вас для дачи показаний?

Киваю, снова киваю так, будто голова не моя.

— Хорошо, подпишите протокол и можете быть свободны.

Черкаю в указанном месте, даже не читая. Поднимаюсь с трудом со стула и иду к двери.

— Возможно его этапируют в СИЗО № 2, — бросает опер

— Его можно будет навестить?

— Не уверен. Мой вам совет Милана Константиновна...

— Спасибо, но не надо.

Выхожу в пустой казенный коридор. Жуткий цвет стен наводит на самые тошнотворные мысли. Иду, шаркая подошвами. Оказываюсь на пороге участка. Поодаль стоит Саша и остервенело тычет пальцем в экран айфона.

— Радуйся! Не стал я заяву на него катать. Связываться с вами, ушлепками, себе дороже! — плюёт он слова мне в лицо, когда я подхожу к нему.

«А чего я от него ожидала?».

— Хотя знаешь, а ты неплохо поработала в тот раз ротиком. Если ещё захочешь, звони, — посылает он мне воздушный поцелуй, садясь в подъехавшее такси.

Как и сказал Виктор Петрович Диму этапировали во второе СИЗО города Сызрани. На следующее же утро на перекладных мчусь туда. Ищу следователя по его делу. Через три часа я добиваюсь встречи с Константином Симоновичем

Мужчина лет пятидесяти с залы залысиной в трёх местах и очках с толстыми стёклами сидит за сов деповским столом в крохотном кабинетике. Лампочка над его головой мерцает и противно жужжит. Кажется, будто рой жучков под кожу к тебе залез и вибрирует.

— Здравствуйте, Константин Симонович, — просовываю голову в щель приоткрытой двери.

— Здравствуйте, — бормочет он, продолжая изучать бумаги в иссохших руках.

— Я по вопросу дела Димы Жеребцова.

— Девушка, полиция интервью не даёт.

— Вы меня не поняли. Я, Милана Константиновна Лазарева.

— А я следователь по этому делу. Только я вас не вызывал.

— Да, но поймите. Мне б увидеться с ним. Вещи передать, — просачиваюсь в небольшое пространство кабинета и, замерев на пороге, складываю руки в молитвенном

жесте на груди, — Прошу вас, я понимаю, у вас регламент и все такое, но вы же...

— Кто? Человек? Знаете, сколько раз на дню я это слышу. Даже верить начал, — смеётся он, — Но у нас тут не дом свиданий. Тем более вы свидетель по его делу. Скоро суд, там и увидите.

— Ну, а вещи?

— Вещи передать можно, но после тщательного досмотра. Возьмите список запрещённого у дежурного на входе.

Повисает пауза.

— Что-то ещё?

— А... сколько ему дадут?

— В худшем случае шесть лет, а в лучшем четыре, все зависит от вашего с ним поведения. А знаете, что? Может, это и к лучшему, что вы сегодня пришли. Проходите, присаживайтесь. Сейчас оформим ваши показания и дело с концом. Быстренько для протокола, кто, что?

— Милана Константиновна Лазарева. Уроженка года Тольятти. 26 лет, не замужем, детей нет, братьев и сестёр тоже нет. Отец и мать живы, но связь не поддерживаем.

— Где-то работаете, учитесь?

— Нет, — нервно сглатываю.

— А чем на жизнь зарабатываете? — устремляет он на меня пытливый взгляд.

— Простите, а какое это имеет отношение к делу? — с надрывом спрашиваю я

— И все же?

— Подъезды мою.

— К уголовной ответственности когда-нибудь привлекались?

— Да — опустив вниз глаза, отвечаю я

— Прекрасно. Следовательно, с процедурой допроса вы знакомы, — бросает он это в воздух и что-то изучает в бумагах, — Так и в каких отношениях вы состоите с Дмитрием Жеребцовым?

— Он мой парень.

— Как давно?

— Неделю.

— Обвиняемый и потерпевший были знакомы до происшествия?

— Дима сказал, что видел его первый раз и это потерпевший напал на него. Он приревновал свою девушку к Диме.

— Как бы вы охарактеризовали обвиняемого?

— Добрый, отзывчивый, готовый прийти на выручку.

— Почему как вы считаете, он пришёл к вам?

— Об этом знает только он сам. Но я могу предположить, что он надеялся найти в моем лице того, кто способен его понять.

— Как выглядел обвиняемый в тот день?

— Весь в синяках, царапинах и кровоподтёках.

— Было ли у него при себе оружие, нож, пистолет?

— Откуда у простого работяги такие деньги, чтоб пушки покупать. Конечно, нет.

— Как обвиняемый пояснил своё состояние?

— Сказал, что на него напали в подворотне. Пришлось защищаться.

— Он вам что-то оставлял на хранение?

— Нет, — хмурю лоб, пытаюсь понять к чему он ведёт.

— Считаете ли вы, что он способен совершить убийство?

— Нет, однозначно нет.

— Что ж спасибо за содействие следствию, Милана Константиновна. Вы можете быть свободны.

«Господи, боже, Димас. Ну ты и влип».

Сижу на нарах, поджав ноги к груди, и упираюсь спиной в ледяную бетонную стену. Сверху мужик какой-то крутится, скрипит пружинами. Песок сыпется на голову. За решетчатым окном льёт дождь. От того ещё тошнотворнее на душе.

«Меня сейчас разорвёт от гнева и злости, был бы хоть нож, точно бы зарезал сам себя. Только это ты и можешь, недоумок конченный. Как, ну, как можно было быть таким упырем долбаным. Ещё и девку за собой потащил. Мудило ты, Димасик. Вальцуй теперь задний проход, готовься».

От ковыряния в замочной скважине я вздрагиваю так, словно только что рядом бомба взорвалась.

— Кого там на хер несёт! — харкает на пол татуированный бугай.

— Жеребцов Дмитрий Васильевич! — с оглушающим скрипом дверь открывается, а за ней парень возраста в форме стоит, — На выход.

Ноги ватные, едва слушаются. Кое-как сползаю с нар и иду к нему.

— Лицом к стене! — смыкает запястья ледяными наручниками.

пинает меж лопаток, и я слегка подаюсь вперёд. Таким образом, скрюченного в три погибели, офицер ведёт меня по тускло освещенным коридорам СИЗО. Поджилки трясутся. Перед глазами все плывёт, сейчас вывернет.

Вскидываю глаза слегка вверх и перед тем, как снова лбом воткнуться в обшарпанную стену, замечаю дверь с табличкой следователь и какой-то там фамилией и именем.

— Свободен! — командует хриплым голосом подтянутый мужик в форме.

На вид ему не больше пятидесяти.

«Я сижу перед ним на стареньком, похоже ещё советском стуле. Вроде в штанах и худы, под которым у меня майка с буквами AC/DC, но полное ощущение, что я не просто голый, а более того, что этот мужик заглядывает мне в кишки. Мне конец, мне конец, мне конец»

Слова пытаются в моем воспалённом мозгу. Тяну руку ко рту и методично сгрызаю ноготь на большом пальце почти до мяса.

Мужик командным голосом представляется и зачитывает мне права, а у самого ком в горле. Не сглотнуть, не выплюнуть.

Сижу, смотрю на следователя, по факту конечно, лицо направлено в его сторону и глаза подняты на уровень с его глазами.

Хлопок. Нет мощный удар толстых, как сардельки пальцев о несчастный стол. Он натужно стонет и трещит, грозя развалиться на глазах.

«Вот, так и меня расплющит судебная система нашего доблестного государства. Прощай, мамочка, прощай, папочка. И ты, Милочка, прощай. Ещё свеж твой сладостный поцелуй на губах. Ещё помнит тело нежные прикосновения. Аромат твоей кожи и улыбку в душе до последнего вдоха сохраню. Прости, прости...»

— Не смей корчить из себя дурака в моем кабинете! — ревет следователь глубоким грудным голосом.

— Не-не, — губы ходуном, язык в рогалик трижды узлом завязывается.

— Тем более, что в вашем случае, Дмитрий Васильевич, это не сработает. Неделю бегать вам ума хватило.

— Ад-д-д...

— Адвоката желаете? Прелестно. Завтра будем вам адвокат. А пока, может, позвонить есть кому. Хотя не давал бы я вам, будь моя воля. Но обязан, — двигает ко мне старенький телефонный аппарат с диском вместо кнопок. Ему самое место в музее, а он тут пашет и пашет, как батя мой на заводе.

«Мама, Миха, Мила. Мила. Блин, Мила, как она там теперь? Какое ж я все-таки чмо». Тянусь рукой к трубке, набираю мамин номер.

— Да. Кто это?

Открываю рот, а слова застряли в глотке.

— Кто это? Алло! Слушайте, если вам заняться нечем, то...

— Мам, это я..., — сам свой голос не узнаю.

— Дима-а, — нараспев произносит она, — У тебя всё в порядке?

— Мам, у меня мало времени, — следователь тыкает в циферблат часов на руке, — Ты только не волнуйся.

«Ага, не волнуйся. Скорую вызывай, только. И поскорей. Хотя... Нет все-таки лучше пусть кто-то, сама себе, мамочка, ты вряд ли помочь сможешь».

«— Мам, я... Мам, я в СИЗО номер два по городу Сызрани», — говорю и сердце вместе с лёгкими выплёвываю.

— Ка-а... Димочка, сыночек. Я лечу к тебе. Держись, милый. Я выхожу.

— Нет. Нет! Мам, стой. Тебя не пустят сегодня. У меня все хорошо. Не волнуйся, пожалуйста.

«Ага, а сам сейчас грохнуть тут башкой об пол».

Так трясёт, что стул прыгает вместе со мной.

— Короче, мам, времени мало. Мой следователь Константин Симонович. У меня все в порядке. Пожалуйста, не плачь, мам.

«Господи, Господи, Господи. Какой же я урод. Ну, вот, как. Как я мог так с ней поступить. Мам, мамочка, мамуля. Прости, прости меня».

Слезы текут по щекам не остановить.

— Мам, пожалуйста. Ма-а-ам..., — следователь вырывает у меня трубку и кладёт на аппарат.

«Да похер все, если сидеть за убийство, так что только за одно-то а?»

С истошным воплем прыгаю на него через стол. Мы вместе летим на пол. В руке что-то хрустит при ударе о плитку. Другой рукой в эту секунду успеваю нанести удар в щетинистую щеку следователя. В дверь врываются двое парней с резиновыми дубинками. Константин Симонович отмахивается от них и в мгновение ока выворачивается из-под меня. Ещё бы в нем пади килограмм сто не меньше пни его росте-то в два метра, а я килограмм пятьдесят вместе с говном.

В итоге пара секунд и на запястьях снова сверкают браслеты. В этот раз один из охранников даёт мне коленом под дых. Оба тащат меня под белые руки до самой камеры, пока я извиваюсь и матерю всех на чем свет стоит.

Снимают с меня наручники у самой двери камеры, тыкая лицо намеренно в стену, так чтоб я прямо губами, а лучше зубами бы об неё тёрся.

«Упивайтесь, мрази легавые, упивайтесь властью, скоты вонючие».

Скалюсь на них и смеюсь, пусть и не слышит никто.

Один, тот что посильнее, хватает меня за шкуру и вбрасывает меня, словно мешок с

мусором в камеру. Лечу по полу пузом, сдирая подбородок в кровь. Останавливаюсь только, потому что упираюсь головой в чью-то ногу.

— Опачки! Это что за киндер-сюрприз у нас.

Поднимаю глаза и вижу мужика, похоже того, что спал надо мной. Тот ещё мордovorот, одним словом.

— Так иди сюда, сука, и посмотри, — вскакиваю на ноги.

«Откуда только борзость такая взялась. Бляха муха. Руки чешутся сил нет. Ох, не поменяйте лихом!»

Со всего маха бью его в морду, разбиваю нос ему в кровь с одного удара. Он отплёвывает кровь в сторону.

— Ты кого сукой назвал, фраер! — звереет он на глазах.

Да и остальные урки, почуяв, куда ветер дует сгруппировались вокруг меня.

«Прощай, жизнь».

Мысленно воздаю молитвы небесам и едва успеваю закрыть лицо руками.

В следующий раз, когда удаётся разглядеть хоть что-то, то это была размазня. Глаза ж почти совсем не открывались. Да и лицо в целом наверняка больше напоминало котлету. Дикая, жгучая боль в носу, на губах, щеках. На мне и живого места нет. Более того и ребра похоже сломать успели.

Сейчас ещё и пальцы на ногах ко всему прочему добавятся. Кто-то волочит меня по полу, держа мёртвой хваткой под руки, лицом вниз. Бесконечный коридор. Тащат и тащат, встали наконец.

«Ещё и зуб что ли выбили? Вот уроды!»

Меня швыряют на койку. Вкалывают нечто. Голова идёт кругом. Но главное, что теперь ничего не болит.

«Где я?» — во рту, пожар, засуха и кажется кто-то сдох, — «Да что ж у меня с глазами?» — тяну руки к лицу. Ну как тяну, дёргаю, а они застревают, — «И тут примотали, падлы. А мочится, сука, мне что в штаны?» — пытаюсь заорать, но, где уж мне. Губ друг от друга не оторвать. Гремлю цепями, — «Охереть, докатились».

— О! Проспался, бунтарь, херов, — по голосу вроде мужик, а по близости звука навис над самой рожей, — На, хлебни! — губ касается ледяная жестяная кружка.

Спустя секунду живительная влага течёт в горло. Это лучшая вода за всю мою никчёмную жизнь.

— Х-а-а, — наконец могу хоть что-то выдавить из себя.

— Пей-пей, мы ж не живодеры какие-то.

— Спасибо.

— Ну, вот, и молодчина. Угораздило ж тебя на этих красавцев лезть. Первоход значит. Смотрю на мужика в белом халате сквозь щель, на которую правый глаз способен открыться.

— Это ж рецидивисты натуральные, а ты с кулаками.

— Слабенькие рецидивисты у вас, — съёживаюсь от боли, внезапно пронзившей грудину, — Вот, дерьмо!

— Ну да, ну да. Давай, садись, послушаю тебя, — отстёгивает браслеты и помогает сесть на койке.

— Рентген конечно нет у нас, но похоже трещина у тебя в ребре. Жить будешь.

— Круто! Только сдохнуть бы не помешало, — закашливаюсь я.

— Юморист. Молодой ты ещё подыхать, — снимает с меня майку мою фортовую.

Нарочно не придумаешь, на ней алые буквы, измазанные кровью. Красота.

Первый раз со вчерашнего дня вижу своё тощее пузо. К слову, его там нет. Один сплошной синяк. Мужик в халате делает повязку на ребра и плюс ко всему дышать становится труднее, но терпимо.

— Ну как солдат? — хлопает меня по спине.

Спрыгиваю на плитку. Шатает конкретно, но стою.

В палату, или как ещё это можно назвать, входят двое в полной амуниции.

— Одевайся, красавчик, — ржут оба, как кони, — Константин Симонович, человек суровый, но отходчивый. Свиданку тебе разрешил. Шагай активнее.

«Куда активнее? Итак, как спринтер мчусь».

Ноги не идут, и колено одно не гнётся, а они ещё и пинает, сволочи. Пинает и ржут. Подвели к двери, втолкали в светлую комнату с горем пополам и на металлическую скамью усадили.

«Руку на кой черт к столу приковывать? Куда я такой красивый отсюда денусь?»

— Сыночка! Димочка!

Поднимаю глаза. Мама...

«Лучше б я все-таки сдох».

Заплаканные глаза, её заплаканные глаза. Белое, как снег лицо. Брат держит её под руку.

— Господи... что с тобой, Димочка, — резко подлетает мама в слезах и вцепляется в меня мёртвой хваткой, отчего дьявольская боль во всём теле пронеслась по жилам и сорвалась стоном с губ.

— Да, жив я, мам, жив, всё нормально — глажу её волосы.

— Хах, нормально? Брат, ты совсем охренел?

— Мих, я... — делаю шаг к нему.

— Это ж надо было парня в арке завалить.

— Это была самооборона. Он хотел меня убить! — развожу в сторону руки — я знаю, что натворил ужасных дел, мне самому от этого тошно, ясно тебе?

— Между прочим из-за тебя придурка, отцу плохо стало, еле откачали!

— Как отец? — обращаюсь к матери.

— Он жив, — отвечает она.

— Да, жив, лежит в мамином отделении, под аппаратами. Ну, а тебе то, что? ты же шлюху местную нашёл, а затем отсиделся у неё. Всё нагулялся? теперь пора и в тюрьму, придурок!?

— Миша, ну, что ты начинаешь, прекрати, это же твой брат, зачем ты так?

— Повтори, что ты сейчас сказал про Милу? — резко дёргаюсь на него.

— Да, с удовольствием повторяю — ты же ни хрена не умеешь девок выбирать, вот всяких шкур подзаборных и трахаешь.... ничему тебя жизнь не учит, придурок.

— Миша, Дима, перестаньте, кому говорю! — сердится мать, вставая между нами.

Теряю над собой контроль и резко нападаю на него.

— Сука, не смей не о ней так говорить, я не позволю тебе этого! — рычу я, вцепляясь одной рукой в его куртку и смотрю на него жгучими глазами.

— Да? а то что? изобьёшь родного брата до смерти? — скалит зубы он, в объятиях

матери.

— Пошёл ты в жопу, мудака, за своими телками лучше следи, а к Миле не смей лезть!

— Больно надо всякое дерьмо трогать.

— Миша, да, что с тобой такое? Я кому сказала прекрати, это твой брат, перестань так говорить! — ругается она и вытягивает руки в сторону, дабы избежать нового нападения.

«А так хотелось, я собирался дать ему в морду за Милану».

Мы замолкаем, а затем в один голос отвечаем:

— Прости, мам.

— Мам, — после паузы обращаюсь к ней, — помоги, пожалуйста Милане.

— Чего? — раздражённо протягивает брат.

— У неё судимость и со здоровьем проблемы.

— Охренеть.

— Дай, договорить! Ей надо помочь с работой. Мам, в больнице всегда нужны санитарки или продавцы на газеты и буфет. Пожалуйста, устрой её к себе. И.... Миш, пожалуйста....позвони отцу Филя, пусть он поможет ей с документами. Только так я могу её отблагодарить.

— Выходи из Сизо и сам помогай своей.... А мы что с мамкой «бюро добрых услуг»?

— Да, блин, вам что трудно?? Я прошу вас, пожалуйста, помогите ей... это важно для меня!

— Дима, сынок, ну зачем тебе нужна эта...девчонка? во круг так много хороших девушек! я прошу тебя, забудь ты о ней. Она не нужна тебе, тебе нужна хорошая приличная девушка без всякой этой гадости... твоя Милана лично мне никто, я не вижу смысла помогать чужому человеку.

Слова матери уж слишком сильно обжигают сердце.

— Мама, перестань! не говори так! Мы любим друг друга! она во много раз лучше той...той суки... я хочу ей помочь. Пожалуйста, сделай это ради меня. Прошу тебя, умоляю. Мам, ну, пожалуйста! — обхватываю руки матери.

— Нет, нет! я не буду ей помогать! Прости, но нет! я готова все, что угодно сделать, чтобы вытащить тебя из этого страшного места, но помогать этой распутной девке я не буду, прости. Мне не нужна такая невестка. Дима, пожалуйста, послушайся меня. Я же тебе добра желаю, сынок, не нужна она тебе, не нужна. Эта ваша любовь долго не проживёт... она поиграет и забудет о тебе, потом найдёт себе нового источника дохода, раздвигая ноги.

— Мама, замолчи! не смей так говорить о ней! я не собираюсь это слушать. Вы её не знаете, а говорите такую мерзость, это не справедливо. Я вам не позволю о ней так говорить!

— Чем же запудрила тебе мозг эта девица, раз ты так усердно идёшь против семьи?

— Если бы вы знали, что ей пришлось пережить, то вы бы поняли нас.... она хорошая, заботливая, добрая и красивая. Если бы не она, то меня бы давно посадили за решётку.

Они тяжело вздыхают, смотрят вниз.

— Хорошо.... я.... я подумаю, но ничего не обещаю — продолжает мать.

— Спасибо, я люблю тебя, мама. Пожалуйста, прости меня за все. Я хочу домой, ко всем вам.

В комнате раскрывается дверь и входит мужик в форме.

— Свидание окончено, — нейтрально произносит он.

В назначенное время сижу в очереди к врачу психоневрологического диспансера.

— Да, да, спасибо, до свидания, Маргарита Павловна — произносит женщина, выходя из кабинета.

Устало и хмуро вхожу в кабинет.

Молодая психологиня Маргарита Павловна с улыбкой здоровается со мной и вежливо приглашает меня сесть напротив неё.

Она берёт несколько листов бумаги и спрашивает о том, как прошёл у меня этот месяц пока я не приходила на сеансы, и я ей честно все рассказываю.

— Какие ещё есть методы излечения?

— Предлагаю вам все-таки начать экспозиционную терапию, как я вам ранее предлагала. Напомню, она более эффективная, но дороже. Не отказывайтесь от этой терапии. Вы можете для начала только попробовать, испытать силы и только потом принимать решение — продолжать или нет. Например, вы для начала можете всего 2–3 дня самостоятельно и вместе со мной опробовать эту технику. Если для вас это станет слишком тяжело, то я постараюсь найти для вас другой метод лечения.

Я тяжело выдыхаю, отвожу взгляд в сторону, затем кладу голову на стол, прикрыв ее рукой. Из глаз выкатываются крохотные капли боли. Я вся дрожу от страха и нервов, по телу бежит холод. Затем поднимаю голову, вытираю лицо и соглашаюсь.

— Сейчас, я вам расскажу самое главное о данной терапии, а затем мы приступим. Итак, экспозиционная терапия помогает справляться с пугающими вещами. Практикуя «экспозиции», люди начинают меньше реагировать на вещи, которые вызывают у них беспокойство и тревогу. Во время экспозиции люди представляют или наблюдают в реальности что-то, что вызывает у них серьёзное беспокойство. Чем дольше длится экспозиция, тем сильнее уменьшается тревожность. Существует 2 типа методов экспозиционной терапии: Экспозиция *in vivo* — это упражнение, которое предполагает физическое присутствие чего-то, что вас пугает. Воображаемая экспозиция — это упражнение, в котором вместо того, чтобы увидеть или прикоснуться к чему-то, что вас пугает, вы как можно ярче представляете это. Экспозиционная терапия обычно включает многократное повторение упражнений *in vivo* или воображаемых экспозиционных упражнений. Работать мы будем по двум типам, но начнём со второго — мягкого типа. Вам все понятно, есть вопросы?

— Нет.

— Вы готовы опробовать терапию сейчас?

— Вроде.

— Отлично. Для начала расслабьтесь, сядьте по удобнее, подышите глубоко, как будете готовы, скажите об этом.

Выполняю её указания.

— Пожалуйста, назовите все ваши самые сильные страхи, от наисильнейшего до менее сильного.

— Дети ...темнотасобакиогонь, — отвечаю я и из глаз выкатываются слёзы.

— С собаками и огнём у вас было связано что-то ужасное?

— Да, меня раньше кусали собаки, преграждали дорогу. С огнём не было ничего такого

— Как вы раньше справлялись в ситуациях с собаками?

— Я замирала на месте от ужаса. Меня всю трясло. Закрывалась полностью руками. Собаки меня царапали, кусали, я редела, а потом кто-нибудь из случайных прохожих разгонял их, и я шла дальше своей дорогой.

— Что больше всего вас пугает в темноте?

— Неизвестность, тишина, что может, что-то случиться спонтанно, неожиданно и напугать до смерти.

— Угу, поняла вас. Теперь наберитесь терпения, сил и представьте такую картину: обычный солнечный день. Во дворе жилого дома играют маленькие дети четырёх-пяти лет, и вы стоите или сидите рядом. Что может происходить дальше.

Я закрываю глаза, впиваюсь ногтями в кожаное кресло и выполняю задание через силу.

— Описывайте все, что представляете и чувствуете.

— Несколько детей на улице играют в песочнице, насыпают в разноцветные ведёрки и формочки песок, лепят куличики, башенки.....чувствую озноб во всем теле... дрожь, сердце быстро бьётся...теперь ониубирают в сторону игрушки и роют яму в песочнице оттуда лезет детская рука.... всё, не могу больше, не могу, не хочу, пожалуйста, давайте, закончим, я не выдержу этого — молю я схватившись за голову.

— Милана, я вас понимаю, но держитесь до конца. Я уверена, что все получится. Вы не должны поддаваться страху, бросать все, как бы не было все ужасно. Вы обязаны быть сильнее этого, мудрее, увереннее и отважнее всего ужаса, что с вами происходит. Дышите глубже, расслабьтесь, поверьте в себя. Я в вас верю. Ваш дикий страх, ужас — это как большие тяжёлые и колючие камни в маленьком хрупком стеклянном сосуде. Сосуд — это ваша психика душа и мозг. Одно неловкое движение и сосуд вот-вот в любую минуту лопнет, разобьётся на тысячи мелких осколков, но этого ни в коем случае не должно произойти. Вы должны уберечь этот сосуд от разрушения. Позвольте самой себе прикоснуться к страху, покажите ему свою мощь и силу, уверенность в себе. Дотроньтесь до него, выплесните на него всю свою боль и страдания, а затем сделайте то, что может уничтожить это внутри вас, предотвратите раскол сосуда. Смажьте его восстанавливающим кремом, положите туда веточку алоэ и лепестки розы, глубоко выдохните.

После паузы продолжаю я:

— Из песка вылезает бледная тощая рука, затем вторая, а затем и сам он. По нему ползают тысячи насекомых, он грозно смотрит на меня. Он подходит ко мне, его злющее лицо меняется на злорадство, а затем детскую невинность с щенячьими глазками. У меня же в этот момент мурашки по всему телу и колющие ощущения. Одну дрожащую руку я протягиваю к нему на плечо, оно ледяное, колючее и слизкое.... нет, нет, нет, нет, я больше не могу, хватит, все стоп, прошу, умоляю — снова сквозь слёзы прошу я.

— Милана, откройте глаза, расслабьтесь, выдохните.... вот, попейте воды... тише, все закончилось.....вы большая молодец, у вас получилось, чему я рада.

Я выпиваю из одноразового стакана воду обхватив его крепко в руках, ставлю на стол, тру колени, опускаю голову вниз, и облакачиваюсь на спинку стула.

— Пожалуйста, опишите ваше самочувствие.

— Меня тошнит, слабость и голова кружиться, сердца не чувствую.

— Выпейте ещё воды и полежите на кресле — предлагает она, и я иду к красному креслу. Я ложусь на диван свернувшись калачиком. Она садится рядом, гладит меня по спине и продолжает — что вы теперь думаете о травмирующей ситуации. Какие чувства и

эмоции испытываете к этому?

— Я ненавижу это все, ненавижу, детей ненавижу, его ненавижу, эту боль, которую он причинил. Я хочу, чтоб это закончилось, я хочу побороть это все — слабо отвечаю я.

— Это хорошо, Милана. У вас все получится. Я вас верю. Вы это сделаете и заживёте радостной жизнью с новыми мечтами, целями и событиями Вам стало полегче?

— Да, немного.

— Вас кто-то сейчас заберёт или вы одна поедете домой?

— Одна, меня некому забирать — отвечаю я и сажусь на диван.

Она садится напротив меня и говорит:

— Хорошо, я вас поняла, значит, что мы сейчас с вами делаем. Следующие три дня вы отдыхаете, расслабляетесь, занимаетесь чем-то весёлым. Если, возникает, что-то плохое, то вы обязательно записываете это в блокнот, чтобы мы смогли в следующий раз поработать над этим. Вы сегодня хорошо поработали, поэтому вы можете сказать самой себе «спасибо» и сделать как-либо приятное, а в понедельник в три часа я вас жду, как всегда. Номер для оплаты работы сменился, вот, пожалуйста, держите — заканчивает она и протягивает номер телефона — у вас есть что мне сказать?

— Да, я хочу сказать вам «спасибо»... спасибо! я обязательно приду в понедельник... постараюсь... если ничего сверх кардинального не случится.

— Хорошо, поняла вас, тогда до встречи и удачи вам. Жду вас в понедельник в три часа.

— До свидания.

Выхожу из кабинета.

«Хочу после такого выпить... да, я определённо хочу выпить».

Выхожу из психдиспансера и иду в ближайший магазин за любимой виски-колой.

В очереди на кассе позади меня стоят девчонки молоденькие, обсуждающие, как они классно сейчас отдохнули на набережной.

«Куда угодно, лишь бы не домой. Почему бы и не на набережную. Давненько я там не была. Это ж наше с ним место. Раньше в компании мы постоянно зависали на набережной все лето напролёт. Сколько же всего смешного было на набережке...»

Всего полчаса и я на месте. Разглядываю любимую набережную и погружаюсь в ностальгические флешбеки.

Вот длинная прямая дорога, вдоль которой с одной стороны стоят много лавок, мини-точек со сладостями, кирпичный длинный круглосуточный магазин, маленький магазин с дорогой выпечкой, не большой игровой тир. По другую сторону средней высоты спуск на песок с лестницей дальше от меня.

«О, помню, как запнулась тут об шнурок. Полетела кубарем в песок. На спине до сих пор микрошрам от того падения. Как однажды на пьяную голову вы мы ночью сломали шлагбаум, как целовалась тут у воды на каменистом берегу с бывшим парнем....»

Подходя к подъезду, вижу на лавочке Димину маму. Быстро оглядываю себя, подхожу к ней и здороваюсь.

— Светлана Михайловна?

— Здравствуй, Милана, — от ее ледяного голоса мороз по коже.

— Чем обязана?

— Думаю нам есть, о чём поговорить.

— Что-то с Димой? С ним все в порядке? — сердце летит в пятки.

— Да, с ним всё... более-менее, — расстроено говорит она.

— Слава богу, — мысленно перекрещиваюсь я, — Ладно, пойдёмте в квартиру, — открываю ей дверь подъезда.

— Простите, у меня не убрано, не ждала гостей, знаете ли, — переступаю порог квартиры следом за названной гостьей.

— Неважно.

— Хорошо. Может чай или кофе?

— Чай.

— Хорошо, проходите на кухню.

Мы заходим на кухню. Она садится за стол, осматривается. Я споласкиваю руки, наливаю чай и сажусь рядом.

— Так и что же вас привело ко мне?

— Я была у Димы. Он жив, здоров. Миша среди знакомых ищет хорошего адвоката для него. Мы все делаем всё, что в наших силах, мы все надеемся на хорошее, готовы на все ради него, — вытирает слезы с лица.

— Я тоже...

— Милан, пожалуйста, пойми меня сейчас правильно. Ты красивая... девушка, но я не одобряю твою связь с моим сыном..., — выдаёт она без лишних предисловий, — Мне не нужны в семье бывшие проститутки, да ещё и с судимостью. Однако, спокойствие сына дороже. Так что, я пришла, чтобы выполнить его просьбу. И как только все будет исполнено, ты исчезнешь из нашей жизни.

— Что? Что вы такое говорите? Вы, вы..., — слезы текут по щекам.

— Ничего личного, — ее голос звучит более чем категорично.

— Что ж, Светлана Михайловна. Вы имеете полное право на ваше мнение. Но знайте тогда и моё. Я от Димы не отрекусь никогда! Я люблю его, как и он меня. И вам этого не изменить.

— Хм, — оценивающе оглядывает она меня, — Любовь? Да, что ваше поколение знает о любви. Вы же наиграетесь друг с другом в свою дурацкую любовь и расстанетесь через месяц. А Дима мальчик взрослый и должен искать себе хорошую приличную девушку в качестве жены, а ты на эту роль совершенно не подходишь. Так что прошу, оставь его сейчас, чем потом со временем ты о нем забудешь и загуляешь с очередными парнями.

— Это все, что вы хотели сказать? Если так, то прошу покинуть мой дом! — резко указываю ей на дверь.

— То есть по-хорошему ты не хочешь? Ну ладно ты ещё об этом пожалеешь в отличие от Димы. Он-то намного послушней с матерью и делает то, что ему говорят.

Вскидываю на неё изумлённый взгляд, предполагая самое страшное.

— Он согласен со мной. Если посадят, то ты наверняка найдёшь себе кого-то получше. И он не хочет потом страдать из-за тебя. Так что лучше сразу расстаться. А ты можешь жить спокойно, ведь мать у него одна, а девушек много.

— Что?

— Что слышала! — она спокойно и с гордо поднятой головой идёт ко входной двери.

— Это ложь! Дима не мог этого сделать, он любит меня! — бросаюсь за ней.

— Любит, любил, какая разница? Главное, что он выбрал мать. Да, и сомневаюсь, что это была любовь, он просто нашёл у кого отсидеться, вот и все.

— Я вас не слушаю, не слушаю! — зажмуриваюсь и закрываю уши руками.

— Ха-ха, да ради бога. Только я человек честный, обещания выполняю. Да и сын просил все-таки. Приходи завтра в больницу, устрою тебя туалеты, да полы мыть.

— Какое благородство, аж тошнит.

— Надумаешь, в понедельник к двум в медгородке, — заканчивает она, а я с грохотом захолопываю входную дверь.

Следующую минуту сердито пялюсь в дверь, скукоживаюсь от злости, руки сжимаю в кулаки, затем резко беру с пола кроссовок и со словами «да, пошла ты в задницу, сука» швыряю его в дверь, после чего он отскакивает и падает на пол. Хочется снова и снова швырять все вещи по квартире пока не успокоюсь, но вместо этого я крепко и жёстко впиваюсь ногтями в тумбочку у двери и рычу в голос, опустив голову.

«Нет, я не верю ей! он не мог так со мной поступить! Неизвестно, как ему запудрила мать голову насчёт меня. Не позволю никому нас разлучить — думаю я, рыдая в подушку.

Утром я созваниваюсь со следователем, чтобы узнать о допуске меня к Диме, и тот сообщает, что к нему можно. Послезавтра я могу его увидеть.

«Это счастье не передать словами».

На встречу с Димой одеваюсь нарядно. На мне короткое джинсовое обтягивающее темно синее платье с цветочным принтом с длиной молнией спереди, розовое болеро с цветком на груди, телесные чулки, розовое нижнее белье. Господи, я даже волосы завиваю ради него. Беру все необходимое и выхожу на улицу.

Сажусь на лавку и заказываю такси до сизо. Пока подбирается машина в приложении я замечаю, что к подъезду подходит молодая девушка с маленьким сыном.

Девушка рядом со мной ставит на лавочку пакеты с продуктами и копошится в сумке в поисках ключей. Ее ребёнок внимательно рассматривает меня, по-доброму улыбается, затем подходит ко мне и спрашивает: тут ли я живу и как меня зовут. Вначале я стараюсь не обращать на них внимание. Но когда он подходит ко мне, то внутри воспламеняется пожар и слезы подступают. В конце он легонько дотрагивается до меня, и я в ответ вздрагиваю, но пытаюсь сделать это незаметно. Мы с ребёнком продолжаем играть в гляделки, моя рука непроизвольно ложится на его крохотную руку, и я ощущаю под рукой тепло. Мать зовёт малыша за собой, и он одёргивает руку и шагает за ней.

Теперь я замираю от произошедшего и жар меняется на холодок. Наконец-то приложение издаёт звук уведомление, что машина выбрана и нужно подождать ее 10 минут.

Я расслабляюсь и выдыхаю, опустив голову вниз. Через минуту поднимаюсь с лавочки и подхожу к краю бордюра, рассматриваю окружающих и представляю нашу встречу, как мы будем с ним целов....

— Привет — неожиданно прерывает меня мужской голос за спиной.

Оборачиваюсь и застываю в шоке. Передо мной стоит Саша с большим красивым букетом в руках. У меня глаза по пять копеек, рот открыт и ком в горле.

— Ты че тут забыл? — с трудом срывается с губ.

— Я пришёл поговорить, извиниться, — объясняет он, протягивая букет, но я не спешу его брать.

— Это совершенно не нужно, я прошу тебя, уйди. Я тебя больше не хочу. Я люблю того парня, очень люблю. Так что, прошу, пожалуйста, оставь меня в покое. я никогда не буду с тобой и деньги больше не нужны, — мягко произношу я, оглядываясь по сторонам в

ожидании такси.

После паузы продолжает он:

— Вот как?! Да? «Но я хочу, чтобы ты помнила, что ты мне нравишься, поэтому я всегда жду тебя у себя», — говорит он и близко подходит ко мне.

Краем глаза замечаю, как такси вырывается из-за угла.

— Пожалуйста, дай шанс сделать тебя счастливой, — кричит он, но я прыгаю в машину.

«Скрип, чёртов скрип. В печёнках этот скрип. Долбануть бы со всего маха в эти нары второго этажа, но потом дерьмо отмывать с морды придётся. Там же ж новичок наш разместился и правильно сделал. Оттуда хрен, кто достанет. Я б и сам туда с радостью залетел, да моя тогда единственная койка была. Лежу теперь и кайфую. Все кости ломит, сука».

«Ну, и несёт же от меня, как от горного козла. Конец недели, может, дадут помыться иль хотя бы сами из ведра ледяной водой окатят».

— Жеребцов на выход!

«О! Опять этого горластого смена. Прощтрафился что ли. Он же вчера сутки отказался без дураков».

— Что? Не уж-то мысли прочёл?

— Да, откуда в твоей черепахе мысли, салага!

— Жеребцов, пулей!

— Да, иду-иду я. Что там такое экстренное?

— Да, баба какая-то к тебе. Красивая вся такая.

От одного слова «красивая» во мне все искрится и как током бьёт. Сразу понимаю о ком он. Бабочки в тощем животе жадно пожирают меня изнутри от предстоящего кайфа.

Идём по коридору.

— Слышь, начальник, а нам в отдельной комнатке пообщаться дадут? — ехидно кидаю я.

— Разговорчики, — жёстко пинает меж лопаток.

— Бля, начальник, ты не человек что ли, а?

«Молчит, знаю, что мужик он нормальный. Главное ключик подобрать».

— Ну, сочтёмся же, а? — хихикаю я.

«Само собой промолчал. Камеры ж везде, за всеми суки наблюдают. Все мы тут под колпаком».

Подводит к нужной двери. Резко дёргает за наручники и шепчет:

— Десятка, — толкает в комнату.

«Е-моё, а тут цивилизация. Мягкие стулья. И стол деревянный. Ну, все главное с ума от счастья не сойти».

Через пару минут на пороге появляется Мила. Охранник уходит и запирает нас на ключ.

Одного взгляда глаза в глаза достаточно. Мы будто с разбегу вцепляемся друг в друга. Моя рука срывает с её разгорячённых бёдер бельё из-под платья, а её рука чуть ли не отрывает молнию на тюремной робе.

«Десять минут. Ха! Это ж вечность! Целую её в губы, так горячо и страстно, что от этого готов кончить».

Милана трётся бёдрами. Ещё пара секунд ласк и я в ней.

Кусаю губы в кровь, что не заорать от наслаждения.

— Девочка моя, — прижимаю её спиной к стене.

Её руки на шее, её ноги с силой притягивают меня к ней. Один рывок, два, три. Темнеет в глазах. Нет сил терпеть. Снова зубы впиваются в губу и тихий стон оргазма рвётся из груди. Мила повисает на руках, тяжело дыша.

— Люблю тебя, — шепчу ей в самое ухо.

— И я тебя, — шепчет она в ответ.

Опускаю её на пол, а она присаживается, раздвигая широко коленочки. А Мила ещё умудряется добавить этому виду восхитительности и охватывает губами член. Упираюсь руками в стену за ней.

«Что она творит, что она вытворяет. Её язычок, её пальчики и зубки. Зубки. М-м. Детка!»

Зажмуриваюсь и чувствую, как она слегка поперхнулась.

— Прости, малыш, — стону я.

Раздаётся приглушенный стук в дверь.

Впопыхах одеваемся и чинно-благородно рассаживаемся по стульям, разделённым столом. Держу Милу за руки и смотрю на неё. Так и сидел бы до конца дней.

— Как ты здесь? Мне так тебя не хватает. — сладко произносит она

— Как на курорте. Извини, за то, что натворил. Это нервное. Детка, я... так рад, что ты здесь. Серьёзно, я безумно соскучился по тебе.

— Я тоже. Твоя мама... Она столько всего наговорила про тебя.

— Знаю, детка. Прости. Я боюсь тебя потерять.

«Что я несу. Что я несу. Но если вдуматься, то и правда Мила с лёгкостью может уйти. И будет права. Тот олигаршонок более привлекательный фрукт».

— Дим, я с тобой. Я здесь. Я рядом. Жаль, что я не могу ничего для тебя сделать.

— Ты уже делаешь, — глажу её бархатную кожу.

Мы переплетаем пальцы, поставив руки на запястья, будто изучаем друг друга, грани ощущений. Странная, немного детская игра, но такая приятная особенно после такого слияния.

— Я так хочу домой, к тебе.

— Лучше к тебе, в деревню, — её глаза искрятся улыбкой.

— Только ты и я.

— Свидание окончено, — открывает дверь охранник.

— Я поговорю с мамой, Мил, обещаю. Люблю тебя, — говорю ей, а охранник все реще и реще дёргает за браслеты, — Слышь, начальник, сердца у тебя нет.

Тычет меня в спину, но нежнее. Чувствую, как он улыбается.

«Нет, ну надо же, а новичок просыпался сегодня?»

Захожу в камеру, а он так и лежит спиной к окружающему миру и кроме него со мной никого и нет. Повезло. Хлопаю его легонько по плечу. Тёплый, но едва-едва. Нагибаюсь к кулю и вытаскиваю из него толстовку.

— Хэй, на! Не хочу проснуться под трупом, — швыряю её ему на лицо.

А сам падаю на свою койку, подобрав ноги.

«Такое приятное тепло растекается по телу».

Закидываю руки за голову, закрываю глаза и её образ тут возникает.

«Моя девочка... какая же ты у меня бесстрашная».

— Спасибо. Я — Илюха, кстати.

Открываю глаза и вижу новичка в толстовке, протягивающего мне руку.

— Дима, — пожимаю его руку, — Плюхайся. Какими ветрами?

— Не того человечка грабанул.

— Ну, хоть живой остался?

— В смысле?

— Ну, я вот человека грохнул, задницу свою защищая.

— Сочувствую.

— Спасибо, бро. Только теперь долго тут зависать придётся. Да и предков с девушкой жалко. А у тебя есть кто-то?

— Мать, но ей давно и глубоко до меня. А ты с девочкой сейчас...

— Ага.

«Блин, лыблюсь, как мартовский кот. Черт, курить захотелось».

— Слушай, а ты куришь?

— Да, но запасы на исходе.

— Ну, хотя бы с этим у меня проблем нет. Обращайся.

Илья кивает. Нашу милую беседу прерывает один из урков, вернувшийся с неудачного суда по кислой мине вместо лица, свидания.

— О! я вовремя, голубки!

— Ты кого голубком назвал, козёл ты безрогий.

«А зря Илья так осмелел. Сейчас всем прилетит».

— Кто козёл? Шавка ты подзаборная.

И понеслась.

— А ну разошлись по углам! — через секунду влетела охрана. И мне снова досталось дубинкой по почкам, — Сейчас быстро всем по карцеру найдём, будете там под себя до суда ходить. А ну марш по одному на прогулку.

Перед обедом, на следующий день, делясь инфой о жизни с единственным нормальным сокамерником, чёртова железная дверь привычно издаёт тяжёлый металлический звук при открывании и в камеру, и как всегда заходит один и тот же дрышавый тип охранник.

— Жеребцов, тебя мать с отцом ждут. Шевели помидорами.

Охранник проводит меня в ту же комнату, где мы с Милой так мило пообщались и оставляет одних. Я с порога бросаюсь к отцу и обнимаю его.

— Бать, я...я скучал по тебе, ты как?

— Все хорошо. А ты?

— Сойдёт. Слышал, мам, я о твоих подвигах.

— Следи за языком — тускло говорит она

— Да, я в голову не возьму никак, че вы все к ней прикапались, а?

— Я понимаю, сын, ты... — начинает отец.

— Что я, пап, что? Вот ты сам, о Милане много знаешь? Она самая нежная, добрая и искренняя, что я девушка когда-либо встречал.

— Но она...

— Что? Что она? ну же, мам, смелее. Скажи, кто она. Шлюха, шалава, подстилка. Что из этого тебе нравится, а?

— Дима!

— Мам, я тебя прошу. Именно прошу. Помоги ей с работой и больше не подходи к ней. И хватит её постоянно оскорблять, ясно тебе?

— Но, Димочка, ты же здесь из-за неё, и её клиента.

— Раз и навсегда, мам, я здесь по своей и только своей несдержанности. Я сам буду за

это платить. Мила здесь не причём.

— Мой тебе совет, Дима: сними ты розовые очки. Я же мать, я хочу как лучше...твоя Ми... твоя девушка... обманывает тебя... мы её видели с Александром и с другими мужчинами пока ты тут. — уверенно сообщает она.

— Стоп! Хватит! Хватит! Это перебор, мам. Замолчи, и никогда так больше не говори о ней! Я не верю в это!

Встаю и иду к двери, чтобы прервать этот кошмар наяву.

— Сынок, — лепечет мама.

— Чего тебе? — вскрикиваю я.

— Ладно, извини, что расстроила тебя раньше времени. Я забочусь о тебе. Но рано или поздно ты поймёшь, что я была права, прости — мило говорит мама, обнимая меня.

Нервно закатываю глаза и закипаю.

— Прошу, хватит, а. Я люблю её. Смирись ты с этим!

— После завтра к тебе придёт адвокат, так что жди его. Миша нашёл среди знакомых хорошего, так что есть шанс, что мы выиграем, и ты вернёшься домой — переводит тему отец.

— Вот и отлично, с этого надо было начинать.

Заношу себя домой, едва держусь на ногах от усталости, а тут ещё телефон разрывается.

— Алло, — смотрю на экран, номер незнаком.

— Это Милана Константиновна? — бодро начинает собеседник.

— Да, это я, а вы кто?

— Я, Кирилл Степанович из компании «суд. нетт», к нам обратился Михаил Жеребцов по поводу того, чтобы вас снять с учёта судимости из базы МВД и восстановления документов. Вам это предложение ещё интересно?

«Стоп, что? Миша? Миша Жеребцов помогает мне? Мне послышалось или это реально так? С чего бы это вдруг?»

— Да, — выходит не уверенно, но все же, — конечно, интересно, я слушаю вас.

— Предлагаю завтра встретиться и обговорить детали.

— Хорошо, давайте, где и во сколько? — забегаю в комнату к письменному столу и хватаю листок с ручкой. На том конце провода мне сообщают время и место куда нужно приехать.

— Большое спасибо вам, я обязательно приеду завтра, — дрожащим голосом от радости заканчиваю я.

В назначенное время я прихожу в офис «Алмаза», меня встречает мужчина лет тридцати пяти с рыжеватыми волосами и небольшим пузом.

Он кратко рассказывает о себе и фирме, затем я вручаю ему пакет документов. Он внимательно изучает их, сверяется с данными в интернете, а затем говорят, что документы будут готовы только в конце следующей недели и нужно сделать новую фотографию.

«На радостях от того, что благодаря любимому человеку я могу теперь законно восстановить документы и жизнь наладиться, я выхожу из лифта и стремительно направляюсь к выходу, ничего не замечая вокруг. Я думаю о нас с Димой, о том, что можно сейчас поехать к предкам. Мы давно не виделись. Мы редко общаемся и постоянно ссоримся, но я соскучилась по ним, я хочу порадовать их тем, что теперь смогу начать работать в хороших местах. Они всегда предлагали слишком простые интеллектуально работы, но физически трудные с небольшой зарплатой.»

Широко распахнутая дверь бьётся о плечо молодого пар ...

«Саша? Саша! ...да чтоб тебя...опять ты! Только о тебе забудешь и опять ты.»

— Привет, красотка! — кладёт он руку на мою, которая ложится на дверную ручку и являет мне свою голливудскую улыбку, будто и не было ничего.

— Ты что преследуешь меня?

— С чего бы это? — надувает он пузырь из жвачки, — Я, конечно, отрицать не буду, что ты мне нравишься, но я не маньяк.

— Серьёзно?

— Вообще-то я тут по делам у знакомого был.

— М-гм, — протягиваю я — Чао! — резво иду на остановку.

— Милан, стой! — догоняет он и хватает меня за руку.

— Чего тебе?

— Пожалуйста, хватит меня избегать. Прошу, давай, спокойно поговорим. Я знаю, что

ты меня не любишь и не хочешь. Да, и зла на меня, но прошу, дай все тебе объяснить.

— Не вижу смысла, — резко выдёргиваю руку из его руки и иду дальше.

— Мила-ан! Пожалуйста, дай всего десять минут. Всего десять. Пожалуйста!

Тяжело выдыхаю и смотрю в сторону.

— Ладно, но только одно условие! Не прикасайся ко мне, будь так добр!

— Хорошо, как скажешь.

— И-и...

— Ты же сейчас домой, да?

— Да, а что?

— Тогда может я подвезу тебя и в машине поговорим.

— Я не сяду в твою машину, ни за что! Говори тут.

— Ну, что ты будешь полчасика среди потных мужиков в маршрутке трястись, а?

Немного подумав, неуверенно соглашаюсь.

— Хорошо, только я буду на заднем сиденье сидеть.

— Как скажешь.

Я сажусь на заднее сиденье белой «лады-приоры» и пристёгиваюсь. Он заводит двигатель, и мы выезжаем с парковки.

— Я слушаю тебя, — не дав ему толком выехать на трассу, говорю я.

— В общем ... я хотел сказать, что ... Прости меня за все то, что произошло. Просто мы все тогда на нервах были. Пока был в командировке, я много думал о нас. Ты же знаешь, что ты мне не безразлична... Я думал снова предложить тебе встречаться со мной. А там, ну, я не знаю... Может, и поженились бы, м? И тут ты, твой пацан этот. Блин, Мил, я реально приревновал тебя. Да, я понимаю, что у каждого из нас своя жизнь, просто я так привык к тебе и, что у тебя был только я ... Мне просто интересно, кто он, как долго ты его знаешь, чем он лучше меня, у вас все серьезно?

«Он себя слышит? Что он несёт? Какая к черту женитьба». От его слов и духоты в машине, аж затошнило.

— Останови машину.

- Что?

— Останови эту чёртову машину!

Саша бьёт по тормозам, я выпрыгиваю на обочину. Сажусь на тротуар.

«Голова кругом. Воздуха не хватает. Что за хрень?»

— Ты как? Все хорошо?

— Да... вроде. Просто голова закружилась.

— погоди. У меня есть вода, — бросается к машине и протягивает бутылку.

Делаю глоток, и тошнота отступает.

— Лучше? Ты извини, если я...

— Много чести, — цежу я сквозь зубы и возвращаюсь в авто, — Поехали.

— Уверена?

Бросаю в ответ искромётный взгляд в зеркало заднего вида.

Через несколько минут он решается продолжить беседу, или лучше сказать монолог.

— Можно я...

— Валяй.

— Милан, он же, ну, он же убил человека...

— Он защищался. Хотя теперь это не важно, — смахиваю непрошенную слезу и

отворачивается к окну.

— Все равно не понимаю, как ты и он...

— Значит, ты просто не любишь, Саш. Любил бы, понял бы.

Мы приезжаем к подъезду и выходим из машины. Идём до двери в подъезд в полном безмолвии. Я открываю дверь и замираю на пороге, поворачиваюсь к нему и говорю:

— Спасибо, что подвёз. За все спасибо, правда. Да, и я прощаю тебя. И я тебя прошу — забудь обо мне и уйди из моей жизни. Я люблю Диму, очень люблю. Я уверена, что ты найдёшь себе достойную девушку, которая тебя полюбит, — он подавленно смотрит на меня и закуривает, — Прощай, Саш.

— Милан, стой, — снова хватает меня за руку.

— Что?

— М-м, — говорит он, делает затяжку и продолжает, — знаю, что это наверно невозможно, но все-таки я рискну.

Я вопросительно смотрю на него.

— Может, мы попробуем быть друзьями? У тебя же их нет, мы можем дружить, общаться без всего, честно.

— Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

В ответ тишина и сигаретный дым.

— Прости, но нет. Я все сказала. Но для тебя повторю, я люблю Диму, — захожу в подъезд

Понедельник. Девять утра. Нервы не к черту. Все из рук валится. Накрасилась и то с пятого раза. Перед выходом закидываюсь колёсами валерианы.

Из больничного лифта выхожу на девятом этаже и направляюсь в отделение кардиологии, по пути надевая медицинскую маску. Подхожу к посту медсестры и спрашиваю, как найти Светлану Михайловну. Мне сообщают, что сейчас у неё обход подходит к концу и нужно ее подождать около ординаторской.

По совету молодой медсестры Вари, как было написано у неё на бейджике, я усаживаюсь на коричневое кожаное кресло напротив двери в ординаторскую, рядом с процедурным кабинетом. Во время ожидания мамы Димы я просматриваю наши фото с ним.

— Милана? — слышу презрительный голос.

— Здравствуйте, я пришла устроиться на работу.

— Какая прелесть. Что ж..., — оглядывается она по сторонам, — Сейчас вернусь.

В коридоре отделения немного прохладно. Пытаюсь разогреть пальцы, потирая их. Нервное напряжение иглами колет кончики пальцев. Пелена застилает глаза. Тру их и в этот момент она выходит из ординаторской.

— Ладно, пойдём, — бросает она, словно в пустоту, и мы молча идём к лифту.

Створки лифта раскрываются и перед нами из него выходят врач и пациентки. Мы заходим следом. Светлана нажимает на кнопку третьего этажа.

«Я рядом с ней как нашкодившая школьница, и она ведёт меня к директрисе».

Мой взгляд поднимается к цифровому табло с номерами этажей.

9 8 7 6... как только загорается шестёрка, лифт останавливается, она сначала долго не переключается на последующие цифры. Моё сердце ёкает и в голове начинается пульсация. Затем шестёрка начинает мигать и перекрашивается в красный цвет, а затем и вовсе начинает пищать от чего паника накрывает меня с головой. Светлана начинает ворчать, нажимать на разные кнопки. Нажимает на кнопку вызова диспетчера, но там тишина. Она

нервничает, судорожно достаёт из кармана халата модный телефон, ну и конечно по закону всех жанров телефон в лифте не ловит. Она то поднимает, то опускает телефон и тот издаёт жалкий писк, она смотрит на экран и сияет улыбкой радости. Одна маленькая палочка сети появилась в верхнем правом углу, но ее не хватает на звонок, а только на смс в мессенджере, проговаривая текст вслух. Позже она сдаётся и садится устало на пол, облокотившись на стену кабины лифта.

— Феноменально! — всплёскивает она руками

— Что именно? я и тут по-вашему виновата?

Светлана опускает глаза на экран телефона, а именно на фото Димы на заставке.

— Уже была у моего сына в сизо?

— Да, в четверг.

— Волшебно. Вот, ты говоришь, что любишь моего сына. Так зачем же ты мучаешь его.

Ходишь к нему.

— Я его не мучаю!

— Да, он только нервничает из-за тебя. Ему и так нелегко, а ты только добавляешь ему переживаний. Я дам тебе работу и точка. Во всем. Ты уйдёшь из жизни моей семьи навсегда.

— Светлана Михайловна, я понимаю, что у вас есть серьёзные причины меня не уважать и не принимать. Я понимаю, что вы любите сына и хотите для него только лучшего. Правда, я это все понимаю, и я с вами согласна... немного, но, пожалуйста, поверьте мне, я не сделаю больно Диме, обещаю. Я его люблю, он прекрасный человек, я всегда его любила. Раз мы обе так сильно его любим, то может, стоит объединиться и помочь ему выбраться из ямы. Вы согласны, что тюрьма — это яма?

— Я согласна только с тем, что твои слова красивы и не более. Чуть что и им пшик цена. Ты же переобуешься, если тебе нечто иное покажется более выгодным.

— Что ж. Вы в праве. Я больше не стану вам что-либо доказывать, но с таким подходом вы можете потерять сына.

— Но и тебе его не видать.

Ещё некоторое время мы сидим в тишине, затем появляется шум снаружи, лифт начинает двигаться, лампочки на кнопках и на цифрах сверху мигают, появляются голоса, и диспетчер из динамика в панели сообщает, что техники пришли к нам и сейчас нас вытасят.

Вскоре двери лифта открываются, и мы выходим на шестой этаж, где нас встречают техники-электрики и рядом стоят несколько врачей и пациентов. После чего мы идём снова молча на лестницу и спускаемся на третий этаж.

Подходя к кабинету главврача, Светлана говорит:

— Так, если что, его зовут Андрей Викторович, ты дочь моей давней знакомой, твоя мать лежит парализованная и работу ты ищешь, чтоб оплачивать сиделку, нигде официально ты не работала, и в садике тем более.

— Хорошо, поняла.

Она стучится, и мы заходим во внутрь.

Мы садимся за небольшой стол напротив главврача.

— Вот привела свою знакомую, о которой вам говорила. Та, что хочет работать.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Я, Милана Константиновна Лазарева.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Расскажите о себе.

— Всю жизнь живу в этом городе, раньше училась на воспитателя, но по профессии не работала, не замужем, есть любимый человек, детей нет, но планирую, у меня мать больная парализованная, сейчас ищу работу, чтоб сиделку оплачивать.

— Где до этого работали?

— Да, но давно.

— А последнее место работы какое?

— Продавец в торговом центре.

— Хорошо, я понял. Сами понимаете, что я мало что могу вам предложить.

— Мне бы хоть что-то.

Далее, главный рассказывает подробнее о вакансиях.

— Так на какую должность вы хотите устроиться?

— В газетный киоск.

— Медкомиссию можно пройти у нас в четвёртом корпусе, я вам сейчас дам направление, там будет все подробно написано, что да как, в том числе и по суммам.

— Хорошо.

— Как все сделаете, сразу проходите в отдел кадров.

— Спасибо вам огромное, ещё раз.

— До свидания.

Из кабинета мы выходим со Светланой вместе, но бросив в мою сторону уничтожающий взгляд, она покидает отделение. Я сажусь на лавочку и изучаю направление на комиссию.

«Офигеть, комиссия стоит шесть, ШЕСТЬ тысяч. Где спрашивается их брать? У меня всего две и те надо растянуть до...».

Вариантов нет. Только родители. Поэтому звоню маме при выходе из больницы.

— Алло, мам, привет.

— Милана? Какими судьбами?

— Да, просто соскучилась, давно не общались. Как у вас дела, мам? — закусываю нерешительно губу.

— Все, как обычно, отец на работе, я вот тоже только пришла. Сейчас отдохну и в магазин пойду, у тебя как дела?

— Все путём. Знаешь, а я похоже работу нашла.

— Серьёзно? Работу? Какую?

— Тут в медгородке, продавцом в газетный киоск.

— Ого! Ничего себе! Сама нашла или кто помог?

— Да, знакомые помогли.

— Ну молодец! Что могу сказать. Поздравляю! Успехов тебе.

— Мам, слушай... мне тут надо пройти комиссию, а она денег стоит.

— И что?

— Может, вы с папой займёте мне...? Я вам потом с зп отдам.

— Денег тебе занять? Зачем? У тебя же есть тот, кто тебе за натуру даёт деньги.

— Мам, пожалуйста, — слезы подступают к горлу, — Сейчас многое изменилось.

— Да, что ты говоришь? И давно?

— Мам, пожалуйста, хватит. Мне нужны деньги на комиссию, потому что у меня всего две тыщи осталось, и сколько на них жить неизвестно.

— И сколько тебе нужно?

— Шесть тысяч.

— Ого, вот это цены! И откуда у простых смертных такие деньжищи взяться должны? Да, ещё на тебя непутёвую. Мы тебе сколько раз предлагали работы, где не нужны эти комиссии, но нет ты же не хотела. А теперь, на те, выньте, да положите.

— Лан, всё, пока, зря я тебе позвонила.

— Милана, стой, не клади трубку! Я с тобой не договорила!

— Мам, отстань от меня! Я к вам по-хорошему, а вы ко мне жопой, всё отвалите от меня, — долблю в кнопку сброса, пока слезы не катятся по щекам.

«Ну конечно, что я ожидала от родителей? А главное и где теперь деньги искать?»

По совету психолога я решаю помириться с родителями и обдумываю как пройдёт наша встреча.

Утром во время завтрака на телефон приходит смс от мобильного банка о пополнении счета на 10 000 рублей от матери, от приятной неожиданности я поперхнулась. От восторга чувств звоню им и благодарю за помощь.

После этого собираюсь на комиссию.

Выйдя в шоке из кабинета очередного врача с результатом осмотра в дрожащих руках, я присаживаюсь на стул рядом, смотрю в одну точку. А в голове как заезженная пластинка слова врача раз за разом.

«Минута за минутой тот же вид, те же люди. До тошноты не могу их видеть. Одно спасение — глаза закрою и снова она рядом. Её рука на обнажённом бедре, и я тону в её глазах, обжигаясь о губы. О, эти губы. Глотаю воздух, словно лошадь ртом, стоит только представить, как она касается ими паха. Счастье остаться наедине с ней, или одному. Пусть и в сырой комнатухе с голым матрасом на нарах и обосранным сортиром. Не важно, где, главное с ней. Мила! Детка!»

Запускаю руку в трусы и сжимаю член пальцами.

— А-а, — в голове картинка из комнаты для свиданий.

«Она на мне, подо мной, сбоку, спереди, сзади, покорно лежит, или извивается как гремучая змея, произнося сладостные стоны и вздохи.»

Вытираю влажную руку об штаны с блаженной улыбкой.

— Жеребцов! Подъем! — снова орёт охранник, открывая мою клетку.

Выхожу, как полагается, мордой в стену, руки за спину. Охранник методично защёлкивает браслеты на запястьях. Идём с ним по душному коридору. Лампа жужжит в конце. Чую не к добру.

— Встал! Лицом к стене!

Вводит меня в комнатуху. Там мужчина в строгом костюме шагами пол мерит. Охранник усаживает меня на металлический стул. Мужчина садится напротив, кивает охраннику, и мы остаёмся одни. Между нами лежит папка с документами и конверт. Подписан рукой матери. Мужчина представляется, его зовут Алексей Константинович, он адвокат. Что-то ещё говорит, не слушаю, так как все внимание на этом конверте.

«В свете последних событий чую не хорошие там новости. Ой, не хорошие. Но что именно там? сейчас лопну от любопытства».

— Что здесь? — кладу ладонь на конверт.

— Дмитрий Васильевич, пожалуйста, наберитесь терпения, с содержимым конверта вы ознакомитесь чуть позже, потому что вы сейчас нужны в трезвом уме и рассудке.

«А? чего? в каком смысле? Да, блин, что там? Блин нервы на пределе из-за чёртового конверта. Сам не пойму, чем меня так зацепил этот дурацкий конверт, там же может быть все что угодно.»

— Ладно, хорошо, валяйте — произношу я.

— Во-первых, расскажите в подробностях как всё было.

Я ему рассказываю чистую правду.

— Как давно приобрели нож?

— Несколько месяцев назад для самообороны.

— К уголовной ответственности ранее привлекались?

— Нет, только мелкое хулиганство и штрафы. — отвечаю я, не отрывая взгляда от конверта.

— Где спрятали орудие убийства?

— Под деревом в земле недалеко от трупака.

— Как вы оцениваете свой поступок?

— Плохо, сожалею об этом, мне стыдно и готов понести наказание, если все-таки меня осудят, но надеюсь на удачу.

— Почему вы пошли к Милане?

— Потому что никто из знакомых никогда не был связан с серьёзной уголовщиной. Да, и я ж для всех такой хороший и крутой. Стыдно было перед ними. А Милана она знает, что такое тюрьма. Раньше мы были друзьями, она мне нравилась только как подруга — как человек. Я влюбился в неё после того, как она меня приютила к себе. Я хочу, чтобы вы сняли с неё все обвинения, а я беру всю ответственность на себя. Пожалуйста, сделайте как я прошу.

— Чем вы занимались, пока уклонялись от ответственности?

— Сначала я был у неё. Потом, когда я узнал, что в ее подъезде про меня знают, то я струсил и смылся в деревню свою, где жили покойные бабка и дед. Мы давно там не были с предками, да, и в принципе редко там бывали. Поэтому я решил, что там меня искать не будут и это отличное место. Потом у неё была днюха и я, зная, что рискую, поехал к ней, мне хотелось к ней. В общем, мы с ней начали встречаться и вместе поехали в деревню. Ну а в конце ей на телефон написал сообщение мой друг, что отцу из-за меня стало плохо, и тогда не осталось выбора, как рискнуть и вернуться в город ради предков. Она предложила сама сходить к родителям, узнать, что да как. Когда мы собирались, то мы сильно поссорились, и она уехала одна. Я приехал на утро. Возле ее двери увидел того мудака, который с ней раньше спал. Слово за слово, мы подрались, дальше вы все знаете. И, да, я все понимал, что, укрываясь от зоны, тем самым делаю ещё хуже.

— Как вы думаете, вы бы могли избежать случившегося если вернуть время назад?

— Да, я бы мог тогда с тем упырем нормально попробовать поговорить насчёт его девушки, успокоить его по-мужски и спокойно все решить, ну а на крайняк сдать и потерпеть побои, чем это все, но я струсил. А с другой стороны, не случись этого всего, я бы не полюбил Милану. У меня бы не было смысла жизни. Так что, что не делается — всё к лучшему.

— Ну, что ж я всё понял. У меня вопросов больше нет, у вас есть что-либо добавить? А и кстати, судебное заседание скорей всего будет в следующий четверг.

— Раз допрос окончен, вы получили, что хотели, теперь я могу узнать, что в конверте?

— Ну хорошо.

Алексей вскрывает конверт, запускает внутрь руку и протягивает стопку из фотографий «Ми-и-и-лана! Милана?»

Представляю какие у меня сейчас глаза.

«Она с этим упырем! Выходит из его машины. Ещё и руку ему свою дала?! Что за нахрен! А это... она в дверном проёме подъезда. Они так близко друг к другу».

До крови вонзаю в ладони ногти.

«Он ещё и лапами своими, пидор, мацает. С-сука. А она! Она же обещала! А-а-а!»

Швыряю снимки в воздух. Ору, как бешеный. Ловлю их и рву в клочья.

— Сдохни, с-сука! Сдохни! Чтоб тебя, с-с-с, — режу руку о край листа.

Капли крови разбиваются о столешницу. Алексей, выпучив глаза, шарит по карман, лезет в сумку. А я смотрю на окровавленную кожу, как кровь растекается по линиям складок.

Смотрю и не верю в эти поганые фото, не верю, что она меня так подло обманула, не верю, что вновь позволил себя обмануть. Твою мать, сука

«Невыносимо больно осознавать, что мать была права, а я не верил ей, не хотел верить, я верил любимой. Что я за дерьмо человек, когда меня второй раз так предадут? что я делаю

не так? ненавижу это все, меня всего распирает от гнева и боли. Безумно хочется напиться до смерти, обкуриться и разбить все руки в кровь, да что угодно, у меня больше нет сил все это терпеть, не могу не хочу»

«А мать? Мать тоже хороша. Ну как так можно, а? Так низко пасть! Мама, мама! На войне все средства хороши? Да, определённо. Она добила чего хотела. Ну что довольна?»

Алексей протягивает платок. Отталкиваю его ему назад.

«Само пройдёт! Это ж мелочь по сравнению с тем, что творят со мной эти глупые женщины, главные женщины в моей жизни!»

Вскакиваю со стула и лупой окровавленным кулаком в металлическую дверь. Алексей рвётся меня остановить. Виснет на плечах. Отмахиваюсь от него, как от назойливой мухи. Тот по полу кубарем до противоположной стены. И практически теряет сознание от удара спиной и головой.

В эту самую секунду открывается эта злосчастная дверь. Показывается морда охранника. Мой кулак срывается с цепи и летит тому в нос. Кровь взрывом разлетаются в разные стороны.

«Ох, как же жаль, что у того молниеносная реакция. О, да! Детка, давай! Моя печень и почки так скучали! Да! И мордой моей пол помой!»

Волочат меня по пыльному полу до самой двери в карцер. Швыряет туда как куль с картошкой. Лечу до противоположной стены и мордой врезаюсь в неоштукатуренные кирпичи. Кровь из ссадины на виске заливает глаза. Стираю её рукой.

«Сколько ж кровищи!»

Харкаю под ноги. Пытаюсь встать.

«Ух-е, а треснулся-то я знатно»

Встаю на колени, упираюсь ладонями в пол и только после этого выпрямляюсь и, держась за стену, переставляю ноги в сторону двери. Перед глазами все кружится, плывёт. Хватает сил только, чтоб вмазать кулаком в дверь.

— Суки поганые! Гандоны, совсем решили меня угробить, уроды. Эй, вы слышите меня там? Мне б в больничку! — ору из последних сил.

Дверь открывается и содержимое желудка фонтаном летит на ботинки охранника. Новые матерные слова, о существовании которых я до сего момента и не знал, летят в ответ. Следом вроде ещё что-то твёрже, чем слова. После этого я смутно вижу и слышу. Вроде тащат куда-то. Лампы на потолке светят в глаза. Режут. Больно. Закрываю глаза, открываю и вижу...

«Мила, Милана, Миланочка, любимая девочка, любимая женщина. Как она могла? За что? Почему? Почему она с ним виделась? Зачем? чем они занимались в тот момент? как все было на самом деле? Мне бы было интересно узнать ответы на эти вопросы, или нет, не знаю, не знаю, чего я хочу. Единственное в чём я уверен сейчас, так это то, что я хочу выйти отсюда, повернуть время вспять, чтоб не оставлять ее одну и не чувствовать боль в чёртовом избитом до костей теле. Иногда лучше перенести несколько раз физическую боль чем душевную, от физической боли хоть есть таблетка, отличие от душевной. Боже, почему я безумно сильно люблю эту девушку?»

Ощущаю, как меня уложили на койку. Пахнет спиртом. Металл на запястьях. Опять приковали, но сил сопротивляться нет. Какой-то мужик склонился над самым носом, бухой похоже или укуренный. Вдыхаю и понимаю, как сильно хочу курить. Аж желудок к спине прилип. А мужик как назло все ближе ко мне, тычет фонарём, зажжённым в глаза. Ну и

пальцы у него, ледяные и как наждачка.

Слышу голоса. Мужик этот, что с перегаром отвечает им, что сотряс у меня небольшой. Надо отлежаться. Кто-то башку мою бинтует и кровь спиртом смывает.

— Бля, больно же! — еле стону я.

— О! Очухался, — хлопает и злорадствует другой мужик. Судя по голосу крупнее и тяжеловеснее с перегаром, — Тогда поговорим.

Плюхается на койку, так что та жалобно стонет.

— Ну, что буянить изволим? В дурку вещички пакуем? — достаёт бумаги. Пишет что-то.

— Что вообще...

— Не, так-то молодец, конечно. Быстро все смекнул. Только зря пыжишься, милоч. Я ж вас насквозь вижу. Ты ж парень-то умный по глазам вижу. Нервы только ни к черту. Так это мы мигом. Ну-ка, — достаёт таблетку из кармана и наливает воды в стакан, — Пей и баиньки.

Плюю её ему в лицо. Тот спокойно утирается.

— Принято, — берет с тумбы шприц и чётким движением втыкает в вену.

Веки мгновенно наливают свинцом и смыкаются. Перед тем, как провалиться в сон слышу его последние слова.

— Спи-усни, мой маленький, — смеётся и хлопает меня по плечу, уходя.

— Спи, милый и любимый, спи, отдыхай тебе нужно поспать, сладкий — как наяву слышу я голос белоснежной принцессы.

«Мне и правда пора лечить голову. Да-да, я обязательно этим займусь.»

«Что, если бы семь лет назад, все сложилось бы иначе? Например, если бы я была посмелее и призналась в чувствах к Диме ещё тогда? Да, у нас были бы тяжёлые расставания с партнёрами, но тогда бы всего этого огромного кошмара, который с нами произошёл, возможно не было, и мы были бы счастливы, как сейчас. Мы бы встречались, поженились, завели детей. Тогда бы его мама меня приняла. Она раньше ко мне нормально относилась. Тогда бы было бы все намного проще, наверно. А с другой стороны, вряд ли мы были бы готовы в том возрасте и с тем нашим жизненным опытом к семье и дальнейшей жизни. Я надеюсь, что каждое новое событие в нашей жизни ничего не сломает между нами, и мы справимся с этим. Да, для него это станет неожиданной приятной новостью. Сейчас самое главное, чтоб его оправдали. Мне сейчас нужна поддержка со всех сторон. Я надеюсь примирение с родителями будет отличным, хотя бы с мамой. Она как женщина должна меня понять. Мне не терпится ему об этом рассказать. Увидеть радость в глазах и счастье в голосе. Почувствовать его суперкрепкие объятия и поцелуи. Как он от радости закружит меня, прижав со всей силы к себе. И мы сможем с ним обсудить это до мельчайших подробностей.»

От остановки общественного транспорта я иду по каменисто-песчаной дороге мимо леса. Вокруг ни души. Даже птиц не слышно. Какой-то странный сухой металлический запах с примесью пота и влаги. Наверно тут дождь был ночью. Даже сейчас на улице как-то серо и уныло. Здание СИЗО большое бело-серого цвета с большим бетонным серым забором и колючими проволоками, рядом со входом на территории стоят несколько сотрудников и разговаривают. За забором также слышны мужские голоса, которые командуют обвиняемыми.

Захожу внутрь. Подхожу к посту, за которым сидит молодой и прошу о встрече с Димой. После чего его коллега отводит меня в кабинет, а сам уходит за любимым.

«Черт, вот сейчас начинается нервная тряска, чего не было в дороге. Мне было так легко и просто, чувствовала себя расслабленно. А сейчас как от озноба вся дрожу, хотя тут и правда сейчас прохладно. Поправляю потные от волнения волосы, смотрюсь в зеркало, поправляю футболку и джинсы. А сердце колотится так, что слышу только его стук вместо мыслей, давно такого не было.»

Слышу, как за дверью проносятся шаги и голоса. Ещё несколько секунд и мы будем вместе накинуть на него с распростёртыми объятиями и крепко обниму, поцелую с лёту.

Раскрывается дверь, на лице моментально появляется широкая улыбка в тридцать два зуба, меня бросает в жар. Внезапно кружится голова, как только вижу его лицо. Высокий охранник с темными волосами ставит его лицом к стене, снимает с него наручники, говорит «пятнадцать минут, как договаривались» и выходит из комнаты.

Первые несколько секунд окрылённая счастьем я стою жду, когда он повернётся ко мне, но он стоит неподвижно. Подхожу к нему, обнимаю крепко, целую в спину и радостно говорю:

— Я так скучала по тебе ... у меня столько новостей радостных для тебя.

Он молчит, чувствую его нервное напряжение, я ласково продолжаю:

— Малыш, ты чего, почему ты молчишь?

Он выдыхает и поворачивается ко мне. В его глазах отчётливо читается боль и обида,

судя по тому как они влажно блестят, он шмыгает пару раз, а губы сдержанно поджаты.

Бабочки в животе и эйфория от встречи махом сменяются на сильный страх, тревогу и панику. Теперь дрожу от всего этого, и мне самой хочется плакать. Боюсь к нему притронуться. В горле ком застревает.

Мы минуту играем в печальные гляделки, а затем он сдержанно произносит:

— Чё ты пришла? Я тебя не ждал.

Его слова как электроток в тысячу вольт бьют меня в самое сердце. Замираю на месте с приоткрытым ртом, теперь я полна боли и обиды от неожиданной реакции.

— Что случилось? Я...?

— Что слышала. Че ты припёрлась?

«Это не Дима, не мой Дима. Откуда в его глазах столько ярости. Смотрю в них и впервые начинаю верить, что возможно он... Нет, нет. НЕТ!»

— Дим, — тяну к нему руку, — Что случилось? Что с тобой?

Его рука выдвигается в ответ с запрещающим жестом.

— Ты ниче не хочешь сказать?

«В его голосе столько льда, что по телу бегут мурашки».

Я сама обнимаю себя за плечи.

— Да, хочу, но...

— Что передумала?

— Не-ет, — выходит не уверенно, — Но что с твоим тоном? Я не понимаю.

Он приближается ко вплотную, берет лицо в руки и смотрит в глаза.

— Неужели ты так наивна или меня таким считаешь? — последнее слово он выкрикивает так, что у меня уши закладывает.

Пятнадцать минут нам явно не хватит, но все же решаюсь продолжить.

— Малыш, расскажи, что случилось? Если да, то так и скажи, я пойму, ты же знаешь.

Он несколько секунд сидит в прежнем положении, затем поднимает голову, смотрит на меня с ненавистью и прислоняется к спинке стула, а потом говорит:

— Ну что ж, поздравляю тебя, наконец-то твоя жизнь улучшилась, как ты и хотела. Ты добилась своего. Ну а я что? Я могу тебе только пожелать счастья, успехов, любви в личной жизни... Только без меня...шлюха.

— Ты, ты, — я чуть не заглываюсь от злости

Он достаёт из кармана небольшой белый конверт и бросает его ко мне. Я вытираю слезы дрожащими руками и беру конверт и открываю его. Из конверта выскальзывают фото, на которых изображены я и чертов сука, мудака Саша.

«Да чтоб его... ну конечно, теперь все складывается. Чёрт, сука! Боже, ну за что? Был же все прекрасно. Ну нет, только не это. Нет, нет, нет. Я не могу вот так потерять из-за чёртовых фото Диму, не могу и не хочу!»

На фото запечатлены те моменты, когда я с ним разговариваю возле «Алмаза» и около подъезда.

«Вот же черт! Подстава! Ну, попадись ты мне, Саша! Невыносимо больно смотреть на любимого. Так и хочется крикнуть, что я ни причём. Что меня подставили. Но он не услышит. Я бы, и сама не поверила, что греха таить».

Тяжело вздыхаю, пытаюсь коснуться кончиков его пальцев. Но Дима поджимает их, сжав кулаки.

— Позволь, я все объясню.

— Давай, попробуй так, чтоб я поверил.

«У меня нет нужных слов. Мучительно капаюсь в рассудке, который, к слову, едва жив после таких новостей».

— Да, я виделась с ним. Виделась и не сказала тебе. Прости, — голос дрожит от слез, — Я... я не хотела тебя злить и волновать. Но я клянусь тебе, что в эти дни, когда мы виделись, то ничего не было. Абсолютно ничего. Он сам меня нашёл. Я не искала с ним встречи. Хоть и денег у меня почти нет. Нет, я не ищу оправданий. Я...

— Что ему надо было?

— Он извинялся, говорил, что жить без меня не может. Но я клянусь тебе, что сказала ему, что в моем сердце только ты, — встаю, подхожу к нему и присаживаюсь на корточки, — Дим, я люблю только тебя. Мне никто не нужен кроме тебя и наших малышей, — слезы капают на пол.

— И, где же он тебя нашёл?

— Я выходила из «Алмаза», это офисный центр, в котором я виделась с твоим знакомым, который восстанавливает документы. Вышла, а он у входа. И это было не впервые. Поверь, я не искала сама с ним встречи.

Дима намеренно отводит глаза в сторону и продолжает:

— Ты не все фото посмотрела, посмотри получше.

Я не понимаю и испугано смотрю то на него, то хватаю фото и листаю их дальше, и мне попадает несколько фото, где мы с Сашей обнимаемся в плотную и целуемся. Сердце падает в пятки в ту секунду. Смотрю на Диму как рыба только рот открываю.

«Понимаю, что это фотошоп. Грязный и мерзкий. Но как ему об это сказать? Я бы тоже не поверила».

Потому смотрю на него, ей-богу его лицо такое, будто он сейчас заплачет, но мужественно сдерживается.

— Дим, знаю ты не поверишь, но, пожалуйста, послушай. Постарайся услышать, что я сейчас тебе скажу. Знаю и понимаю. Но это не я. Ты сам посмотри внимательнее. Смотри вот тут и тут, сравни. Ну, пожалуйста? — беру его лицо в ладони и заставляю посмотреть на фото ещё раз.

— Я не верю тебе.

— Хорошо. Это твой выбор.

Повисает удушливая тишина и тиканье часов режет её без ножа.

Внезапно Дима вскакивает с места и кричит:

— Я так надеялся, что ты будешь лучше той суки, но ты такая, как она, даже хуже. Я тебя полюбил всем сердцем, ты клялась в любви, я трахал тебя туеву хучу раз. Я постоянно заступался и защищал тебя, я помог тебе с этой гребаной работой, а ты так меня отблагодарила? Сука, чего тебе снова не хватило, что ты побежала к нему трахаться? Почему ты не ценишь то, что я для тебя делаю? Все вы бабы такие, вам бы тупых уродов и денег подавай побольше. А нормальные парни вам ни хера не нужны. А потом удивляетесь, что к вам хреново относятся. Мать была права, зря я тебе доверился и надеялся на тебя. Как только меня забрали ты снова соскучилась по чертовому дружку. Ну, давай, иди к нему, расставайся со мной, он же намного лучше меня, вали к нему и не приходи ко мне больше никогда, я не хочу тебя видеть!

— Перестань кричать и оскорблять меня! Ты сам знаешь, что это не справедливо и не честно, я не заслуживаю этого!

— Э-нет! — нависает он надо мной, — Ты как раз-таки и заслуживаешь только такого обращения!

— Хватит орать на меня! Яблочко от яблони недалеко укатилось, видать!

— Не смей обвинять мою мать!

— Хорошо, счастливо вам оставаться! Два сапога пара!

— В этом-то можешь не сомневаться!

— Ты параноик и пустоголовый идиот!

— Да, пошла ты к черту, тупая сука! Как же вы все меня бесите! — вопит он и пинает стул в сторону.

— Наорался? — говорю я спокойно и подхожу к двери. Поворачиваю к нему голову, — я не уверена, что смогу тебя простить. И не знаю, хочу ли дальше с тобой быть после этого....

— И ещё... я пожалею о своих словах, но всё-таки... что заставило твою Кристину изменить тебе? Не просто же так это произошло, на это была причина, может она со временем устала от твоих психов, м?

Он разгневанно подлетает ко мне и дико орёт в лицо:

— Пошла ты куда подальше, катись к черту, между нами все кончено!

— Вот как.... так вот легко....молодец какой! Ну что ж, хорошо, тогда и тебе счастья, удачи, любви в личной жизни, — спокойно говорю я и приоткрываю дверь, но все же говорю последние слова, стоя к нему спиной, — Это не ты со мной расстаёшься, это я от тебя ухожу.

Пулей вылетаю из здания СИЗО, выхожу за забор, сажусь на рядом стоящую лавочку и меня от переизбытка боли выташнивает на песок, благо есть с собой вода.

«Невыносимо больно. Ненавижу их всех. Чтоб это им вернулось адом»

«Та новость, которую я хотела сообщить ему, откладывается до лучших времён»

«Мне хочется избить, изувечить этого идиота Сашу, за жестокую подставу, но и в то же время нет желания с ним видится, никто его так не накажет, как карма и господь бог, он ещё получит своё. Теперь точно не позволю ему подойти ко мне и на километр.»

Утром совсем аппетита нет после токсикоза и недомогания, с превеликим удовольствием осталась бы дома, но теперь у меня есть работа, на которую надо отнести документы.

Выхожу из квартиры и вижу, что на лестничной площадке играет маленькая соседская девочка с мячиком, видимо в ожидании папы. Прохожу мимо неё и мячик упирается мне в ноги. Девочка подбегает ко мне, берет его и выдаёт:

— Скоро все закончится и будет хорошо.

Я вопросительно на неё смотрю.

— О чём ты?

— Я сказала «простите меня, пожалуйста, я не хотела вам попасть мячом по ноге» — щебечет она и убегает на этаж выше.

Я бы подумала об этом, но в голове и так каша, с которой стоит разобраться.

Приехав в больницу, я отдаю необходимые документы и мне сообщают что я могу выйти на двухдневную стажировку завтра с утра. После чего я направляюсь к родителям.

Захожу в знакомый двор. Захожу в дом, и поднимаюсь на четвёртый этаж. Упираюсь взглядом в родную дверь и заставляю себя нажать на маленькую кнопку дверного звонка.

«Интересно, они дома? Чем занимаются? Удастся ли сегодня с ними помириться?»

Нажав на звонок через несколько секунд слышу, как по квартире раздаются мягкие шаги матери. Меня парализует от волнения, но удаётся собраться с мыслями и взять себя в руки.

Открывается дверь, и передо мной предстаёт мама в зелёном махровом халате и полотенцем в руках. Она явно не ожидала меня увидеть и видимо не особо рада меня видеть, судя по выражению ее лица.

— Привет, мам — нерешительно произношу я.

После тяжёлого вздоха она отвечает, складывая руки на груди:

— Ну, привет.

— Как у вас дела?

— Сойдёт. А у тебя, что стряслось, что ты в родительский дом дорогу вспомнила?

— Я соскучилась по вам. И... хочу помириться. Вы нужны мне сейчас, как никогда, мам.

— Ну, надо же.

— Папа дома?

— Нет, по делам уехал.

— Я могу войти?

Она молча жестом впускает меня в квартиру. С порога я чувствую насыщенный аромат фирменного борща мамы.

— М-м, вкусно пахнет. Как же давно я не ела вкусного борща.

— Проходи на кухню.

— Сейчас, руки помою.

Выхожу на маленькую кухню, Мать наливает наваристого борща в тарелку и садится за стол.

Видно, что матери тоже не легко настроиться со мной на спокойную беседу, ей неловко, она мешкает и смотрит в окно сбоку, прикусывая ногти.

Между нами сохраняется неловкое молчание. Я ем борщ с удовольствием будто ничего вкуснее не ела, а она не решительно смотрит то на меня, то по сторонам.

— Мам, я вам благодарна за то, что вы делали для меня, старались из-за всех сил... иии... пожалуйста, прости меня за всё. Я вас люблю, мне вас безумно не хватает. Очень хочу, как раньше быть с вами близкой, я устала с вами скандалить, у меня много в жизни поменялось.

Она внимательно смотрит на меня, ее глаза наливаются слезами. Затем она резко встаёт со стула и подходит к окну. Смотрит в него некоторое время, пошмыгивая носом и теребя верх халата.

Потом она возвращается на прежнее место и отвечает:

— Ну, рассказывай, что у тебя там нового?

Я улыбаюсь и отвечаю:

— Очень много, мамуль.

— Ну, хорошо. Давай, по порядку.

— В общем... Помнишь Диму Жеребцова?

— Кого? — вскидывает бровь мама

— Ну, Дима, с которым я раньше дружила, и у нас с ним была одна компания, мы часто гуляли все вместе, — она не понимающе смотрит на меня, — Ну, Дима, который такой высокий, красивый с темными волосами, который мне нравился.

— А-а! Дима Жеребцов?

— Да, мам.

— Ну, вспомнила и что дальше?

— Так вот, недавно мы впервые за четыре года встретились с ним в пятёрке, разговорились, а потом он пришёл ко мне вечером, потому что у него тогда произошла одна сложная ситуация. В общем, он тогда остался на пару дней у меня, а потом мы начали встречаться. А недавно, — нервно сглатываю, — Я узнала... что... он совершил преступление недалеко от моего дома. Вот, — жую верхнюю губу, — В общем, мы продолжили с ним встречаться, уехали в одно место ненадолго, чтоб побыть вместе. Я ему рассказала о том, как зарабатываю на жизнь, и он сначала понял это, принял меня такой. Но потом мы поссорились, и я вернулась домой одна, а утром он сильно подрался с Сашей. После этого, Диму задержали, отправили в СИЗО, теперь ожидается суд, а с Сашей — окончательно порвала. Вот, это первое, что я хотела рассказать.

— Фу-ух... Ничего себе, у меня нет слов. Так, ладно, и что дальше?

— Дальше, он через родственников помог мне с работой, его мама устроила меня в больницу к себе. Ещё у него есть знакомый, который легально чистит документы от судимости, поэтому я завтра выхожу на работу в киоск газет.

— Вау, здорово! Ты молодец! — искренне радуется она, и гладит меня по плечу, и я улыбаюсь, — А с Димой у вас все серьёзно? У вас все хорошо?

— А-аа... нет. Возникла одна проблема.

— Какая?

— Его мама категорически против наших отношений, потому что ей не нужна такая невестка как я. Она в открытую говорила об этом и что не оставит попыток нас разлучить. В итоге у неё это получилось.

— Что она сделала?

— Она прислала Диме фотографии, где мы с Сашей то обнимаемся, то целуемся и из-за этого мы сильно поссорились с Димой.

— Так, я не пойму ничего, ты же любишь Диму, а почему ты с Сашей-то?

— В этом и прикол, что фото фальшивые, ну вернее половина фальшивые. Я и правда виделась с Сашей несколько раз, но у нас ничего не было, он извинялся, хотел поговорить и все. Один раз просто отвёз меня домой, но Дима вспыльчивый, стал сильно ревновать меня к нему, поэтому мы поссорились. Хотя и не должны были, ведь это было вчера, когда я к нему шла, чтобы обрадовать хорошими новостями, а теперь такое.

— Мне жаль, детка. Но ее тоже можно понять. Я, конечно, не одобряю ее поступок, но она как мать. Она хочет для ребёнка лучшего, пусть даже не совсем хорошим способом, в этом частая ошибка всех родителей. Я бы на ее месте дала возможность самостоятельно научиться на собственных “граблях”, не вмешиваясь в его личную жизнь.

— Я тоже.

— Все будет хорошо, милая. Он остынет и поймёт, что был не прав, когда посмотрит на это все трезвым взглядом, и вы помиритесь, я уверена.

— Да, я надеюсь. Просто он такого наговорил, даже слишком, что мне плохо. А в ответ на его горькие слова, я сказала тоже не совсем хорошие вещи

— И что конкретно?

— Дело в том, что я, на самом деле, когда к нему вчера пришла, то сказала, что....

— Оль, я дома, опять машина сломалась, поэтому вечером в гараж пойду, — прерывает нас спокойный голос отца из коридора.

Моё сердце в миг останавливается от его голоса, а в следующую секунду начинает бешеные пляски.

Мы встречаемся все вместе в тревожном взгляде, молчим испугано. После он, как ни в чём не бывало проходит к холодильнику, достаёт продукты, разогревает обед и все это в гробовой тишине.

— Привет, пап, — нерешительно начинаю я.

Он молчит, а я грустно смотрю на мать.

Разогрев обед, он садится за стол напротив меня.

— Пап, я пришла помириться с вами. Я хочу, как раньше с вами общаться, вы мне сейчас нужны.

Он продолжает игнорировать меня.

— Я нашла официальную работу, завтра первый день.

— Хм, надеюсь это фирма эскорт-услуг?

«Да, обидно, но по-другому и быть не могло».

— Костя, прекрати, выслушай дочь.

— Ну и че дальше?

— В общем, я полностью завязала с Сашей и теперь встречаюсь.... вернее встречалась с Димой Жеребцовым. Он через знакомых помог с работой, устроиться в больницу в киоск газет.

— Да-ладно? Ни хрена себе, от родительской помощи значит ты отказываешься, а от помощи всяких мужиков всегда пожалуйста! Конечно, мать, куда ж мы с такими рожами, да в калашный ряд?

— Костя, прекрати, кому сказала! — перебивает она, — Перестань так разговаривать с ребёнком! К нам дочь пришла в кой-то веки, помириться хочет, а ты начинаешь. Ну на самом-то деле, сколько можно быть врагами, мы же семья, выслушай нормально дочь, умолю тебя.

— Спасибо, мам.

— А меня кто спросил, хочу ли я мириться? Ну и что дальше ты расскажешь?

— Дима. Он... сейчас в СИЗО ожидает суда по делу об убийстве. И... в общем, мам пап... яяя....

Отец с подозрением смотрит на меня, закусывает губу. О чём-то долго и мучительно размышляет.

— В каком говоришь он СИЗО? — сжал пальцы в тугие кулаки папа.

— Костя...?

— Что Костя? Вы сами просили, чтоб я вас выслушал, я это сделал. А теперь имею полное право на мнение, — резко бросает ложку в тарелку и рычит, — Хоть, ты, Милка, и наворотила дел, но ты моя дочь! И этот Дима, чтоб его...

Он выходит из-за стола и подходит к окну.

— Пап, пожалуйста, прости меня за все. Я тебя прошу, — подхожу к нему и тихонечко кладу ему руки на плечи.

Он поворачивается и отвечает:

— Отличный тандем у вас получился: бывшая зэчка-проститутка и районный гулящий парень, которому светит зона. Просто прекрасно...

— Пап, я...Я все понимаю, пап. Ты имеешь право на эту злость. Я её заслужила — почти плачу я.

Отец смотрит на меня с нескрываемым презрением, но в тоже время в его глазах я вижу нежность и радость.

— Пап, я причинила тебе много боли, и ты вправе отвечать тем же. Но я умоляю тебя, давай, вспомним те счастливые дни, что у нас были. Дай мне шанс исправиться перед тобой, я хочу стать для вас снова единственной и любимой дочерью — слезы неудержимо брызжут из глаз.

Он замирает, смотрит на меня и протягивает руки, чтобы обнять. И тут я понимаю, чего не хватало все это время — объятий.

— Что ж..., — произносит отец, прижав меня к груди, — Ведь дети — это наше отражение. Да, Оль?

Не вижу, но чувствую, что мама кивает.

— Отражение наших промахов в самих себе. Значит, говоришь не признает. Да и хрен с ним. Пора положить конец этим непотребствам в адрес нашей дочери. Мил, давай-ка, так поступим. Через пару дней звякни и решим вопрос.

Некоторое время спустя еду в СИЗО.

Я безумно соскучилась по Диме, но эта боль обиды. Она сжирает меня изнутри. Я всё ещё люблю его, это факт. Но...

Дверь открывается, и мы встречаемся глазами. Доля секунды, но я успеваю заметить, что Дима тоже ждал этой встречи с трепетом. Но вот он отводит глаза в сторону, и я не так уверена.

«Позови он меня назад, попроси прощения всего несколько секунд назад и возможно...»

Сердце звенит в ушах. Мы остаёмся наедине. И снова всего пятнадцать минут.

Падаю на стул, напротив дверь, где замер... мой бывший.

«Страшна сама мысль об этом».

Скрещиваю руки на груди и жду. Секунда, бесконечная секунда тянется до тошноты долго.

Дима подходит ко мне и падает на колени к ногам. Кончики его пальцев танцуют по ногам в нервном танце. Я задерживаю дыхание, пока его глаза, эти тёмные, словно тёмный шоколад глаза осматривают меня.

— Прости, — хрипло произносит он и по щеке катится слеза.

Я и сама плачу. Гормоны чтоб их.

— Я такой идиот, я чудовище, я урод, Миланочка, девочка моя, пожалуйста, прости меня! Я больше так не буду, клянусь, я обещаю тебе, что больше никогда тебя не обижу!

Делаю глубокий вдох, на секунду прикрыв глаза. Встаю, убираю его руки с колен, касаясь их лишь кончиками пальцев.

— Интересно, с чего бы это вдруг? — стараюсь сказать серьёзно это, но капля сарказма в голосе все-таки выдаёт меня.

Сразу отвечает он виновато:

— мама призналась, что те фото это ее рук дело. Так что пошла она куда подальше. Ты мне дороже. Теперь я только тебе буду верить

— Мммм понятно — недоверчиво произношу я

— Милан, я знаю, что сделал слишком больно тебе, я готов на все, что угодно ради тебя и наших малышей, прошу, дай ещё один шанс

— У меня нет уверенности, что ты больше не причинишь боль. Во всех отношениях все и всегда без исключения кто-то кому-то делает больно, а во время беременности ты должен понимать, что я не смогу переживать эту боль

— Но я клянусь тебе..... я хочу пообещать тебе, что больше не сделаю тебе больно. Просто рискни и ты убедишься, что я говорю правду. Дай, шанс, прошу — умоляет он и вцепляется руками в плечи, прижимая меня к себе.

Я чувствую его жар, учащённое сердцебиение, аромат и заглядываю в его бескрайне голубые глаза, хочется вцепиться в его губы. Язык словно огнём пылает от чего я с трудом продолжаю:

— Я не знаю.... мне нужно подумать...я скучала по тебе.... мне тебя не хватало....но это не значит, что вот так вот просто я смогу простить тебя и все забыть.... мне нужно время, чтобы дать тебе ответ

— Да, подумай, только, пожалуйста, поверь в меня, я тебя люблю, ты мне нужна-продолжает он и обхватывает лицо руками

— Ты мне тоже нужен, я люблю тебя — заключаю я, запускаю руки в его волосы и шею, а затем тянусь за поцелуем.

— Время вышло, — входит охранник.

На нас будто таз холодной воды выливают.

Мы пару секунд смотрим друг на друга, обнимаемся, прощаемся, и я выхожу в коридор.

Выхожу из СИЗО. Порыв ветра мне в ноги бросает газету. Поднимаю её и замечаю лица придурка Саши со следующим заголовком:

«33 несчастья молодого перспективного архитектора Александра Красникова»

Пробегаю глазами по статье. Как оказалось, на днях квартиру этого подонка неизвестные обокрали, а накануне этого он поссорился с начальником, после чего его уволили.

«Боже, как бы плохо это не звучало, но я рада такому исходу событий, карма классная вещь, так ему и надо, каждый получает своё. Пусть теперь он страдает. Даже дочитывать не стану до конца, довольно того, что теперь он без крыши над головой и без работы.»

Несколько дней назад.

«Она ушла. Нас больше нет. Я всё испортил. Я потерял её...»

Меня снова ловят и скручивают. Скоро руки выдернут с корнями. Прежде, чем моя щека вновь разрывает поверхностный слой кожи об острые края штукатурки или кирпичей, я вижу её. Вижу её. Она скрывается за углом и даже головы не поворачивает.

Горечь встаёт колом в моем горле. Звон от крика охранника в ушах не в силах заглушить внутренний вопль отчаяния. Стискиваю зубы до пронзительного скрипа и хруста.

Меня вкидывают в камеру. Боль от удара спиной о пол не может перекрыть мою душевную боль. Заползаю, как червяк, на нары и, повернувшись лицом у безликой серой стене, сворачиваюсь клубком. Пустота в душе и вокруг. Хочется вопить во все горло. Но взгляд, её взгляд. Тот которым смотрит победитель на проигравшего, что валяется у его ног в грязи. Этим самым взглядом правомерно смотрела на меня Мила и теперь он душит меня.

Переживает гортань и вопль тонет в желудке, вызывая позывы к тошноте. Зажмуриваю глаза и искренне пытаюсь не думать. Просто не думать. Нельзя думать. Это верный путь к сумасшествию. Я на полпути к нему. Слышу, слышу. Я слышу, как пискляво шепчет рассудок «держись». Чувствую как ногти до крови цепляются за это слово.

— Хэй, парень. Ты чего? — словно из трубы длиною в три километра и диаметром сантиметров в пять слышится голос Ильи.

И только тогда замечаю, что ногти и правда кровоточат. Я же выцарапал имя Миланы на стене перед собой.

— Боже, — тяжело выдыхаю я и сажусь лицом к парнишке, — Илюх, я и реально схожу с ума, — смотрю отупело на окровавленные руки.

Голова кругом, охватываю её обеими руками, но это не имеет никакого эффекта.

— Ты как?

— Как я?

«А правда, как я? Где же я свернул не туда? Где же я так сильно заплутал? Запутал так, что смог поставить под сомнение слова той единственной, кто вытащил меня тогда из самого страшного кошмара.

— Ты когда-нибудь переживал предательство того, кто дал тебе жизнь?

— Брат, да что стряслось-то?

— Я потерял любимую. Вот, что случилось.

— Я конечно не в курсах, что у вас там и как, но, блин, чувак, если она тебя любит, то поймёт.

— Я столько ей всего наговорил. Я урод. Но, черт возьми, я не мог не поверить матери. Она была против наших с ней отношений. А потом она прислала фотки...фотки, где моя девушка с другим...это было так правдоподобно, что у меня крыша поехала.

— Понимаю, брат. Моя такая же. Вечно суёт нос не в свои дела. Но это единственный человек, который безоговорочно тебя любит.

— Да, но...это всё равно было подло...все это было слишком стремно...

— Я уверен, что у тебя с девушкой ещё не все потеряно. Я конечно плохо тебя знаю, но думаю, вы с этим справитесь

— Спасибо, я тоже.

В скором времени в сизо приезжают медики, чтоб собрать биоматериал у нас с Милой. За эти короткие полчаса, что мы сидим в одном кабинете, мы не разговариваем, да и особенно тут не поговоришь, когда медики не отходят от нас не на минуту.

— Время прогулки! — металлическим голосом оповещает охранник. — А ты, красавчик, сначала к медичке сходишь, — тычет он меня в плечо и как-то странно ухмыляется.

“Вот же ж козёл!”

Но я покорно склоняю голову и подставляю руки для браслетов. Их металлические замки со скрежетом застёгиваются на запястьях. Меня выводят в душный коридор. Лампочка через три камеры от моей так и мигает. Закусываю верхнюю губу и получаю тычок меж лопаток.

— Шевели помидорами, урод!

— Чтоб ты сдох, сука, — цежу я сквозь зубы.

— Что ты там ещё смеешь!

— Не стоит, Марк. Спасибо.

Поднимаю глаза и вижу девушку в белом халате. Крупные карие глаза без грамма косметики, с невероятно пышным обрамлением из ресниц смотрят на охранника. Она видная девушка, но до Миланы ей далеко.

— Ладно, Ксения Анатольевна, он ваш.

— Спасибо. Да и браслеты с него снимите.

— Но..., — кряхтит Марк.

— Снимайте, снимайте, — мягко настаивает она.

— Под вашу ответственность.

— Разумеется.

«Марк, хоть и неохотно, но подчиняется ей. Я бы и сам при иных обстоятельствах ей подчинился, а что ж нет-то.»

Прохожу следом за ней в маленький кабинет.

— Вижу легче вам, обвиняемый, не стало, — осматривает она мои руки.

— Ерунда.

— Ерунда, да не ерунда, — обрабатывает раны Ксения.

А я отстранённо смотрю в окно без решётки.

— Моя жизнь американские горки. И покой мне только снится.

— С чувством юмора все в порядке. Так и запишем.

— Так жизнь мне больше ничего не оставила.

— Разве? Слышала о вас не забывают. Родители. Красавица девушка...

— Милана..., — снова взгляд цепляется за ветку, что упорно бьётся о стекло.

Облизываю губы, словно бы смакуя каждую только что произнесённую букву.

«Милана, только моя Милана. Девочка моя. Как же нас угораздило пересечься. Так внезапно, так резко и больно все разорвать. Почему ты? Почему я? Почему нас больше нет?»

— Родители и девушка больше не потревожат меня. Вот, буквально ещё раз с мамой встречусь и точка.

— Точка?

— А какие ещё есть варианты в отношении тех, кто придаёт, а других ты сам ранишь в самое сердце?

— Смотрю у вас, обвиняемый, все категорично. Либо чёрное, либо белое.

— Не я такой, жизнь такая.

— Не соглашусь с вами. Настоятельно рекомендую подумать о полутонах. Вдруг в них и есть вся суть. Особенно в преддверии встречи с вашей матерью.

— Ага, обязательно — отвечаю я и выхожу из кабинета

Чуть позже я выпрашиваю разрешение на важный звонок.

Меня ведут в комнату свиданий, где ожидает мама. Она сидит расслабленно, довольная собой. Её улыбка и блеск в глазах не вызывают у меня нежности и любви к родной матери.

«Безоговорочно любит меня. Помнить о полутонах? Серьёзно?».

Сажусь напротив неё.

— Димочка, сыночек. Я так рада тебя видеть. Мне сказали, что у тебя сотрясение и... Что с руками? — тянется мама ко мне, но я убираю руки со стола и откидываюсь на спинку металлического стула.

«Мне тяжело смотреть на неё».

Внезапно ловлю себя на этой жутковатой мысли. Пот струйкой стекает по спине.

«Господи, я теперь и перед матерью дышать спокойно не могу».

Прохожу пальцами по вспотевшим слегка волосам. Пыхчу, словно конь в голове. Лёгкие сейчас разорвёт.

— Не могу сказать того же, — беру стакан со стола и опустошаю его наполовину.

— Что? Я не понимаю — испуганно говорит она.

— Хватит строить из себя невинную овечку! Ты прислала те фото, чтобы мы с ней расстались, и у тебя это получилось, поздравляю. Она меня бросила. Так вот, я повторяю, ты добилась чего хотела, теперь ты довольна? — из-за всех сил говорю спокойно и холодно, сжимая руки в кулаки.

Она в шоке замирает, смотря на меня, ее глаза наполняются слезами, затем она собирается с мыслями и твёрдо отвечает:

— Да, вполне!

— Какая же ты...

Её взгляд становится огненно-дьявольским, губы съёживаются, а затем она с леденящей сдержанностью грозно отвечает:

— Ты знаешь, что я это делала из лучших побуждений. Она тебе не пара. Никогда, не при каких обстоятельствах она не станет частью нашей семьи. Вспомни, что было в прошлый раз с той... прошмандовкой Кристиной. В прошлый раз я была права на счёт неё. Просила тебя — бросай ее, не любит она тебя, и сделает больно. В итоге все так и было. Не ты меня не слушал, делал все по-своему и получил то, что получил. Если бы ты послушал меня, то тебе бы не было так мучительно больно. Так вот сейчас я тебя пытаюсь уберечь от мучений во второй раз, а ты упёрся в свою девчонку, как баран набитый и ничего не хочешь слушать, помощи близких не хочешь принимать, чтоб избежать боли и разочарований. Господи, сына, ну подумай ты головой хорошо, с кем тебе будет лучше.

— Не смей, не смей их сравнивать. Ты сильно ошибаешься, они совершенно разные, в них нет ничего общего, поэтому никогда так больше не говори. Я разберусь с личной жизнью самостоятельно без тебя. Если бы ты хотела мне счастья, то приложила бы усилия, чтобы принять её. Ради меня и мира в семье. Узнать ее хорошо так, как знаю ее я. Но ты этого не сделала. Ты поступила так, чтобы только тебе было хорошо — вцепляюсь руками в край стола, чтоб не взорваться.

— Не смей так говорить, Дима, это не так! против твоей... этой... все против — почти

кричит она выйдя из-за стола и размахивает передо мной рукой.

— Своими действиями вы потеряете меня, а мы с ней будем сильнее ваших планов, чтоб нас развести, ты поняла меня? У тебя есть всего один шанс, чтоб я остался твоим сыном — это сказать правду про те долбанные фото. Если ты сейчас солжёшь, то навсегда потеряешь меня

Она тяжело дышит, а потом спокойно произносит:

— Какую правду?

— Те гадкие фото — это твоих рук дело? — она ошарашенно молчит — ну же отвечай! — кричу я

— Я сделала это во имя твоего блага. — по слогам свирепо отвечает она
Давлюсь собственной яростью.

— Благо? Благо! Ты себя слышишь? Мама! Какое на хрен благо? — взрываюсь и подлетаю к ней.

Она хватается за сердце и слово вымолвить не может

— знаешь, что? я собираюсь на ней жениться! у тебя больше не получится меня обмануть или разрушить наши отношения, я больше не позволю тебе этого сделать. Никогда больше не смей лезть в мою жизнь. Я ненавижу тебя. Ты хоть понимаешь, что ты сделала? ты чуть не лишила меня любимой девушки. Bravo мама, а теперь уходи, я больше никогда не хочу тебя видеть — тараторю я, не соображая, что говорю.

«С одной стороны, она этого заслуживает, сама виновата, с другой стороны я ненавижу себя за эти слова, мне погано все это говорить, ужасно стыдно и невообразимо больно от собственных слов. Какой же я подонок».

Она набирает полную грудь воздуха, закрывает глаза и рыдая выговаривает:

— Дима, я..., я...,

— Мама! Я умоляю, уходи и не приходи больше! — спокойно шиплю я.

Встаю и подхожу к двери. Хочу прервать это свидание, ведущее в никуда. Впервые я не в силах спорить и орать, с пеной у рта доказывая, что я прав. Ведь я прав, выбрав любимую и её благополучие?

«Любовь требует жертв. Это факт. Одно дело, когда ты выбираешь либо любовь, либо хобби. Либо любовь, либо вредные привычки. Либо любовь, либо друзья. Другое дело выбирать между любимой женщиной, с которой хочется прожить всю жизнь и родной матерью. Как из этого можно выбрать что-то одно? Это тоже самое, что, выбирать либо только дышать воздухом, либо только есть, одно без другого невозможно. Как тут выбрать? Никогда не думал, что встану перед таким выбором, но мне пришлось, и я его сделал. Это была вынужденная мера. При других бы обстоятельствах я бы никогда и ни за что не отрёкся от собственной матери, но это не тот случай. Я знаю, что она любит меня и хочет, как лучше, ведь она же мать. Но ее забота и любовь перешли границы. Так нельзя поступать, это не честно и не справедливо. Это подло делать что-то якобы мне во благо, заставляя меня и другого человека страдать. Это не логично. Какие же женщины дуры, когда любят. До какого же безумия порой доводит людей эта дурацкая любовь?»

Вхожу в здание СИЗО, в комнату входит он. Его руки освобождают от железных оков, он садится напротив меня, охранник сообщает, что у нас всего 15 минут и выходит в коридор.

Дима смотрит на меня глазами полными боли, вины, любви и нежности, нежно кладёт руки в свои, целует их. Из мозга выветривается вся боль, причинённая им, в голове только страстная любовь и желание его, прожить с этим человеком всю жизнь, от этого становится труднее дышать, сердце устраивает дискотеку в теле, губы поджимаются под зубы.

— Как ты? — спрашиваю я, тая от его прикосновений, и глажу его в ответ.

— Плохо... без тебя, ты мне нужна, я безумно люблю тебя.

— Я тоже по тебе скучала — стараюсь твёрже ответить, но говорю так, будто ничего не было, после чего мысленно ругаю себя за это.

— Так ты простила меня?

— Да... я даю тебе ещё один шанс — уверено и с улыбкой сообщаю я

Он озаряется счастьем, целует руки, затем подходит ко мне и целует, крепко обнимая

— Спасибо, я люблю тебя — страстно говорит он

— Так что говорит адвокат, следователь, как идёт следствие?

— Нормально, скорей всего суд будет в четверг, ты нужна мне там.

— Я обязательно буду

Он несколько секунд смотрит на меня, затем садится напротив меня на колени. Ещё немного молчит, гладит ноги, целует колени, обнимает их, я глажу его волосы, а затем он поднимает на меня глаза и выпаливает:

— Пожалуйста, выходи за меня замуж. Я тебя люблю...

«Ого, вот это поворот... я в шоке...»

— Знаю, что свадьба с уголовником, да, и в сизо не самое лучшее событие, но я этого хочу, я хочу быть твоим единственным. Я обещаю тебе, что всегда буду доверять и любить только тебя. Я хочу прожить с тобой жизнь. Прошу, стань моей женой.

Он крепко прижимает меня к себе, усаживает на стол, гладит везде, не отрываясь от губ, встаёт между ног и трётся об меня.

— Я согласна — слетает с губ.

Я просовываю руку к нему в штаны, он прилипает губами к шее, оставляя на ней следы, в то время как я массирую член.

После того как он кончает, он возвращается на лавку, усаживает меня на стол перед собой и покрывает моё тело поцелуями и одновременно множество раз говорит слова любви.

Затем он встаёт и проникает пальцами в меня. В момент кайфа наши губы крепко слипаются, а я впиваюсь в его спину ногтями.

Он садится на лавку, я остаюсь на столе, он задирает мою футболку и целует живот, а потом спрашивает:

— Ну а что с работой у тебя?

— Нормально, в больничном газетном киоске работаю у твоей матери — улыбаюсь в ответ, сажусь к нему на колени, и мы обнимаемся.

Заходит охранник и сообщает, что свидание окончено.

Всю следующую неделю я постоянно обдумываю предложение замужества с Димой, как

это будет происходить, во что я могла бы одеться, как бы это происходило на воле. Знаю, что заключённым после регистрации брака дают сутки или три дня, чтоб провести их с супругом наедине в специально отведённом доме на территории колонии, там не райские квартиры, но все же лучше камеры в местах не столь отдалённых.

Так же за это время я посещаю психолога, которая в конце концов помогает принять правильное решение, и кстати сеансы с ней начинают давать плоды. Кошмары все реже сняться, в присутствии детей у меня меньше тревоги, и иногда могу позволить малышам прикоснуться ко мне.

Сегодня безумно сложный и волнительный день, нервы на пределе с самого утра. Меня всю трясёт и летит из рук. Одно радует — хоть выспалась. У меня аппетита нет для завтрака.

«Представляю, как ему сейчас намного тяжелее чем мне. Невероятно сильно боюсь за него, надеюсь, что его оправдают и мы вернёмся в эту квартиру вдвоём и все станет как прежде. Страсть, любовь, поцелуи, нежность, мы будем помогать друг другу, поддерживать, и мы обязательно со всем справимся, у нас все будет хорошо, ведь он обещал исправиться. Каким бы не было решение суда, сегодня я готова дать ему ответ на его предложение.»

Приезжаю в большое светлое здание суда, прохожу к нужному залу и вижу, как у двери, где состоится слушание по делу, набрался народ. Его друзья, семья и знакомые жертвы.

Черт, от бешеного волнения становиться плохо, голова кругом идёт, несмотря на жару мне холодно и трясёт ужасно. Боюсь, как бы случайно от волнения не сказать лишнего, когда буду давать показания суду. Ноги подкашиваются поэтому сажусь на мягкий кожаный стул. Как же сильно я бы хотела его сейчас увидеть, но жаль, что это невозможно до начала заседания.

Судорожно от волнения постоянно либо оглядываюсь, либо кусаю ногти, либо думаю о будущих словах или же смотрю в телефон. Время от времени замечаю, как на меня презрительно смотрит его мамаша, хотя она сама виновата в том, что потеряла сына.

Наконец в коридоре звучит звонок, означающий начало слушания дела, все напрягаются, замолкают, рассаживаются по стульям, смотрят друг на друга и прислушиваются к тому, что происходит за дверью.

Начальная речь судьи, прокурора, адвоката, затем звучит голос Димы, который отвечает на вопросы работников правоохранительных органов, затем судья сообщает, что пришло время вызова свидетелей. Сначала приглашаются свидетели со стороны защиты, и первой вызывают меня.

Я встаю, и чтобы расслабиться и собраться духом поправляю причёску, трогаю лицо, нервно дышу и прохожу в зал к ним. Ко мне снова возвращается бешеная тревога, перед глазами плывёт, кружится голова, вся трясусь и держусь за металлический тонкий ремешок мини сумки. Мне невыносимо страшно, но я вижу его, и мы задерживаемся взглядом друг на друге. У меня пропадает голос, и я встаю за деревянную стойку и смотрю на судью-женщину в чёрной мантии. Она полностью седая, на вид лет сорок, плотного телосложения.

Судья Мария Витальевна озвучивает нужные правила дачи показаний, а затем к допросу первым приступает адвокат.

— Как давно вы знаете подсудимого?

— Семь лет.

— Какую характеристику вы могли бы дать подсудимому?

— Дима добрый, отзывчивый, весёлый, дружелюбный, общительный и ласковый парень и друг.

— Подсудимый способен на преднамеренное убийство?

— Нет, определённо нет.

— Ранее в вашем присутствии Дмитрий вступал с кем-либо в серьёзные конфликты и драки?

— Да, бывало, ведь все когда-то ссорятся и дерутся. Раньше, когда у Димы возникали спорные ситуации, то он искренне старался уладить конфликт мирным путём и шёл в этом до последнего, успокаивал другого человека. Или же, если драки было не избежать, то естественно он защищался в бою, но буквально несколько ударов, и он прекращал драку, либо собственными силами, либо кто-то со стороны приходил ему на помощь. А потом спустя время он и этот человек, с которым он ссорился, они оставались наедине, извинялись друг перед другом и мирились, а потом как ни в чём не бывало продолжали общаться и дружить.

Далее допрос продолжает прокурор.

— Как вы думаете, почему в день преступления Дмитрий не действовал по тому же принципу?

— Всё вполне логично, почему так произошло. Тёмное время суток, на улице никого нет, кроме него и покойного. Покойный крупнее и сильнее Димы, да, и то что Дима не мог его уговорить тоже имеет значение, тот парень неадекватный был. В конце концов, у него был единственный вариант спасись — это самооборона. Никто не говорит, что тыкать ножом в людей это разрешено, но если другие способы не помогают, то приходится идти на крайние меры.

— Как вы думаете, что могло вызвать взрывные реакции на стресс у Дмитрия?

— Я думаю, что больше всего... хотя нет, я уверена, что больше всего это вызвало болезненный разрыв с бывшей девушкой, которую он сильно любил, но она предала его.

— Расскажите о событиях 29 мая этого года.

— В тот день вечером я дремала дома, потом меня разбудил Дима ночным визитом. Я открыла дверь и увидела, что он весь в синяках, крови и грязи. Я сильно испугалась и впустила его в квартиру. Отвела его в ванну отмыться. Затем он сказал, что шёл к другу в гости, который живёт недалеко от меня и к нему пристал сильный парень с претензиями о том, что он переспал с его девушкой. Слово за слово, и они подрались. Как сказал Дима в драке все остались живы и разошлись каждый своей дорогой.

— А когда вы узнали правду?

— Шестого июня, когда днём ко мне пришли сотрудники полиции, чтобы взять у меня показания, и они показали его фото. В это время Дима был в душе, потом мы поговорили об этом, и он рассказал правду, что убил человека. Он этого не хотел, он жалеет об этом, и ему было страшно, вот и все.

— Почему вы позволили ему остаться у вас? — спрашивает адвокат

— Не буду скрывать, потому что я его всегда любила и дорожила им. Ну а как тут оставить любимого человека в беде. Какой бы он не был, если любим, то ты все для этого человека сделаешь, чтоб обезопасить, даже во вред себе. Любовь всегда требует жертв.

— Вы осознавали свою ответственность за сокрытие преступления и преступника? — продолжает прокурор

— Да, абсолютно.

— На данный момент в каких отношениях вы состоите с подсудимым?

— Мы с ним встречаемся, я жду от него ребёнка, и мы собираемся расписаться.

— Вот как? Ну хорошо, я вас понял. Милана Константиновна, у вас есть, что добавить? Есть ли ещё что-то чего мы не знаем и может повлиять на судьбу вашего жениха?

— Нет, я все рассказала, это была самооборона, он жалеет об этом. Я уверена, что, если была бы возможность, то он бы с удовольствием поступил бы иначе. Просто ему не повезло, он оказался не в том месте, не в то время.

— Хорошо, спасибо, у меня вопросов больше нет, ваша честь — говорит прокурор

«Вот и наступил тот день, которого я ждал и одновременно боялся.»

Пот льёт со лба градом. Ноги ватные. Тошнит. Даже вывернуло посреди ночи. К слову, я и не спал вовсе. Глаза теперь квадратные, как и голова.

Ну, вот и охранник. Браслеты снова звенят за спиной. Выходим за пределы СИЗО, меня бесцеремонно усаживают в автозак и везут к зданию суда.

Там ведут с чёрного входа по лестнице на третий этаж, а там в зал, запирают в клетке и снимают браслеты с рук, успевшие изрядно намять запястья. Растираю их, чтоб унять ноющую боль. Двое охранников занимают места по обе стороны от клетки.

«Господи, они же реально думают, что я могу сбежать. Самим не смешно?»

Сажусь на лавку, смотрю на пустое кресло судьи.

«Как один человек может решать судьбу другого. Конечно, он не просто человек, это человек со знанием законов и жизненным опытом, но все же он человек».

Стулья, стоящие в ряд, начинают заполняться людьми. Маленькое пространство зала суда заполняется их голосами. Среди них вижу знакомое лицо. Мой адвокат. Он подходит к клетке и просит меня сохранять спокойствие, по возможности конечно.

Напротив, у самого окна появляется обособленная группа людей. Ловлю их ожесточённые взгляды на себе. Мужик, единственный среди трёх увесистых дам, сжимает кулаки до белых костяшек. Судя по возрастной категории, либо брат, либо батя покойного. Одно лицо с тем бугаем.

Становится мягко говоря не по себе.

Обвинитель в форме прокурора успокаивает их и просит занять места.

Спустя пару минут пристав объявляет о начале судебного заседания. Все встают и входит судья.

«Твою мать, да ей же лет сорок не больше. Ещё очки нацепила для умного виду. Смех и грех».

Все садятся. Идёт минутка юридической терминологии. Сижусь, слушаю, ничего не понимаю. Но через минуту хочу буквально пролезть в сантиметровое пространство между прутьями клетки, чтоб только коснуться её.

Наконец начинается допрос. Первой вызывают мою Милу.

Моя красавица Мила идёт по проходу и встаёт напротив судьи.

«Господи, как же ей страшно. В глазах слезы. Девочка моя».

Сам кусаю губы, как и она. Еле удерживаюсь на лавке, чтоб не ринуться и голыми руками не разломать эти прутья толщиной в палец.

Не слышу её слов, только её глаза и пальцы, которые она разве что с корнями себе не выломала за время, бесконечное время допроса.

«Хватит её пытаться, суки!»

Внутри меня ядерная война. Наконец её допрос закончен и Мила садится на скамью с моей стороны.

Далее весь остальной процесс проходит для меня как в тумане. Мама даёт показания. Тот мужик с кулаками возмущаются так, что его чуть не выводят из зала. В итоге слово за слово и проходит около двух часов.

«Признаться честно — жопа одеревенела сидеть. Да, и сам я понял, что закроют меня и

надолго. Адвокат мямлил какую-то шнягу весь процесс. А говорили, что один из лучших адвокатов в городе, да чтоб его. Пошёл он к чёрту. Один вопрос остался, сколько мне эта типа умная судья впаяет».

Итак, настал решающий момент. Судья возвращается после получасового совещания с самой собой и объявляет длиннющий вердикт. Из которого я понял только одно.

«Четыре года. Четыре, сука, мать твою года! Милана!»

Вижу, как белокурая принцесса вся бледнеет от услышанного, вот-вот рухнет. Падает на стул, задыхается, ее бледное лицо становится красным, текут жгучие слезы по ее прекрасному лицу, которое она закрывает руками и беззвучно рыдает.

Мне и самому хочется безумно орать и рыдать от этого чёртового вердикта. «Чёртова система правосудия, будь ты проклята, гнилая до чёртиков система. Защищаешь собственную шкуру и шкуру близких от всяких ублюдков, а потом ты же и виноват. Уроды и козлы продажные, скоты вонючие.»

«Чёрт, как же я буду без неё, как она без меня?»

Чёртова старая сука судья объявляет, что слушанье закончено и уходит в свою садо-мазо комнату.

— Милан! — рвусь к двери из клетки и снова нацепляют браслеты. Аж зубы трескаются от злости.

Мать вешается с поцелуями на шею, вытирает тушь, тени, слезы, сопли, слюни. Мямлит, что-то про обжалование, апелляцию. Отец тянется обнять. Ухитряется шлёпнуть по плечу и что-то буркнул на ухо. Сторона обвинения ликует.

Тот мужик скалится на меня, кулаки демонстрирует. Я только сплёвываю себе под ноги, глядя ему в глаза.

Меня выводят из зала, выискиваю глазами Милу. Заметив, рвусь к ней, что есть мочи, и мы сладостно сцепляемся губами.

— Детка, я люблю ТЕБЯ, — полицейские силой растаскивают нас.

— Дима, я люблю тебя. Я дождусь тебя! Мы поженимся! Слышишь!! — ревет она.

Меня утаскивают в сторону автозака, а я до последнего смотрю на неё и ловлю последние минуты взгляда на неё.

«Снова решётки, ухабы и пустота внутри. Вот, и новый дом на четыре бесконечных года. Новый дом, новые... Да нет же стены столь же серые и безлики в своём унынии. Прижался спиной к их ледяной шершавой, как тысяча когтей поверхности. Упираю локти в колени, и они впиваются в кожу. Как её взгляд, её слезы в глазах. Мила, Миланочка...»

Вот, и в моих глазах встали слезы.

«Размазня, тюфяк. Урод, мудака. Господи, как я скучен, отвратителен, даже самому себе.»

Упираюсь затылком в стену. Смыкаю веки и слезинки катятся по щекам.

— Первоходка?

Резко распахиваю глаза. Передо мной трое... парней, скорее мужиков. На вид им лет сорок или около того. Седина, то тут, то там проглядывает, следы от щетины, как не брей.

— Что, поди девочка на воле осталась? — садится один из них рядом со мной.

Двое других усаживаются напротив на лавку.

Выпрямляюсь и сажусь ближе к краю нар.

— Парень, да ты не ссы. Мы ж с добром к тебе, — заявляет один из тех двоих, — Я Андрюха, а эти двое Витек и Толян.

— Приятно..., — прищуриваюсь слегка, оглядывая их.

— Серьёзно, парень...

— Я, Дима.

— Диман, правда. Мы не желаем тебе зла. Похоже, что первый этап не дался тебе легко.

— Да, что вы..., — встаю и свободно прохожу к окну. Смотрю сквозь решётку на унылый пейзаж.

— Мы понимаем. Знаем. Все пройдёт.

— Там осталась моя невеста...

— Да, ты мужик, Димас, — подходит ко мне тот, что вроде бы Толян и хлопает по плечу, — На, хлебни, — суёт мне микро флягу.

Делаю глоток. Боже, это ж чистый спирт.

— Это тоже пройдёт, — смеются мужики.

Кашляю, хрипло, но смеюсь. Бля, да я впервые за все время ржу, как конь.

Жалко, что все веселье обломал охранник. На работы видите ли валите, олухи. Ты кого олухами назвал, ору в башке, но покорно следую за ним, как и мужики, скрючившись в три погибели.

Приволокли нас в цех.

«Фак, это че я теперь типа столяр что ли. Табуреты клепать научусь. Ржу не могу. Но, кто б мог подумать, а? Я и табуреты. Но, блин, спустя три часа я не так и не доверчив к этому опыту. Идёт, как по маслу. Даже кайф ловить начал»

«А сплю, твою ж налево, как младенец. И так целую неделю. Даже злость и ярость сами по себе улетучились, что на пользу мне. И самое главное секс. Его безумно хочется. Но... я сам не свой. И, черт возьми, это начинает нравится.»

На завтра назначена роспись...

«Ну вот и все...мы проиграли... мы снова проиграли этой гнилой и жестокой системе правосудия. Ненавижу эту несправедливую Россию! так себе перспективка — видеть любимого раз в месяц. Ненавижу, ненавижу, ненавижу Россию!»

«Я сейчас настолько зла, что гневом можно сжечь к чертям собачим весь лес амазонки и не один ливень не спасёт его.

Вот, бы раз и прошли все четыре года разом. Залезть бы под два одеяла, а утром новый день только четыре года спустя. Но так не бывает. Поэтому я делаю, что могу. Лезу под одеяло, сворачиваюсь калачиком и кладу руку на живот. Да так и засыпаю.»

«5 августа — день, с которого наша с ним жизнь начинается с чистого листа... нашей с ним не совместной счастливой жизни на расстоянии. Мы многое пережили вместе и по отдельности, что теперь настало наше время счастья, которое никто не должен сломать, ведь теперь нас четверо.»

Нежно-розовую помаду в тон нежно-розового длинного платья с фатиновым подолом наношу на губы, сзади мама наносит на шелковистые кудрявые белоснежные локоны лак для волос, сверху надеваю бежевое болеро, на ногах бежевые кеды, глаза блестят и голливудская улыбка сияет на пол лица.

Мне настолько не терпится поделиться самой важной новостью, что уже язык чешется это сказать, и губы непроизвольно дёргаются, с трудом останавливая поток тех самых фраз

«Да, идеально, если самый первый узнает об этом он, но... непреодолимое желание куда сильнее»

— Мам.... у меня есть новость — чётко и уверенно сообщаю я, смотря на нее в зеркало

— какая? — спрашивает она, не отрываясь от укладки моей причёски

Поворачиваюсь к ней и продолжаю, силой сдерживая счастливую улыбку:

— в общем, тут такое дело....

— Господи, Милана, не пугай меня, в чём дело? — пугается мать, видимо искренне не догадываясь о чём я хочу сказать

— ааа я б... вы скоро с папой станете...бабушкой и дедушкой — сообщаю я и даю волю эмоциям

— что? — чуть ли не падает она от шока, держась за спинку стула

— да, это правда, я беременна — встаю со стула

— ну, ничего себе, ты меня огорошила, дочь родная, вот так новости, господи, боже мой. Костя, иди сюда, у нас для тебя новость — словно огромная пушистая бабочка мама порхает от счастья к двери комнаты

— мама, тише, а то сейчас все соседи сбегутся — смеюсь я

— Божечки, доченька, такое счастье, как тут не сбежаться. Я тебя поздравляю, красавица моя. Вас, вас, я поздравляю, мои красавцы дети. От все души вас поздравлю — налетает с обнимашками она.

— Оля, что случилось? — влетает в комнату отец

— Костя, ты не поверишь, наша Милачка скоро станет мамой — плачет от счастья мать, а по лицу отца растекается улыбка до ушей, что он даже прикладывает руку к груди

— ухти, господи, боже мой, да, ладно?

— да, абсолютно, пап

— фух, ну наконец-то, жизнь пошла в гору, я так счастлив, доченька. Наконец мы дождались внуков, поздравляю тебя — обнимает меня сильный чуть пузатый папа и целует в шею и щёки

— Спасибо, пап

— Так, доченька, ну, а срок какой у тебя? — щебечет мама

— двенадцатая неделя пошла

— а Дима — то знает про это? — спрашивает отец

— Нет еще, сегодня скажу, когда вдвоём останемся

— ты права, так будет лучше — соглашается мать и целует меня в щеку. Хотя у самой все лицо стало мокрым от слез счастья

— так, девоньки мои, нам пора ехать, а то красавец-жених и молодой отец уже заждался.

— Мы ничего не забыли, паспорт, кольца, документы? — спрашиваю я.

— Все на месте, доверься мне, — говорит папа.

— Отлично, — отвечаю я и беру пакет с необходимыми вещами.

Выйдя из подъезда, нас ожидает отцовский хороший друг на хёндае, мы садимся в машину и едем к Диме.

Два часа в дороге и вот мы заходим в административный корпус в компании охранников. Нас осматривают и отводят к кабинету регистрации брака. Нам сообщают, что через несколько минут приведут жениха и администратор уходит. Отец в это время достаёт из пакета все необходимое. Мать меня расцеловывает, успокаивает, желает всего самого светлого, а я беспрестанно высматриваю любимого.

В противоположном конце коридора замечаю его, любимого в сопровождении конвойных, его руки как всегда за спиной, на нем белая рубашка, две верхних пуговицы расстёгнуты, черные джинсы на ногах, а лицо искрится счастьем. Он все ближе и ближе. Мы не можем скрывать безудержную радость. Не терпеться накинуться на него, меня всю распирает от счастья, на месте не устоять.

— Начальник, будь человеком. Освободи руки. Хоть сейчас, а? Невеста ж ждёт, — слышу его мягкую просьбу.

И вот он рядом, его руки свободны. Дима несмело протягивает ладони ко мне и заключает в горячие объятия. Наши губы сливаются в страстном поцелуе.

Папа кашляет в кулак и мы поворачивается к нему лицом, улыбаясь и скрестив пальцы между собой.

— Привет, любимая, — шепчет он на ухо, зарывшись носом в волосы.

— Привет, — широко улыбаюсь я.

— Я по тебе скучал, — чмокает меня в висок.

— А я сильнее, — прикрываю глаза от счастья.

— Ну, здравствуй, Дима.... отец наших будущих внуков — задорно говорит папа и жмёт ему руку.

— что? — удивляется мой жених

— что? Рано или поздно ты же им станешь... или ты не планируешь детей, м? — шутит папа, а мама его тыркает в бок

— папа! — легонько бью его по плечу

— аааа мм, да конечно планирую! я люблю Милу, а она мя, а дети само собой —

растерянно отвечает он

— Ну, вот и отлично. Берегите друг друга.

— Благодарю вас за такие тёплые слова. Я ни за что на свете не подвергну её опасности.

— А твои родители так и не захотели прийти поздравить вас?

— Нет, к сожалению. Но я обещаю, что это никак на наших отношениях с Милой не отразится.

— Все наладится.

— Молодожёны, пожалуйста, проходите, — сообщает приятная женщина-администратор.

Мы проходим в красивый кабинет, где стоит всего один стол и шкаф позади нас. Мы подходим к столу, родители и сотрудники колонии сзади нас, а напротив нас женщина — регистратор брака. Она говорит стандартную речь, мы даём ответы, затем обмениваемся кольцами, а в конце и сладким поцелуем после слов «объявляю вас мужем и женой».

После этого родители поздравляют нас. Обнимают, целуют, желают всего самого светлого. Нас отводят в дом для молодожёнов. Мы обедаем с родителями и фотографируемся, потом убираем продукты в холодильник, отодвигаем стол в сторону и провожаем родителей.

— Наконец-то мы вдвоём на целых три дня, — он зажимает меня между собой и дверью. А я трепещу словно это впервые между нами. Хотя, если вдуматься, — Все хорошо? Ты будто...

- Нет-нет. Всё супер.

— Иди сюда, малышка, — Дима подводит меня к кровати. Садится сам и усаживает меня к себе лицом, на колени, — Обними меня, моя кошечка. Я тут и никуда не денусь целых три дня. Ещё будешь молить, чтоб тебя отсюда выпустили досрочно.

Мы оба катимся со смеху. Я выгибаюсь, и Дима втыкается носом меж грудей.

— Как же вкусно ты пахнешь, — с шумом втягивает он воздух и, скинув бретели платья с плеч, покрывает оголённую грудь. Это заставляет издать из груди стон наслаждения.

Тогда Димины руки ловко освобождают её от последнего препятствия и всасывает один из сосков. А я запускаю в его волосы пальцы и сжимаю так, словно могу ногтями влиться в кожу его головы. Отчего он только ещё пуще прежнего возбуждается и бросает меня на кровать. Впопыхах пальцы суют по пуговицам рубашки и те не желают поддаваться.

— погоди! — встаю на колени и помогаю ему, а он в этот момент стягивает с меня платье вместе с лифчиком.

Наши пальцы встречаются на поясе его джинсов. Дима улыбается и убирает свои. Я расстёгиваю пуговицу. Поразительно как она сама не отскочила, думаю я, когда его возбуждённый член, обтянутый тканью боксеров вырывается наружу.

— Малышка, — берет он мою ладонь и вместе со своей запускает к себе в трусы. Мои пальцы ложатся на его горячий эрегированный член и под его пальцами с силой сжимают его. Дима рычит и стонет от наслаждения. Его бедра начинают совершать лёгкие покачивания взад и вперёд. Голова слегка запрокидывается, а пальцы заставляют мою руку двигаться с ними в унисон. Взад и вперёд. Взад и вперёд. Моё возбуждение тоже возрастает до космической бесконечности. Наше дыхание ускоряется в унисон.

Он опускает плавно меня спиной на кровать и, целуя горячо в шею, входит в меня. Я не могу сдержаться и издаю пронзительный крик.

— О-да! Да! Да! Ещё!

После любовных ласк, мы лежим в обнимку. Он задумчиво смотрит в потолок, а я рисую пальцем фигуры на его обнажённой тощей груди.

«Сейчас самый идеальный момент, чтобы сказать самое главное...»

— У меня для тебя подарок, — мягко говорю я и касаюсь губами его соска.

Он недоверчиво хмурится и неохотно выпускает из объятий.

— Сейчас — тянусь к сумке, достаю оттуда конверт и вручаю ему, закусив губу и скрестив пальцы на удачу.

Он его открывает и достаёт оттуда с улыбкой на лице снимок УЗИ, на котором внизу написано 15 марта.

Он замирает на месте, вглядываясь в снимок, пару раз крутит-вертит его, затем непонимающе смотрит на меня и удивлённо говорит:

— Эм, не понял, ну-ка поясни мне, жена моя

Я целую его, сажусь к нему на колени, прижавшись грудями к его телу и отвечаю, одновременно с этим закусывая губу:

— я беременна... 15 марта — это предположительная дата родов, за 5 дней до твоего дня рождения.

От такой новости он покрывается мурашками по всему телу, абсолютно везде, по нему та же пробегают холодок, нервно сглатывает и судорожно моргает, потеряв дар речи, но все-таки шокировано переспрашивает:

— чего? Когда ты успела, а? я чего-то не знаю? Ну-ка с этого места по подробнее, пожалуйста, жена моя законная — усаживает меня на кровать — Как давно ты в таком положении и не говорила мне об этом, а? ты что решила мне инфаркт миокарда устроить, дорогуша?

Я заливаюсь смехом, обнимаю его, натягиваю футболку и отвечаю:

— тише-тише, муженёк, самый лучший муж в мире, угомонись, все ты знаешь. Срок двенадцать недель. В первый раз я хотела тебе про это рассказать в тот день, когда мы сорились из-за дурацких фоток, а потом я решила, что надо будет выбрать для такой новости день по лучше, так что вот. Сейчас тот самый идеальный момент, заюш — целую его

— ну, офигеть, а если бы я тебе не сделал предложение, то, когда бы мне об этом соизволила рассказать, а?

— в любой другой день по раньше. Я уверена, что такой момент был бы, если бы не свадьба

— умеешь ты меня убеждать... ну и как ты себя сейчас чувствуешь? как до этого ты себя чувствовала? как ребёнок? все хорошо у тебя там? Кстати, кто у нас будет, а? давай, рассказывай мне все! теперь ты не отвертись от допроса

— все хорошо у нас, у всех все прекрасно. А насчёт малышей, то предположительно девочка

— фух, круто — целует меня, и сползает низ кровати к моему пузу — я счастлив, правда, очень счастлив, спасибо тебе — целует живот и область под пупком

— И тебе спасибо за малышку — играюсь с его волосами

— так, когда говоришь роды?

— примерная дата — 15 марта

— вот значит, как. Круто, вот так подарочек на днюху, — охватывает он меня и принимается покрывать поцелуями. В какой-то момент Димка оказывается сверху, зажатый между ног. Обнимаю его за шею и спрашиваю, смотря в его искрящиеся счастьем глаза:

— Как бы ты хотел назвать нашего малыша?

— Хороший вопрос. Надо подумать.

— Нас с тобой связала надежда друг на друга. Тогда, может, если все таки будет девочка, то назовём её Надюшей, м, как тебе? — целует он мою грудь.

— Звучит не плохо.

— Только лишь неплохо? Ах, ты ж, — он снова входит в меня.

Я слегка выгибаюсь и не в силах скрыть наслаждение моментов улыбаюсь ему.

— А если будут мальчики?

— Может Тёма или Стёпа? У меня так дедов звали, — настырно вжимает меня в кровать.

— О-да! — запрокидываю голову.

Утро. Открываю глаза и дёргаюсь слегка. На моем плече лежит она, моя девочка. Её волосы щекочут нос, но я только рад этому. Молю высшие силы замкнуть эти два оставшихся дня в кольцо. Только, чтоб этот аромат, тепло и нежность её кожи больше никогда меня не покидали. Касаюсь губами ее лба. Она недовольно мурчит. Окаймляю ее руками, встав на локти. Склоняю голову к ее щеке, касаюсь губами и медленно движусь вниз. Дыхание Милы учащается, но я знаю, что она ещё спит. Тихонько спускаюсь ещё ниже. Убираю одеяло, скрывающее ее пылающее страстью тело. Переставляю руки по бокам Милы и зависаю над её животик. Он совсем не изменился, такой же плоский с лёгким пушком на коже возле пупка. Он дорожкой спускается к ее лобку. Сейчас он скрыт в тончайших кружевных трусиках танга. Присаживаюсь рядом и просмотрю, как Мила дышит. Живот то поднимается, то опускается. Готов до окончания времён это делать.

— Все в порядке? — долетает ее голос до слуха.

— Да, — рассеянно отвечаю я, поворачивая голову в ее сторону.

Мила садится на кровати, сложив ноги по-турецки. А потом и вовсе на колени.

— А мне что-то так не кажется, — обнимает она меня за шею и целует крепко в губы.

Ее напор сильнее моего. В какой-то момент я обрываю наш поцелуй и встаю с кровати. Подхожу к окну.

«Как мило, что на нем нет решёток. Хоть три дня посмотреть на мир не через ячейки. Иллюзия свободы и внутри этой квартиры все тоже иллюзия. Сейчас я отец, но детей ещё нет. Я муж, но четыре года моя жена будет без меня.»

Эти мысли скоро задушат меня. Чувствую, как они глыбой ложатся мне на грудь. Вцепляюсь пальцами в подоконник и теперь эта глыба у меня на плечах.

— Ты чего? — охватывает меня за талию Мила.

— Не знаю, — я по-настоящему начинаю задыхаться.

— Ну-ка, садись.

Мила возвращает меня на кровать.

— Держи, — протягивает она стакан воды.

Делаю глоток, ещё и ещё, пока не выпиваю всю воду. Голова разрывается на мелкие кусочки, но дыхание наконец затихает, и я могу сконцентрироваться на лице Милы. На удивление на нем нет ни капли испуга и тревоги.

«Почему? Она больше меня не любит, ей все равно. Что?»

— Давай, давай, три вдоха и выдоха. Медленнее. Ещё медленнее.

Я следую её совету, зажмурившись как можно крепче. Аж, мушки перед глазами полетели. Это срабатывает и когда я снова смотрю на Милу, то мне ощутимо легче и реальность вроде становится чётче в плане восприятия.

«Что за бред я несу?»

— Люблю тебя.

— И я тебя. И не шути так больше, — смеётся она.

— Был бы рад. Честно сказать сам перетрухнул знатно.

— Да..., панические атаки это не шутки. Надо расслабиться.

— Есть идеи?

— Жаль алкоголя нет, — переводит она взгляд на свою сумочку, — Хотя...

— Что?

Её пальчики ныряют в мешочек — а-ля сумочка и вынимает маленький флакончик с надписью антисептик.

«Я сказал, что глаза вылетели из орбит?»

Особенно, когда она смело открывает крышку и делает микро глоток.

— Это же...

— Сам попробуй.

Мила протягивает флакон. Беру и принимаю.

— Водка?

— Отличный антисептик, — смеётся она.

Делаю глоток. Резко выдыхаю в кулак.

— Забористый у вас антисептик, жёнушка, однако.

— Что? Что ты сказал? — улыбка стекает с её лица.

Я впервые назвал её женой. У самого по телу бегут мурашки.

— Жена, жена моя, — прижимаю её к себе и страстно целую. Мы валимся на кровать, обнимаясь и ласкаясь, — Ты мой ангел-хранитель.

— Дима..., — выгибается подо мной Мила, — мой муж.

«Как же приятно это слышать.»

— Да, да, ещё... не останавливайся.

Проникаю в неё. Она громко стонет подо мной, пытаюсь желанием. С той секунды я ничего не соображаю, пока не извергается внутрь неё семя.

Мы тяжело дышим, лёжа на спине. Смотрим в потолок.

— Так, что ты там говорила? Для чего нам алкоголь.

— Поиграем?

Приподнимаюсь на локтях и смотрю на неё.

— Я серьёзно.

Хмурюсь от недоверия, но киваю утвердительно.

— Знаю одну игру интересную. «Правда или действие». Давай, раз и навсегда закроем все темы, в которых у нас недомолвки.

— Ничего себе. Это прямо замашка на Вильяма Шекспира. Ну, что ж я согласен.

Сажусь на кровать по-турецки. Мила делает тоже самое.

— С правдой все ясно, но вот действие.

— Только раздевание и удовлетворение сексуальных желаний.

— Что? Я ещё не до конца удовлетворила?

— Я о тайных фантазиях. Твой ва-банк, мой ва-банк тайные сексуальные фантазии, — протягиваю ей руку, — Так что?

— Да, — пожимает она мою руку — я начну?

— Я весь во внимании, — с предвкушением чего-то эдакого улыбаюсь я.

— Правда или действие? — спрашивает она, облизывая губы.

— Ну, учитывая, что я пока ещё удовлетворён твоим телом, то правда.

— Телом? — насупливается Мила и тычет меня в коленку, — Ну, берегись тогда.

Потираю руки, смеясь.

— Что ты почувствовал, когда впервые меня увидел?

— Черт, надо было выбирать действие.

— Что? Это же простой вопрос.

— Шучу, малыш. Честно? Я не мог оторвать глаз от пола.

— От пола?

— То есть от брусчатки на мостовой. Как сейчас помню. Мы тогда вышли с парнями прошвырнуться на ночь глядя. Я увидел тебя задолго до того, как мы поравнялись. Свет фонаря высветил твою фигурку, и я... Я реально был так сражён твоей красотой, что буквально не мог смотреть на тебя от смущения. Я с трудом дышал, если честно. Зато помню какие на тебе были балетки. Нежные такие с цветочками.

— Да, я их тогда только купила.

— Какой же я идиот, что тогда выбрал Кристинку.

— А я Вову.

— До сих пор его ненавижу за то, что смотрел в твою сторону.

— Это с тех пор ты такой бешеный?

— Это второй вопрос.

— Ок, — она берет в руку флакончик с водкой.

— Э-э, нет, мать! — делаю глоток, — Моя очередь?

Мила кивает, поджимая губы. Боится, глупышка.

— Ок. Правда или действие?

— Правда.

— Ты когда-нибудь хотела Сашу в ответ?

Глазки Милы округляются, губки трясутся. А грудь кольшется так часто, что сердце вот-вот выпрыгнет.

В эту же секунду прилетает звончайшая затрещина.

— Твою мать! — у меня чуть ли не искры из глаз вылетели.

Мила сама сгибается, чтобы унять боль в руке.

— Малыш, прости, — тянусь к ней.

— Не трогай меня, — рычит она, выставив руки в защитном жесте.

— Малыш, я правда не подумал. Но раз мы и правда играем в правду. Я знаю, что это... но я не мог не спросить. Это реально гложет меня.

В ее глазах стоят слезы. У меня у самого ком в горле.

— Малыш...

Мила снова выставляет руку, преграждая путь.

— Никогда, слышишь это, больной ты ублюдок. Никогда!

— Ты права. Я ублюдок. Я не должен был так себя вести с тобой.

— Правда или действие? — её голос словно напильником по ведру режет слух.

— Правда. Я заслужил это.

— Почему ты перестал приходить ко мне после восьми месяцев, как я села?

Я знаю и понимаю, что она имеет право на это вопрос. Делаю глоток водки и встаю с кровати. Подхожу к окну, ветер поднимает пыль вверх и закручивает её в вихрь.

— Мил, я..., — меня всего передёргивает о мысли о том времени, — Я не мог смотреть на то, что с тобой делало то место. Я... я испугался. Я испугался, что не смогу. Я урод, Мил, я бросил тебя. А ты здесь и не просто готова ждать меня. Я не заслуживаю этого.

Мила подходит ко мне, охватывает лицо холодными ладошками и поворачивает мою голову к себе лицом.

— В горе и радости, в болезни и здравии. Отныне и навсегда, — шмыгает она носом и целует меня в губу.

Усаживаю её себе на пояс и прижимаю спиной к стеклу.

— Люблю тебя! Люблю, — страсть охватывает нас неистовым пламенем.

В мгновение ока я внутри сладкой девочки, а она такая влажная, такая упругая. Мы движемся в унисон. Наши крики заглушают прочие звуки и нам плевать на то, что кто-то может видеть наш акт любви.

«Главное, что мы есть друг друга. Сейчас я знаю, что эта белокурая красотка навсегда со мной, а я буду с ней, чтобы не случилось. Я не имею права сплеховать. Нет, только не теперь, когда совсем скоро появятся наши детки.»

Весь следующий, нашей последний день, когда мы можем беззаботно обниматься, целоваться и радоваться, что лежим рядом и видим глаза друг друга, мы посвятили тому, что в деталях обсудили дальнейшие наши шаги. Мила ещё верит, что все может наладиться между ней и моими родителями. Ведь, наши детки, это их внуки, и я хочу в это верить. Мама все же взрослый человек и хочется надеяться на её здравый смысл, но сейчас совсем не хочется думать об этом. Обнимаю ее и целую нежно в лоб. День клонится к вечеру. Очень не хочется, чтобы он кончался, но если он не закончится, то и дня рождения деток не будет.

И вот пришёл тот час. Появляются на пороге нашей квартиры охранники и, дав нам пару секунд на последний поцелуй, уводят меня назад в унылую камеру.

— Ну, что парниша. Говорят, ты мужик теперь, — ржут сокамерники и каждый хлопает меня по плечу, — Молоток! Поздравляем тебя. Это ж та блондиночка, да?

— Милана.

— Имя-то какое. И че залетела от тебя? Нет, ты конечно мужик, что женился на ней.

— да, возможно дочка будет, созданная лучшей любовью.

«Самому не верить, что так говорю»

— Ладно-ладно, мужик, ты извини. Мы ж не в курсах были. Прими поздравления ещё раз.

— Спасибо. Правда. Я сам ещё не совсем понимаю, что и как теперь. Но однозначно счастлив, что она есть в моей жизни. Кто знает, чтобы было...

— Не пускай эти мысли в башку. Живи моментом, мужик.

— Да. Постараюсь.

День выдаётся выматывающим с психологической точки зрения. Падаю на нары без сил и отрубаясь.

— Эй, парень, ты живой? — растряхивает меня, словно мешок с картошкой, один из сокамерников.

Сквозь пелену на глазах лица не видать. Потираю их пальцами.

«Что ж так голова гудит? И тут до меня доходит, что я водку почти без закуски пил. Пусть и немного, но блин с тем рационом, которым тут от души потчуют. Короче, мощно я вчера накачался»

— Живой вроде, — спускаю ноги с нар и вынужден вцепиться пальцами в их металлическую раму. Иначе не удержать себя в вертикальном положении.

— Мужики, ну-ка, метнулись кабанчиком. У кого чего пожрать есть? Ну, че вылупились? Парня спасать надо.

Через полчаса на нашем мини-столе лежат и печенья, и колбаса, и хлеб. Даже чефир в кружке дымится.

Я пересаживаюсь на табурет и сметаю полстола за пять минут.

— Ну как лучше стало? — теперь вижу, что это Толян. Садится напротив меня.

— Да, реально спасли. Жажнул вчера, не подумав.

— Ой, знаем мы, чем ты вчера думал, — смеётся он.

Остальные подхватывают, а мне не до смеха. Смотрю на еду на столе и понимаю, что если б с ними такое, то мне и вывалить-то нечего.

— Жеребцов! На выход, — дверь открывается и появляется рожа Алексеева.

С таким лучшим не шутить. Охрана, так охрана. Убить, так убить.

Без лишних слов и телодвижений встаю и выхожу. Как полагается, поворачиваюсь лицом к стене, подставляю руки под браслеты. Алексеев защёлкивает их и словно кувалдой бьёт кулаком по горбу, чтобы согнулся в три погибели. Без единого звука подводит к комнате для свиданий.

Подводит, методично открывает дверь. Я естественно лицом к стене, ноги чуть не в шпагате, попробуй, пикни. Сразу же можешь прощаться с яйцами. Алексеев удовлетворён властью надо мной и усаживает на стул, пристёгивает один из наручников к кольцу в середине стола и объявляет, что у нас как обычно пятнадцать минут.

— Сыночек, — мамин голос дрожит.

— Надо же, а что три дня назад времени не нашлось прийти?

— Дима! — злится отец.

— А вам не кажется, что мне в падлу злиться? Я совсем не злюсь. Мне все равно. Я все равно буду счастлив. С Милой и моими детьми. И видимо, без вас. Да, кстати, это я сейчас серьёзно. У нас с Милой будут дети.

Родители повисают в поражённом молчании, а затем отец продолжает:

— Дима, сын, от всей души поздравляю тебя и твою девочку!

— Большое спасибо, пап, — пожимаю его натруженную руку.

— Лично мне не важно, кем была Мила, раз ты взял ее в жены и дети в ее пузе твои. Я буду помогать ей и им, чем смогу.

— хах, Мила беременна, посмотрите-ка на нее и на тебя. Эта твоя Милана все, что угодно может тебе наплести. Она там гуляет на свободе, а ты тут. Дима, сыночек мой, не будь глупым и доверчивым. Нет никакой гарантии, что твоя Мила носит детей под сердцем от тебя — подходит она ко мне и согревает своими руками мои руки

— я уже устал слушать одно и тоже каждый божий раз. Говори и думай, что хочешь. Мне наплевать, мам. Ты же упёртая, как баран, тебя не переубедишь

— Света, ну, правда, прекрати. Хватит, заканчивай это. Смирись, ты уже с этим. Дети поженились, у них будут дети. Ты должна радоваться, что у нас будут внуки, а ты развела тут демагогию, как не зная кто. Успокойся и оставь в покое эту бедную девочку. Оставь в покое наших детей

— я без тебя решу, что мне делать — язвит она в лицо отцу

— папа прав. Думай, что хочешь, но я ей верю, и мне не нужны никакие доказательства

— как знаешь, дело твоё — размахивает она руками

— Мама, ты каждый раз приходишь, и мы соримся, я устал от этого. Давай, хотя б сегодня придём к примирению, пожалуйста. Прими это и смирись

— Сыночек, ты просишь от меня слишком многого — щебечет мама

— Мам, а помнишь, как ты говорила мне, что тебе важнее всего моё счастье? А?

— Но не...

— Но не с кем? Не с бывшей шлюхой, девочкой с испорченной подобным заведением психикой? С кем, мама? С кем я должен детей делать? А? Может с Кристиной, которая

вытерла об меня ноги и теперь имя моё не вспомнит, м?

В маминых глазах застыли слезы. Я и сам плачу в душе, что греха таить. Представить в самом страшном сне не мог, что буду так говорить с матерью, которую боготворил. Это всегда было непросто, но, черт возьми, не настолько же.

— Мам, тебе не кажется, что Мила сполна заплатила за ошибки? Мам, подумай, это же равноценно тому, что ты бы сейчас отвернулась от меня. Я же тоже сижу за убийство.

— Ты мой сын.

— А она мать твоих внуков. Я понимаю, что она не входит в число тех, кого бы ты прочила мне в невесты, но, мам, она любит меня, а я люблю её. Ты тоже любишь меня, а я люблю вас обеих. Может, стоит подумать о том, что между вами больше общего, чем ты думаешь?

Она жуёт нижнюю губу и смотри в сторону. Да так и, не переведя взгляд на меня, соглашается со мной одним кивком.

«Когда ты по какой-то причине ссоришься с одним или упаси бог с обоими родителями, то на время ссоры ты чувствуешь себя впечатанным в землю. Да, так было со мной. Полное ощущение, что несусь на горбу плиту килограмм пятьсот. Вроде все хорошо. Веселюсь, смеюсь, а дышать полной грудью не могу. А как дышать, если эта глыба на твоей спине по пояс выгнала тебя в землю. И почему же мы в этот момент не видим очевидного? Оно же у нас перед глазами. Мамино, папино лицо. Лица тех, кого мы видим, впервые открыв глаза в этом мире. Пусть неосознанно, но именно эти лица будут в нашей памяти и на смертном одре. Так, почему же мы злимся, копим этот негатив в себе к тем, кто никогда не одним своим движением или словом в наш адрес его не нёс. Наверное, когда у меня родятся свои дети, я лучше пойму мать. Но сейчас она, я знаю, сделала сложный для себя шаг в жизни. Опять же только ради меня, и я не имею права её подвести».

— Спасибо, мам, правда. Прости, что заставил тебя страдать. Мне больно видеть тебя такой, прости — печально произношу я и обнимаю мать.

— Спасибо, сынок, за эти слова. Ты же знаешь, что для меня нет ничего важнее тебя, твоего брата и вашего отца. Я понимаю, что Милана важна для тебя. Но и ты меня пойми.

— Знаю. Потому не тороплю.

— Хорошо, пожалуйста, дай нам время. Возможно мы найдём точки соприкосновения. Я постараюсь.

— Вы сделаете меня самым счастливым человеком. Пожалуйста, не плачь больше, а то я себя последней сволочью чувствую.

— Ох, Дима, Дима. Судьба такая у нас у матерей.

— Время вышло, — как же я ненавижу этот запелляционный голос Алексева.

— Береги себя, сыночек, — кричит мама.

— Мы позаботимся о ней, — добавляет отец.

4 месяца спустя

Прекрасный зимний день. Солнце светит, дует лёгкий ветер, все дороги застелены высоким слоем белоснежного снега. Я на работе, в свободное время составляю список необходимых дел до наступления нового года. Всего неделя и этот год закончится.

Закрываю киоск и иду в буфет. Беру поднос с полки, встаю в очередь и выбираю чего бы взять.

Слышу знакомой голос, аромат мяты и оборачиваюсь.

В мою сторону идёт Светлана Михайловна и разговаривает по телефону с коллегой. Увидев меня её милое лицо сменяется на уставшее, а голос становится не натуральным. Ей не по себе. Она машет рукой перед собой, как от жары и смотрит по сторонам. Всё не может успокоиться и постоянно нервничает при виде меня, как будто её силком усаживают на сиденье американских горок, которых она панически боится.

Она встаёт у меня за спиной на расстоянии и не думает заканчивать разговор, а наоборот придумывает новые темы беседы с коллегой. Как только я говорю кассирше, что хочу купить, Светлана заканчивает разговор.

Пока продавец накладывают обед в одноразовую посуду я поворачиваюсь к Светлане и по доброму говорю:

— Здравствуйте, Светлана Михайловна.

Она молчит, тяжело вздыхает, кривит губы, закатывает глаза и смотрит на ёмкости с готовыми блюдами, а я вновь перевожу взгляд на продавца и готовлю деньги.

Забрав поднос с обедом, я отхожу в сторону, уступив Светлане место.

Жду пока она озвучит заказ и спрашиваю:

— Светлана Михайловна!

— Да?

— Вы не хотите со мной пообедать сейчас?

Она несколько секунд смотрит на меня удивлённо, но так ничего и не отвечает.

— Я понимаю ваше отношение ко мне и не виню...

— Не винит она. П-ф! Ладно, — Светлана жестом зовёт за собой, и мы садимся за дальний столик.

Понимаю, что она не хочет, чтоб нас видели ее коллеги, но все равно обидно.

— Я... мне бы хотелось с вами наладить отношения. Скоро же новый год. И..., — каждый раз, как начинаю волноваться, девочки начинают активничать внутри меня. Кладу руку на шарообразный живот, в котором уместаются две наши малышки

«У нас будет двойня»

— Шевелятся? — в ее голосе звучат нотки беспокойства и радости, но они такие тихие, что я немного сомневаюсь в том, что действительно их слышу.

— Потрогайте, — хватаю её руку и, пересев на соседний стул, кладу её на живот.

Светлана, естественно, пытается отдёргнуть руку. Но в это мгновение одна из девчушек пинается и довольно ощутимо. Восторженный вздох вырывается из её груди и второй рукой она прикрывает рот.

— Милана, я...

— Я знаю. Светлана Михайловна, я знаю, что вы думаете обо мне и сама понимаю, что,

наверное, не достойна любви вашего сына. Но сердцу же не прикажешь, правда?

Светлана молчит, убирает руку с живота. Берет вилку, накалывает на неё отварную брокколи. Смотрит на это темно-зелёное мини дерево, и бросает её вместе с вилкой на тарелку и закрывает лицо руками. Слышу как она дышит, чтоб не дать себе расплакаться.

— Светлана Михайловна...

Она отрицательно качает головой, закрывает глаза на пару секунд. Глубоко вдыхает и убирает руки от лица, промокнув выступившие слезы.

— Хорошо. Давай, поговорим.

— Мы решили назвать их Надя и Вера.

— Значит, решили.

— Да... я предложила Диме... и... ему понравилось.

— Молодцы. Видимо, это и правда навсегда.

— Наша любовь?

— Ты в нашей жизни. Надо бы начать привыкать. Ты была у Димы в этом месяце?

— Нет ещё. Думала тридцать первого...

— Поехали вместе?

Я оторопело смотрю на неё. Такого поворота ещё пару минут назад, думаю, она сама предположить не могла. Прежде чем продолжить диалог приходится пару раз вдохнуть и выдохнуть, чтоб убедиться, что слух в этот раз не подвёл.

— Что ж, хорошо. И... что вы хотите...

— Свободу, — бросает она, не дав договорить, — Глупо, но факт.

— Да... Я слышала, что можно поговорить о досрочном... но это спустя только год.

— Знаю.

Мы переглядываемся с глубоким пониманием того, что мысли наши гораздо больше похожи, чем бы нам того хотелось. Но слова, рождающиеся, по меньшей мере, в голове кажутся такими пустыми и неверным, что я ничего лучше не нахожу, чтобы заняться обедом.

— Тебе бы следовало есть побольше витаминов, то есть овощей и фруктов.

— Я стараюсь. Завтра иду на обследование плановое, а через месяц УЗИ...

— Держи меня в курсе. И скажи о дате УЗИ.

— Светлана Михайловна... спасибо. Я... и Дима...

— Мне надо идти. Номер мой у тебя есть, — она встаёт и забирает поднос с остатками обеда.

Она доходит до стола с грязной посудой и поворачивается ко мне,

— Береги себя.

Я киваю и Светлана выходит из кафе

На следующий день, я на обеде поднимаюсь к Светлане в ординаторскую.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Милана. Съешь ягодку.

Потом мы перекидываемся парой слов о том, что волновало нас обеих за прошедший день. Конечно, помимо советов о материнстве и вопросов касательно моего самочувствия, Светлана ещё рассказывает о том времени, когда Дима был маленьким. Каково было ей с ним во младенчестве.

— Поговорим завтра о подарке для Димы? — замечаю, что она все чаще смотрит на часы.

— Да, сейчас обход и...

— Не волнуйтесь.

«Не сказать, что мы наладили отношения, первые дни нам сложно общаться после всей этой нашей заварухи, но мы стараемся держать себя под контролем, думать, что говорить и уважать друг друга.»

На новогоднюю встречу с любимым я надеваю тёплое серое платье с кружевами на подоле и вязаную белую кофту, накручиваю волосы плойкой и наношу на губы бежевую помаду. После чего выхожу на кухню, где мама собирает нам сумки в дорогу, но сама она к сожалению, поехать с нами не может.

Со мной к Диме поедет папа, Миша и его родители. На отцовский телефон звонит Василий и сообщает, что они подъехали и нам пора выходить к подъезду. Мы выходим в прихожую, и папа помогает надеть зимние сапоги. Мы выходим на морозную улицу. Метёт сильная метель. Садимся во вместительную Мишину машину «ниссан патрул» золотистого цвета и отправляемся в дорогу, в которой я засыпаю на отцовском плече.

Заходим внутрь красиво украшенного заведения, и нас отводят в большую общую столовую. Пока конвойный ходит за Димой, мы на столе раскладываем продукты.

— Папа, папа, папочка, — раздаётся на всю столовую детский звонкий голосок милой девчушки недалеко от нас.

Это было так неожиданно, что мы все резко оборачиваемся и слегка дёргаемся от испуга.

Сзади нас конвойные ведут в нашу сторону заключённого средних лет, к нему навстречу и бежит маленькая девочка лет пяти примерно, а за ней следом молодая мама. Мамочка возле мужа останавливает на бегу дочку и говорит ей:

«Погоди, детка, сейчас папе браслетики снимут и запрыгнешь на него, а то как он тебя обнимет?»

Девочка будто не слышит ее, вырывается из объятий и с разбегу крепко обнимает отца за талию, сильно прижимаясь к его животу. Конвойные снимают с него наручники, отходят в сторону, а отец радостно берет на руки дочку и нежно обнимает ее. Они говорят друг другу как скучали, а затем девушка обнимается с мужем, и они садятся через несколько столов от нас.

Нас забавляет данное событие, мы открыто улыбаемся, умиляемся данной картине.

Мы вновь поворачиваемся к столу и обсуждаем эту троицу. Вдруг я замечаю, что Светлана теряет нить разговора и смотрит позади меня. Не успеваю я повернуться, как она словно та девочка бежит, сломя голову, и громко произносит:

«Сына, сыночка, сынуля»

Мы улыбаемся и откровенно смеёмся. К нам подходят конвойный с Димой, Светлана налетает на него и крепко обнимает пока сотрудники освобождают его руки.

— Господи, сыночка, как же мы по тебе скучали. Мальчик мой, — смахивает она слезы с глаз, она буквально светиться от счастья, целует и обнимает его.

Наконец его руки освобождают, и он обнимает и целует мать в ответ.

— Привет, мам, я тоже по тебе скучал.... вкусно пахнешь.

— С новым годом, сыночек. Ну как ты тут? Как поживаешь? У тебя все хорошо? Никто тебя не обижает? — тараторит она, а мы все закатываем глаза и хихикаем над ней.

— Боже, мам, перестань. Все у меня хорошо, кто меня обидит? Тут мужики нормальные. А если надо, то могу и сам дать сдачи, — говорит он и вырывается из ее объятий.

— Хорошо, хорошо, Димочка. Мы тебе тут подарки привезли, всяких вкусностей, проходи за стол, садись, — продолжает она и ведёт его к столу.

— Мам, хорошо, сейчас сяду, только дай пару минут.

— Да, да, хорошо, сыночка.

Я подхожу к этой слащавой парочке, люблюсь любимым, улыбаюсь от этого вида неопишуемой радости свекрови и жду, когда она отойдёт от него. А Дима смотрит на меня с таким желанием, что будто готов всех отсюда разогнать, чтоб только побыть со мной наедине.

Наконец она отходит от него.

— Привет, муженёк, — улыбаюсь я и машу рукой, показывая пальцем на округлённый живот.

— Привет, красавица жена, — говорит он и страстно целует меня в губы, запуская одну руку в волосы, а другую крепко, но нежно прижимая к животу.

— Я безумно по тебе скучал, детка, по всем вам, крошки.

Вдоволь нацеловавшись мы проходим к столу, он весь сияет счастьем, здоровается и обнимается с братом и отцами. Мы садимся за стол, и он говорит:

— Боже, как я счастлив! Мне не веритья, что вы все вместе ко мне приехали! Спасибо вам большое, это круто. Я надеюсь, что вы наладили отношения? — продолжает Дима, указывая на меня и маму пальцем.

— Мы в процессе, — мягко говорю я и смотрю на Светлану.

— Фух, я рад, вы молодцы, наконец-то я этого дождался!

— Все ради тебя, любимый, — отвечаю я и целую его.

Некоторое время спустя

«Дима, Дим, подожди нас. В каждой из рук по маленькой ручке. Смотрю по сторонам, а на меня в ответ смотрят две пары ярко-голубых глаз двух девчушек с белыми как снег и чёрными, как безлунная ночь волосами. Они озорно улыбаются мне. Верочка, целую блондиночку. Надюша, целую брюнетку. Сердце от счастья выпрыгивает из груди. Перевожу взгляд на Диму. Он в нескольких метрах от меня разворачивается лицом, на руках у него свёрток с малышом».

— Любовь! — кричу я и просыпаюсь. Точнее в полном недоумении распахиваю глаза.

Осознаю, что лежу в луже.

— Что? — пропускаю руку между ног, подношу к лицу, — Кровь?

Ловлю своё отражение в отполированной дверцей шкафа.

— Началось.

Сердце зазвенело в ушах, паника кладётся откуда из самого нутра. Сжимает горло. Жмурюсь до белых мушек перед глазами.

— Мама! — кое-как спускаю отёкшие ноги на пол и поднимаюсь. Низ спины невероятно тянет и живот будто вниз опустился.

— Мила, — входит мама, — Костя! Скорую!

Мама подхватывает меня и усаживает на кресло.

— Дыши, детка, главное дыши.

Складываю губы трубочкой и пытаюсь дышать правильно. Господи, а как это правильно? Мысли путаются, все плывёт.

— Костя, ну что?

— Едут! — влетает в комнату папа.

Такого испуганного выражения его лица я ни разу в жизни не видела.

— Что, что? — заикается он.

— Прежде всего не мешай и открой окно, ей нужен воздух.

Папа молча повинуется, хотя вижу как ему это нелегко даётся. Не в плане подчинения маме, а любого телодвижения. Он такой потерянный.

— Посиди с ней, помни ей спинку, а я вещи соберу.

— Мам, они...

— Не думай об этом. Постарайся расслабиться.

— А-а-у, — сильная, тупая боль пронзает меня с головы до ног, аж дыхание перехватило.

Папа подпрыгивает, выкрикнув мамино имя, а она спокойным голосом просит меня дышать.

«Когда тебя сейчас вот-вот разорвёт на миллион кусков, как можно думать о правильном дыхании? И вообще думать. Хочется только орать во все горло. И почему мама холодна, как лёд. Ноль эмоций».

Но глядя на неё, я нахожу силы держаться до приезда скорой. Мама помогает мне одеться и с помощью неё и санитара выхожу из дома. Папа выходит следом и говорит, что позвонит родителям Димы и они вместе приедут в больницу. Мама пытается отговорить его, но не успевает. Врач командует ехать, потому что счёт идёт на минуты.

По приезду в больницу меня отправляют в родовую палату. Врачи суетятся, чувствую, что и для них мой случай нужный, но толком осознать не успеваю, схватки учащаются. Боль такая что не то что думать, я слышу и вижу с трудом. Вообще сознание кажется готово меня покинуть. Меня бьют по щекам. Командуют дышать и тужиться. Вроде я все выполняю, но врач мной недовольна. Кажется, проблемы с одной из наших девочек.

«Не хочет выходить? У меня сейчас сердце остановится. Детка, Верочка, выходи, малышка».

Меня бьёт истерика. Тужусь изо всех сил. Слышу пронзительный крик и плач. Но расслабляться рано.

«Наденька, Надюша. Помоги мамочке. Ей сейчас тяжело, но тебе я знаю тяжелее. Только вместе мы сможем все преодолеть».

Снова за работу. Кажется у меня в голове что-то лопнет от напряжения или сердце остановится.

Все прошло более менее, и малышей прикладывают к груди. В момент, когда их губки присасываются к соскам, боль уходит, и я погружаюсь в полудрём.

«Ну вот и началась жизнь с двумя малышами. Да, здравствует тысяча бессонных ночей, бесчисленное количество памперсов и счастье растить двух прекрасных принцесс от прекрасного человека. Да, здравствует новый этап жизни, когда мне необходимо каждую секунду держать глаз на дочурках, думать о каждом произнесённом слове им, дабы не навредить. Да, будет трудно, но я знала на что шла. Так что пути назад нет, есть только путь вперёд — дать этим крохам счастливое будущее. Для кого-то испытывать трудности материнства — это мечта, дар и предназначение.»

«Для кого-то это целое испытание, которое не хочешь желать даже врагу, но бывает и наоборот. Вот смотришь, например, на ту мамочку у стены в зелёном халатике с хламом на и в голове, она ещё и журнал читает пока её кроха машет ручками в воздухе в кроватке и вот думаешь так на первый взгляд, что слишком мрачные перспективы на то, какой она будет мамой. Или вот молодая девушка, которая мило и так заботливо возится с сыночком, а потом раз и через время окажется, что она слишком выгорела, хотя это обычное явление и стала ужасной мамой. Я считаю, что всё зависит от того, что ты сама хочешь в этой жизни, что хочешь нового и полезного вложить в маленькое чудо, кто тебя окружает и для чего тебе всё это. Я же сама, наверное, по середине. Мне пока что слишком страшно начинать всё это, очень страшно, особенно после того, что я пережила, воспитывая чужих детей. Но я хочу, чтобы наше чадо было здоровым и счастливым.»

В послеродовой палате так уютно, тепло и тихо. На стенах мягкого бежевого оттенка нарисованы мультяшные и книжные персонажи, кровати удобные. Две небольшие люстры, скорее напоминающие бра, освещают помещение. А на окнах висит мятного оттенка штора, защищая малышей от ярких, жгучих, мартовских, солнечных лучей.

Пока других рожениц осматривает врач, я же собираюсь домой, медсестра укутывает в конверт девочек, а затем приходит врач и выдаёт необходимые документы. После этого они мне помогают с выходом из отделения, где меня ждёт вся семья Димы и мои родители.

Торжественное поздравление в красивом зале, и мы едем домой к моим родителям на машине Миши.

Мы заходим в двухкомнатную нарядную квартиру, в зале которой накрыт вкусный стол. «В этот день все отлично, все кроме одного — его нет рядом. Последний раз мы с ним говорили на утро после родов. Он обещал позвонить сегодня ближе к вечеру, жаль только,

что дают всего пятнадцать минут на звонок. Хоть бы раз поблажку сделали.»

В шестом часу вечера, уложив девчонок спать, я собираюсь принять лёгкий контрастный душ. Зайдя в ванную, я включаю воду и в этот момент на телефон поступает звонок

— Привет, солнышко, — звучит родной голос любимого.

— Привет, малыш.

— Как ты сейчас себя чувствуешь, киска? Как же я соскучился.

— Я тоже по тебе безумно соскучилась

— Ну а как наши девчонки?

— Все отлично, спят. Сегодня я у своих, меня встретил Мишка. У девчонок были розовый и золотой конверт на выписку. Твои предки подарили нам пару комплектов постельного белья для деток, несколько упаковок памперсов, много разных игрушек, а мои кучу разной одежды. Потом тут дома отлично посидели, твоя мама приготовила обалденный пирог с фруктами. В общем, все круто, только тебя рядом нет.

— Я по тебе скучаю, золотце.

— Я тоже... Теперь не знаю, когда смогу приехать, родители ведь сейчас работают, чтоб нам помогать, времени совсем нет. Поэтому посмотрим, как дальше всё будет.

— Пожалуйста, только не переживай за меня. Ты главное пищи, отправляй фотки девчонок ну и свои конечно, самые разные, ну ты понимаешь, о чем я.

— Ты как спишь сейчас нормально?

— Более или менее, тут все же не курорт. Мне легче от мысли о том, что вы теперь в надёжных руках.

— Люблю тебя.

— Ты мне тут приснилась вчера. Ну...

Смущённо улыбаюсь и смеюсь в трубку.

— Люблю тебя, малышка.

— Димочка, как же долго нам ещё ждать встречи...

— Прости..., но мне надо идти. Но я обязательно позвоню, вам, принцесски.

— Береги себя для нас.

— А вы себя для меня.

Несколько дней назад

«Вот, черт! И на хрена я вчера полез помогать с тем ящиком. Он же тонну небось весит!»

Теперь я как дед старый ползаю по камере не в силах разогнуться, стону и мычу от боли. Да и с трудом передвигаюсь. Одно неверное движение и искры из глаз сыплются градом.

— Мож тебе к медичке сходить? Она хоть и молодая, но толковая девка, — хлопает меня легонько по плечу Толян и от этого движения меня передёргивает во всех направлениях.

«Сука, твою мать, блять, как же больно» — вылетает вслух из рта и вцепляюсь ногтями в матрас.

— Прости, братан — извиняется Толян

— Наверное, ты прав. Но...

— А! Это не проблема! Начальник! — барабанит он в дверь, и охранник открывает люк в ней.

— Чего тебе! — крайне недружелюбно отвечает Алексеев.

— Тут пацану плохо. Ему б в медпункт.

— Не помрёт. Пусть лежит и глядишь полегчает к утру.

— Э, начальник, погодь. Ну ты че не человек что ли?

— Да, ну вас, к чертям собачьим.

Ругается Алексеев, но дверь открывает.

— Жеребцов! На выход.

Выхожу и охранник ведёт меня до медпункта. Сегодня я для него образцовый арестант. Весь путь прошёл, не разгибаясь. Даже головы ни разу не поднял.

«Блин, надеюсь там сегодня не Дарья Павловна, а то она меня напрягает с подкатами ко мне. В упор на руке кольца не видит. Хотя её тоже наверно понять можно. Работа нервная, но и не каждый тут у нас конченный отморозок, есть и нормальные мужики, которым просто не повезло. Чё не могла до другого докапаться? Нет, надо было ко мне пристать.»

Мы подходим к двери с надписью медпункт, он стучит, мы слышим разрешение на вход, и он снимает с меня наручники. Я вхожу и оказываюсь наедине с миловидной шатенкой.... Дашей Павловной».

«Блин, чёрт, ц, да, чтоб тебя, ну ладно, хрен с ней»

На вид ей лет двадцать пять, ну максимум тридцать. Из-под халата виднеется скромная блузка нежно-голубого цвета и чёрная прямая юбка до колен.

— Вижу-вижу, можешь не говорить. Ложись-ка, на кушетку. Только сначала оголи торс, пожалуйста.

Закатываю глаза и молча ей повинуюсь

Кряхтя, как тысяча стариков разом, укладываюсь-таки на холодную поверхность кушетки. Слышу, как она подходит ко мне, трёт руки, чтобы разогреть кожу, и касается спины. Ровно там, где и болит. Я аж съёживаюсь, но не от боли. Странное такое чувство будто внутрь тебя залезли и копошатся там, как жук-навозник. В какой-то момент начинают буквально извиваться под её пальцами.

— Все ясно, — она убирает руки, и снова слышу её легковесные шаги. Боль с новой силой пронзает меня от пяток до макушки, — Лежи, герой.

Краем глаза вижу в ее руке шприц. Дело дрянь, думаю я и зажмуриваюсь. Но у неё лёгкая рука. Я ничего не чувствую. Через секунду приятный холодок от спиртовой салфетки и все.

— Полежи и одевайся, — говорит она с большим теплом.

Проходит пара минут и приятное тепло съедает боль без остатка. Я спокойно поднимаюсь с кушетки и натягиваю футболку.

— погоди, я выпишу тебе справку. Полежи пару дней. Тебе сейчас нужен покой, — берет она бланк и ручку.

Я же снова сажусь на кушетку, жду, стараюсь меньше смотреть на неё и больше думать о девочках-красавицах.

— Давно сидишь? — вроде и тон её голоса обыкновенный, но в глазах какой-то намёк, да ещё так смотрит на меня, стреляя глазками, а локон её волос свисает со лба.

— Месяцев восемь — безразлично отвечаю я, рассматривая анатомические плакаты на стенах

— Бедняга, — подходит она и протягивает бланк. Её колено в этот момент будто невзначай касается моего.

— Спасибо, — поднимаюсь и так выходит, что оказываюсь к ней вплотную.

Её пальчики с алыми ногтями цепляются за тренчик для ремня, которые нам иметь не положено, и слегка оттягивает за него штаны. Так что бельё становится видно

«Блин, чёрт, какого хрена она творит? Какого хрена я ей позволяю? Блин, эта физиологическая реакция на её действия со штанами. Так, стоп! ну на хрен это всё. Она симпатичная и все дела. Возможно, если бы у меня не было Милы с детьми, то я бы ей и отдался. А че бы не заработать на зоне халявный потрахон?! Я безумно люблю свою жену и детей. Я никогда не совершу глупую ошибку... вот с ней. Ну на хрен, пусть к чертям катиться эта Дарья. Надо прям сейчас расставить все точки над «и» и закрыть эту долбаную эротическую лавочку, чтоб она больше не лезла ко мне и нашла себе другого мужика»

Набираюсь смелости, храбрости, мужественности, убираю её руки с меня, заглядываю в глубь её глаз и заявляю:

— Так, стоп, Дарья Павловна! вам пора прекратить это всё со мной, я серьёзно! Я безумно люблю свою жену и завтра у меня родятся дочки-близняшки. Так что заканчивайте свои игры и найдите себе кого-нибудь по лучше. Сразу и честно вам говорю — со мной вам ничего не светит, уж простите, мне жена дороже

Она ошарашено смотрит на меня так, будто заледенела на морозе, молчит, вижу как её глаза увлажняются, затем она улыбается и как ни в чем не бывало возвращается за рабочий стол

— Всего доброго, Жеребцов, не болейте — холодно говорит она, не глядя на меня, а я выхожу из кабинета, придерживая руку на поясице

«Эх, ну и глупые же все-таки девушки. Да, понимаю, не приятно, когда тебя отшивает возлюбленный, но такова уж судьба, не суждено нам быть вместе, как ни крути. Она же знала, что я не свободен, и на что она только надеялась? не понятно. Но за её старания охмурить меня, так уж и быть поставлю ей плюстик. Надеюсь ей тут с кем-то и фортанет, главное, что не со мной»

День следующего дня совершенно обычный за исключением того, что сегодня на свет появятся мои девочки. Странное чувство щекочет меня в животе ещё до того, как я открыл глаза. Их собственно открывать и не хотелось. Ничего не хочется делать, кроме как связаться с ними, но делаю всё через силу. От бешённого волнения у меня разыгрался неистовый аппетит в столовой, руки чешутся, при чём в буквальном смысле, и озноб внутри меня засел на весь день. Лежу на нарах накрывшись с головой и думаю о них.

Даже сердце ёкает от мыслей. Ждать нет сил.

«Скоро начнёт темнеть, а я ещё не знаю, что там да как. Всё закончилось или ещё вся ночь впереди? Надо взять, позвонить и успокоиться.»

Откидываю одеяло, вскакиваю на ноги и кидаюсь к двери. Мужики так удивляются, что и слова вымолвить не могут. Только сидят вокруг стола и хлопают ресницами.

А я что есть силы луплю руками и ногами в дверь. Охранник откидывает люк и бубнит:

— Слышь, ты ничего попутал, зверь? Ты чего разошёлся?

— Мне нужно позвонить!

— А больше тебе ничего не нужно?

Сегодня с утра до обеда была смена Виктора, тот ещё упырь, ничего у него не добьёшься. Хуже в сто раз Алексеева.

— У меня жена сегодня рождает.

— И чё? моя жена тоже рожала. Это обычное дело для баб.

— Слышь, ты кого бабой назвал? — сжимаю руки в тугие кулаки.

Толян тут же подскакивает ко мне и хватает за руки, пытаюсь приструнить.

— За углом поссыш — грубо отвечает охрана и смеётся

— Смотри не подавись собственным дерь... — дерзю я в ответ

— Братан, спокойно, я все улажу.

Он договаривается с охранником и выторговывает на пару зарплат получасовой звонок.

— Спасибо, братан, я твой должник — жму ему руку.

— Забей. С людьми надо по-человечески, какие бы они не были.

— У меня нервы на пределе. Дурак я, конечно, бросил её там одну.

— Мужик, смирись. Есть вещи, которые мы не можем изменить. Надо жить с тем что есть. Иди и всели в неё невероятную уверенность. Пусть знает, что, не смотря на то что ты далеко, но ты рядом. Понимаешь о чем я?

— Да, я понял, — выхожу из камеры и направляюсь к посту.

Руки ходят ходуном, когда набираю её номер. Один, два и даже три гудка, но трубку Мила так и не снимает. Жду, пока гудки не становятся частыми.

«Черт, черт, черт! Что там такое?»

Набираю номер мамы. Она берет сразу.

— Сыночка, это Ты?

— Да, мам, это я. Как там Мила?

— Сына, не волнуйся, она спит в палате и в надёжных руках. Минут двадцать назад, как всё кончилось. Всё прошло хорошо. Она себя нормально чувствует, угрозы для жизни нет. Девочки красавицы тоже в хорошем состоянии под присмотром врачей.

— Фух, боже, ну слава богу. Чёрт, как же я счастлив... блин, вот бы сейчас быть рядом с ними... Мам, я сегодня почти не спал. Все думаю, как она и что. Их же там трое.

— Дима, поверь, у них всё хорошо, с ними опытные врачи. Она не первая, кто рождает двойню.

— Да, но я тут, а она...

— Сыночек, она большая девочка и сильная, и она знает, что ты любишь её.

«Так странно слышать это из маминых уст. Но это и вселяет в меня надежду».

— Мам, большое спасибо тебе за всё, я люблю вас

— А мы тебя, сынок, береги себя

Мама кладёт трубку, и сердце вроде бы успокаивается, но стучит в животе. Голова идёт кругом.

«Чёрт, наконец-то кончились роды и благополучно. Фуххх, черт, меня от счастья трясёт и не могу сдержать улыбку на лице. Надо срочно перекурить, ещё конечно было супер, если бы была возможность отметить это событие бутылкой вискаря, но тут я обойдусь.»

«Моя девочка сделала это, она большая молодец. Блин, я теперь полноценный папаша. Все отлично, вот только бы не эта решётка и расстояние. Быть бы сейчас с ними, видеть бесконечное счастье в ее глазах, смотреть на наше крошечное потомство, обнимать и целовать их, проводить с ними время, научиться всему необходимому по уходу за малышами и помогать жене, а не это все поганое дерьмо.»

«Эх, блин, ну ничего, прорвёмся. Я знаю, что она в надёжных руках, и у них все будет хорошо. Она никогда не пожалеет, что выбрала меня. Я выйду из чёртовой зоны и приложу все усилия для крошек, все для них сделаю.»

Настроение в День рождение хуже куда, но мужики-сокамерники молодцы, помогают его поднять. Прикалываются надо мной с самого утра. Ржут, как кони, когда Толян тянет меня за уши, мол расти большой. Я и сам тогда смеюсь от души. Аж на несколько минут чувствую себя снова ребёнком, ребёнком которому стукнуло 27 лет. На столе ставится пирожное со свечкой. Кто-то её поджёт.

— Блин, мужики, да вы...

— Да, ну, брось, — они хлопают меня по плечу и просят задуть свечу, загадав желание.

Я повинуюсь и с мыслями о Миле и девочках задеваю свечку.

В это самое мгновение дверь в камеру открывается и появляется охранник. Сегодня совсем новый парнишка, мне ровесник. На бейджике на его груди читаю Тимофеев А.В.

— Значит, Тимофеев, — не замечаю, как произношу это вслух.

— Да, Андрей Викторович.

«Строит из себя начальника. Только бы против него это не обернулось».

Киваю ему и иду в комнату свиданий. Там сидят брат и батя. Подхожу, и брат вскакивает, чтобы приобнять и пожать руку. Отвечаю ему тем же.

— Ну, Димон, ты молоток. Не думал, что ты вот и батей станешь. Всегда таким раздолбаем был.

— Да, ладно, тебе, Миха. Тут же батя всё-таки.

Тот смотрит на нас и улыбается.

— Мальчишки, видела б вас мама. Поздравляю, сынок, — отец тоже пожимает руку и, притянув меня к себе, крепко обнимает.

— Бать, тише. Все кости переломаешь.

Мы смеёмся, сев за стол. Новый охранник волком смотрит. Бросаю взгляд на часы в центре зала, на стене. Минут двадцать у нас есть.

За это время гости успевают рассказать все о родах в деталях. Отец взахлёб говорит о дочках. Какие они хорошенькие, какие у них глазки, носики-курносики и маленькие

пальчики на ручках и ножках. Называет рост и вес, но эти цифры мало о чем говорят. Главное, что они и их мама живы и здоровы.

Так же они рассказывают, что мама нашла нам хорошего педиатра с учёной степенью. Вручают стопку разных классных фоток с роддома и домашних хлопот модой мамы

— Помню, как мы тебя привезли с роддома домой, сначала ты спал мирно, уткнувшись в мини подушку щёчками, пока мы отмечаем, потом пришла время первый раз зять тебя на руки. Я страшно боялся этого, но хотел, мамка рядом стояла, поддерживала твою головку. А бабушка все причитала и причитала какой ты красивый, чтоб сделали из тебя хорошего человека, ну а потом ты бац и навалил кучу в свёрток, видимо не выдержав бабских причитаний

— Хахахах божее, пап

Ровно год спустя.

— Надюша, Верочка, карамельки, идите к мамочке. Будем платья красивые надевать и поедем к папе в гости. День рождения отмечать ваш будем. Ну, же, мартышечки, — они сидят играют с конструктором и, словно меня совсем меня не слышат. Закручиваю волосы в пучок и беру с кровати платьице с золотой вышивкой на белой ткани.

— Верочка, солнышко золотое. Иди-ка, сюда, — усаживаю её на колени и натягиваю сначала лосинки на мою шустренькую девчушку.

«Вера всегда любознательнее, чем Надя. Она и внешне на папу похожа больше, хотя волосики её стали светлее, чем при рождении»

— Не вертись же ты, егоза ты моя, — когда кажется, что вроде бы приноровился к ее выкрутасам, а она снова тебя обставляет.

— Ах ты ж, какая красotka! — входит Миша.

Вера мигом слетает с колен и кидается к нему на шею. Он кружит её, пока оба не начинают звонко смеяться.

Я улучаю момент и беру Надю и сажаю её на колени теперь. Та же схема, но тут проще. Надюшка как я, скажешь сидеть и будет сидеть, как вкопанная.

— Ну, что, красавицы, пойдём сандалики надевать, — Мишка берет их на руки и несёт в прихожую.

Смотрю на него и то, как девочки слушаются его, любят дядю Мишу. «Интересно, а с папой они также будут?»

Беру платье, надеваю и сажусь на пуфик перед зеркалом, чтобы сделать макияж. Никаких излишеств, немного туши, телесных теней с блёстками и бесцветный блеск для губ.

— Мамочка, а мы готовы, — возвращается Миша.

— Ничего себе. Вы и косички успели заплести. Ну надо же! Только сандалики-то все-таки перепутали.

— Ой, ну это они меня сбили с понтолыку, — смеётся Миша и мигом меняет все по своим местам.

— Вот теперь мы готовы! — улыбаюсь я, глядя на эту троицу, беру пакет с подарком. И мы, вчетвером, выходим.

Спускаемся вместе с родителями Димы вниз, к подъезду и садимся в две машины. Уже по пути звоню родителям, они говорят, что ждут нас. Тогда Миша заезжает за ними и все вместе мы едем в колонию.

Девочки засыпают, как мы выехали на шоссе. Да я и сама вот-вот отключусь. Ключу носом в мамино плечо. Она и папа делятся последними новостями с Мишей. Их голоса, как щебетание птиц для моего слуха. Улыбаюсь и удобнее устраиваюсь на плече мамы. Тишина, в смысле девочки не голосом, как оглашённые и не лезут черти куда. Так хорошо.

Речь оживляется. Мишка весь день такой тихий был, сам не свой, а тут разошёлся. Даже у меня сон, как рукой сняло.

— У меня тут, — говорит он, — новости для вас. Особенно для тебя, Мила. В общем дело такое, мне работу классную в Москве предложили. Да, жильё служебное, двушку дают.

— Да, ты что! — выпрямляюсь я, — Оксана-то теперь небось как рада.

— А, то! чемоданы пакует. Будем вас числа второго — третьего на проводы ждём.

— Вот, же ж ты молоток, Мишка, — улыбаётся отец, сидя на переднем пассажирском сиденье, — очень рады за тебя. Это ж кем ты теперь будешь?

— Маркетолог. В «Сильвер-стоун», в самом центре Москвы офис.

— Молодец, Миша. Достоинно, достойно, — хвалит его мама, сидевшая рядом со мной.

— Спасибо, вам всем. Реально. Сам рад, что так все вышло. Тут ещё такой момент. Наша ж квартира пустая останется. Так вот, Мил, вы можете с девочками и Димой туда переехать жить. Это будет вам подарочек тройной.

В машине повисла неловкая пауза. На Мишку разом уставились три пары глаз.

— Господи боже! — как ребёнок радуюсь я, — Ты это серьёзно, Миш. Я...

— Конечно, пусть лучше в родных руках остаётся. Да и Вере с Надей будет где разгуляться.

— Погоди, ты сказал тройной?

— Ну, да девочкам на др, к годовщине свадьбы и к освобождению Димки.

— Что? Его...

— Да, за примерное поведение на два года раньше. Только тихо, я вам ничего не говорил.

— Конечно, мы могилы, — в один голос заявляем мы.

Приехав в этот раз к Диме, мы узнаем, что та комната для свиданий, в которой мы обычно сидим пока на ремонте, и поэтому нас отводят в просторный светлый кабинет.

Стол тут хоть меньше того, но все же мы расставляем на нём лимонад, салат в контейнере и стопку ложек рядом. Пока мы ждём нашего бойца, Надюша молча осматривает комнату, прижавшись ко мне, а Верочка на руках мамы все лезет к ложкам и салату, несмотря на запреты взрослых, настырная мартышка наша.

Как только мы слышим, что к кабинету подходит Дима, я мигом встаю из-за стола с ребёнком на руках, мама тоже, и готовимся к его заходу, а Миша с моим и своим папой обсуждают что-то про автомобили.

В комнату заходит Дима в сопровождении нового конвойного. Димины глаза сияют радостью и счастьем. Невероятно широкая улыбка растягивает его губы.

«Господи, как же я по ним скучала».

Не терпится прижаться к ним в страстном поцелуе, но стою как вкопанная и улыбнуться ему не могу в ответ.

«Ох, помню, как он впервые увидел девочек. Держал на руках, к груди прижимал и сиял, как медный таз. Малышкам тогда что-то около четырёх месяцев было, а я тараторила и тараторила тогда. Все наговориться не могла. Аж, язык устал. Вспоминаю и улыбка лезет на лицо.»

Конвойный выходит из комнаты. Мы все на секунду замираем, будто кто поставил нас на паузу, но тут Верочка срывается с места и кидается папе на шею. Димка смеётся вместе с ней и зарывает нос в её волосики.

— Люблю тебя, детка, — его губы касаются моего виска.

— И я тебя, — шепчу ему в ответ, — С днём рождения, любимый, — целую его в губы.

— Спасибо, малышка. И вас с днём рождения, солнышки. Это кто ж вам такие платяшки красивые подарил? — его губы попеременно касаются их головок, а руки крепко прижимают их к его груди.

— Рады, что тебе нравятся, — говорит его мама.

— Да, мам. Им очень идут. Спасибо.

— Димас, короче, тут такое дело, — вклинивается Миша.

— У нас будет своё гнёздышко, — не удерживаюсь я и шепчу Диме на ухо.

— Милка, блин. Весь сюрприз испортила, — смеётся Миша.

— Так, я ничего не понял.

— Меня в Москву переводят. Так что хата теперь твоя, брат.

Дима спускает дочек с колен и обнимает Мишку, хлопая его по спине.

— Спасибо, Миха, реально. Я и подумать не мог. Да и...

— Да, ладно тебе, мы ж братья

Несколько месяцев спустя

Во время прогулки с девочками по «парку победы» мы проходим мимо разных памятников, сцены, кафешек и информационных стендов. Остановившись возле очередного стенда, я напротив него фотографирую девчонок с танком. После этого я даю им по пачке сока. Пока они пьют, я обращаю внимание на стенд, на котором помимо разных афиш и объявлений висят листовки с вакансиями.

Я внимательно рассматриваю вакансии и среди них меня заинтересовывает вакансии в новый центр соц. помощи. Им требуются администраторы и соц. Работники. Пишут, что имеется карьерный рост и берут без опыта. Усаживаю девочек на лавку и звоню по им. По телефону сообщают, что я могу приехать на собеседовании после завтра в социальный центр помощи «Золотая гармония».

В нужный день я приезжаю в «гармонию». Работники тут молодые и симпатичные, будто в модельном агентстве. За стойкой администратора сидит молодой парень. Он что-то набирает в компьютере, а я подхожу к нему и с улыбкой говорю:

— Добрый день, я к Алевтине Фёдоровне на собеседование

Он поднимается со стула и уверенно отвечает, не отрывая взгляда от меня:

— Назовите, пожалуйста, ваше имя, фамилию и отчество

— Жеребцова Милана Константиновна

— Присаживайтесь, ожидайте

— Хорошо, спасибо — отвечаю я и сажусь на диван.

Ко мне подходит женщина лет сорока пяти со светлыми волосами и добрым лицом, приветствует меня и сообщает, что она руководитель центра. Затем мы с ней проходим в кабинет для беседы

— Прекрасно выглядите, Милана, вы прям светитесь счастьем

— Спасибо. Меня дети с мужем делают счастливой.

— Отлично, я рада за вас. Присаживайтесь — приглашает она на стул рядом со стеклянным письменным столом — Расскажите о себе, затем я расскажу вам о нашем центре

— Мне не так давно исполнилось 27 лет. Замужем, есть две дочки-близняшки им скоро будет по полтора года. Сам муж к сожалению, отбывает наказание в тюрьме. Поэтому мне с дочками помогают наши родители. У меня самой есть судимость по факту недосмотра за ребёнком в Детском саду где я работала воспитателем по профессии. После освобождения я работала фрилансером. По недолгу в разных магазинах и последнее место работы продавцом, а газетном киоске медгородка

— Впечатляет, интересная у вас биография. Хорошо, спасибо. И так, ладно, теперь я расскажу вам о вас. Наш центр занимается реализацией разных видов социально помощи населения нашего города и соседних городов. Это проведение разных мероприятий,

предоставление психологической помощи, бесплатное проживание, питание, выдача средств первой необходимости и вещей. Так же у нас проходят конкурсы, за которые участники получают материальное вознаграждение и другое. Я думаю сама специфика работы администратором вам известна?

— Да, конечно

— Когда вы сможете выйти на работу?

— В понедельник

— Это будет прекрасно. Значит до понедельника собирайте необходимые документы — говорит она и протягивает листок с перечнем документов — потом вы приходите, и мы вам в подробностях рассказываем, что вы будете делать. А и ещё, чуть не забыла, у нас ещё имеется карьерный рост. Так что вам есть к чему стремиться

— Хорошо, я поняла, больше вам спасибо

— Всего доброго, до свидания, Милана

Я выхожу радостная из центра и направляюсь за сладостями в магазин.

Первые два месяца работы проходит напряжённо, потому что постоянно поступает много новой информации, но несмотря на это работать в центре интересно.

Здесь у меня появились три подруги, с которыми я постоянно общаюсь. Когда у нас совпадают выходные, то мы гуляем вместе с детками, они тоже молодые мамочки, но помимо материнских тем разговора мы часто обсуждаем разные виды творчества, как хобби на дому, помогаем друг другу по дому, наши дети дружат между собой.

Ещё год спустя

Ещё месяц назад пришёл адвокат и сообщил, что добился рассмотрения апелляции на досрочное освобождение. И вот неделю назад он же обрадовал меня положительным решением суда.

— Пятнадцатое августа, — как параноик с тех пор, талдычу я.

Мужики, сокамерники, у виска начинают крутить, как слышат в очередной раз эти звуки. Ничего не могу с собой поделывать. Мне и страшно, и одновременно радостно так, что я плясать готов. Хожу сам не свой, от улыбки лицо болит. Дни? Наносекунды считаю до этого дня. И вот завтра пятнадцатое число.

«Надо ли говорить, что не сплю всю ночь?»

Глаза категорично отказываются закрываться. Что только не делаю, чтобы это исправить. С боку на бок. Со спины на живот и обратно. Только голова кругом идёт.

Сажусь на нарах, подтянув к груди колени. Голову зажимаю между коленей. Мысли метеорами летят в ней, аж искры из глаз летят. Закрываю их и погружаюсь в раздумья. Девочек я обожаю, всех троих, разумеется.

«Два года, Господи, целых два. Для Веры и Надежды — это же целая жизнь, а я их за это время раза три или четыре видел. Совсем их не знаю. Понимаю, что Мила писала и говорила о них много, но это ж совсем не то, что столкнуться с ними в живую. Даже расставание с Милой на два года целая вечность. Мы же толком и не пожили вместе. Черт! Голова ото всего этого сейчас лопнет.»

Как же хорошо, что летом так рано светает. Солнце пропускает первые лучи сквозь решётку на окне камеры. Встаю, завариваю по-тихому чай. Он помогает прочистить мозги. Скоро погонят на работы.

— Господи, опять тебе не спиться, а? — бурчит один из сокамерников и натягивает одеяло выше головы.

— Ты чего? Он же откидывается сегодня, — спрыгивает с верхних нар Толян, — Что? Мандраж одолел? — подсаживается ко мне.

— Типа того, — отхлёбываю огненный чай.

— Не ссы, парниша. Главное водку не хлебай. От неё, суки, потом не оторвёшься.

— Да, какую водку, только понюхать и рухну сейчас.

— Все норм будет, поверь, — хлопает по плечу и встаёт.

Через пару минут приходит охранник, забирает всех кроме меня на работы. А мне говорит идти в прачечную. Удивляюсь, но с другим конвойным иду в указанном направлении. Там дама в теле швыряет свадебные штаны и белую рубаху.

— Теть Люсь, спасибо вам!

— Доска там, да и утюг там же.

— Век не забуду.

— Ой, все вы такие. Главное, чтоб не вернулся, — смеётся она.

А я иду гладить барахло. Глажу и опять думаю о Милане. Ровно два года, как мы поженились. Это ж с ума сойти можно.

— Рубаху не прожги, мыслитель.

Тётя Люся вырывает меня из потока сознания.

— На, вешалку возьми.

— Спасибо.

— Ай, иди.

Возвращаюсь в камеру, кладу вещи на нары и вместе со всеми иду завтракать. Ем только потому что надо. Даже не помню толком, что тогда ел.

Часам к двенадцати наконец могу одевать штаны и рубаху. Приходит конвоир и ведёт меня на выход. Открывает те двери, в сторону которых я и смотреть бы не посмел ещё два дня назад, а теперь они распахиваются, как по мановению волшебной палочки и вот парень моего возраста, но в форме полицейского отдаёт все, что конфисковал при поступлении в это заведение, куда я уж точно не вернусь.

«Наверняка, все кто выходит отсюда говорят тоже самое. И пусть, а я и правда не вернусь.»

Последняя дверь, калитка в воротах. Сердце рвётся из груди, в ушах звон. С ладоней чуть ли не капает пот.

— Мужик, давай, даст бог не сводится больше, — протягивает руку конвоир.

Пожимаю её и губы дёргаются, растягиваясь вроде как в улыбке.

— Все будет хорошо, — бьёт легонько в плечо и открывает калитку, — Смелее, парень. Шаг и свобода.

Поворачиваю на него голову, а он смеётся надо мной. Прикладываю ладонь ко лбу домиком. Там за рамой ворот яркое солнце добела высветило пыльную дорогу. Кажется, там две машины вдали, сияют бликами пыльных бортов.

Заношу ногу и наконец переступаю через раму ворот и успеваю только поставить вторую ногу к первой, как калитка со скрипом и грохотом захлопывается за спиной. От этого металлического лязга у меня аж мороз по спине прошёл.

Не успел я дух перевести и уши прочистить, как на шее повисает моя первая и самая главная девочка. Покрывает меня поцелуями.

«Интересно, сколько надо поцелуев, чтоб сердце от восторга отказало?»

Да, неважно, потому и сам в ответ прижимаю её к груди и целую в ответ. Спасибо, маме, что дала нам пару минут надышаться друг другом. Потом и она обнимает меня, гладит по голове. В это же время доченьки золотые охватывают ноги. Присаживаюсь и обнимаю их. Как же они выросли за это время. Видел их всего месяца три назад, а будто три года прошло.

С ними на руках иду к Мишиной машине. Усаживаю их в кресла. Мила садится между, а я на переднее сиденье. Сваты едут в папиной машине.

Так много хочется сказать и брату, и жене, что даже девочки затихают. Так в полной тишине мы и добираемся до дома Миши. То есть бывшего дома. Неловко как-то от этой мысли.

— Держи, брат, — протягивает он связку ключей.

— А Оксана, она...

— Осталась в Москве. Только ш-ш, она в положении.

— Да ты...

— Ага, — подмигивает брат и мы проходим в подъезд.

В квартире накрыт стол. Ароматы и мёртвого из могилы поднимут.

— Мам...

— Это Мила, все сама, все сама. Никого не подпустила.

— Детка, — целую её в губы, — Можно я только душ приму.

— Конечно!

— Ну-ка, девочки, давайте дадим папе прийти в себя — щебечет Мила

Они буквально и шага не дают ступить. Прилипли ко мне, боятся наверное что опять уйду надолго.

— Солнышки, я всегда теперь буду с вами, — обнимаю их, присев на корточки.

Они улыбаются, обнимают за шею и, поцеловав меня в обе щеки, убегают с мамой раздеваться.

Я прохожу в душ и радуюсь, что в нем один и никто не стоит над душой. Видимо, так увлёкся этим делом, что даже в дверь стали стучать.

Вытираюсь и вижу, что кто-то принёс мне смену белья, футболку и шорты домашние. Надеваю и выхожу. Все сидят за столом.

Папа наливает всем вина. Говорит тост за свободу.

— За свободу, а не беспредел. Дима, ты снова с нами и пусть все, что произошло всем нам будет уроком. Именно всем. Теперь нам нельзя сплеховать. За нас всех, за одну большую семью.

Проводив гостей после банкета наступает наше истинное семейное время. Пока Миланка наводит порядок на кухне, то я в это время окрылённый счастьем весело играю с дочками. Только нас и слышно. Радостные крики и заливной смех вперемешку с радостью.

«Да, с детьми безусловно бывает трудно, а как же без этого?! это закаляет и воспитывает тебя всесторонне. Твоё отношение, силы, желание и терпение на воспитание детей имеет глобальное значение для всех вас. Если ты изначально к этому не готов, у тебя не лежит к этому душа и нет желания этим заниматься, то результат будет нулевым и отрицательным. Но бывает совсем иначе, намного проще, если самому вспомнить своё детство, и оно у тебя было хорошим, как мне повезло с этим. Нужно погрузиться в детство и вновь стать ребёнком, при этом совсем не важно сколько тебе лет. Быть взрослым ребёнком для маленького ребёнка — это золотой ключ к вашему взаимопониманию и любви»

Мысленно погрузившись в детство, во благо собственным детям, я помогаю Верочке надеть наряды на куклу и расчесать волосы, а Надюше построить башенки и домики из кубиков. Мы так увлечены весёлой игрой, что не замечаем, как перед нами появляется наша хозяйка.

Она садится на кровать Верочки, любит нас, фотографирует и снимает нас на видео. Затем она подходит ко мне, целует меня в шею и обнимает, целует девочек и уходит в нашу комнату.

Позже она возвращается к нам, и мы играем вчетвером.

Мы так увлекаемся игрой и радостью от общения друг с другом, что напрочь теряем счёт времени и не замечаем, как на улице стемнело. Смотрю на наручные часы, и они показывают девять вечера.

— Так, зайки. Нам пора заканчивать играть, пришло время готовиться ко сну. Кто пойдёт первый мыться? — мягко и серьёзно даёт команду Милана

Девчонки полны энергии и не собираются успокаиваться, поэтому почти не обращают на внимания на слова мамы

— Зайки, малышки, пора готовиться ко сну, у нас с вами целая вечность, чтоб наиграться — повторяет она

— Ну, мама — произносит Вера — ещё тут-тут, не хотю спать, хотю иглать с папой, мама, папа — продолжает она, а Надюшка подходит ко мне

— Так, Верунчик, мама сказала надо готовиться ко сну, значит маму надо слушаться.

Кто из вас первый будет мыться? — вступаю я в разговор

— Я, я, я, я — звонко щебечет Надя

— Хорошо, детка, пойдём — встаёт Мила с пола

— Отлично, а у нас есть полчаса, чтобы наиграться, малышка — говорю я Вере

— Ула, ула, ула, папа — радуется она и прыгает ко мне на колени, мы смеёмся и улыбаемся

— Играйте пока, только перейдите на что-то спокойное, чтоб она быстрее заснула — говорит Мила и берёт чистое белье дочки

— Так точно, моя госпожа. Мой дочек быстрее, потому что папочка хочет и поиграть с мамочкой — шутливо говорю я и улыбаюсь

Она улыбается в ответ, возвращается ко мне, садится на колени и соблазнительно шепчет на ухо:

— Да, будет так, мой господин

Мы улыбаемся и целуемся. Она берёт на руки Надюшу и уходит с ней в ванную

«Так, ну, а теперь наверно самое сложное на первых порах — это подготовка детей ко сну. Ведь здесь не включишь в процесс озорство и не поиграешь во взрослого ребёнка. Сейчас надо утихомирить свой пыл и быть по серьёзнее.»

Прокручиваю в памяти моменты детства, когда мать с отцом укладывали меня спать, что они делали, что бы я быстрее заснул, какие фишки для этого применяли? Сказки, поглаживания по спине, груди и голове, рассказывание выдуманных историй и колыбельные.

«Пойдём по порядку. Как раз для выясню себя, что более эффективно, может, на ходу придумаю что-нибудь по интересней, проверю какой я папа и может, удивлю жену, что у меня с первого раза получилось уложить дочку спать. Ну, мало ли, вдруг повезёт, это было бы замечательно.»

Оглядываю комнату в поисках книжек и нахожу их в настенной полке у окна. На полке лежат шесть разных книжек со сказками и из них я выбираю сказку «Пряничный домик». Помню, как в детстве я любил эту сказку и «кота в сапогах». Сажусь на кровать дочки, обнимаю её, целую в макушку и начинаю ей читать.

«Удивительно, но с первых абзацев текст сказки воспринимается таким родным, до боли знакомым, будто я её читал совсем не давно или я сам сейчас ребёнок. Хотя по факту прошла целая вечность, как я вырос из прослушивания сказок. Чёрт, это такая приятная ностальгия, аж плакать хочется от счастья. Моя милая и миниатюрная бунтарка Вера на удивление мирно лежит в кровати, внимательно слушает меня, рассматривает картинки, лишь иногда и на секунды отвлекаясь, чтоб потерев пальцы и обручальное кольцо. Попутно я слежу за тем, чтобы дочка раньше времени не уснула.»

Позже в комнату возвращается Мила с Надюшей, я целую Веру в макушку и подхожу к другим красавицам

— С лёгким паром, малышка любимая — говорю я Наде и беру ее на руки

— Верочка, солнышко, пойдём к маме — говорит она и берёт ее халат со стула.

Дочка слезает с кровати и обхватывает ручками стройную и гладкую ногу Милы, которая достаёт ей чистое белье

— Я пока уложу Надюшу спать — сообщаю я

— Спасибо, любимый — отвечает она поцелуем и возвращается в ванную

Я включаю детский ночник, выключаю в комнате свет и кладу дочку в кровать,

накрывая ее одеялом. Сажусь рядом с ней на маленький стульчик и несколько минут вспоминаю все детские колыбельные песни, попутно играясь с волосами дочки. На ум приходит только «баюшки-баю» и «лесу родилась ёлочка». Но так как вторая песня не в тему, поэтому я пытаюсь исполнить мягким тихим голосом первую песню.

«Ну, ничего, у меня впереди долгие годы, чтоб вспомнить детские песни»

«Как оказалось, Надю особо и не нужно убаюкивать, она сама быстро засыпает.»

Пока одна дочка спит, а вторая купается в ванной я рассматриваю фотки красавиц, расставленные по комнате и изучаю где что лежит. Потом в комнату заходит жена с дочкой

— Быстро она уснула? — тихо спрашивает Мила, подходя к кроватке Веры, и укладывая ее в неё

— Минут за десять

— Она почти всегда за такое время засыпает. Ну, что, справишься с Верочкой? она же у нас бунтарка, ее дольше надо укладывать

— Да, с радостью, давай, уложу

— Хорошо, а я тогда пока сама ванну приму — говорит она, целует меня и уходит в душ

Как только дверь за Милой закрывается, я, как и прежде сажусь в кровать, обнимаю дочку и спрашиваю её:

— Ну, что, зайка, продолжим читать сказки, или послушаем истории от папы?

— Дя — забавно произносит малышка

— Истории или сказка?

— Истолии

— Хорошо — отвечаю я и накрываю дочку одеяльцем

«Так с чего бы начать свои увлекательные и поучительные истории? Хм...»

— Жил — был один хороший мальчик Дима....у него было много друзей, хорошие мама, папа и братик. Но, однажды, Дима попал в большую беду, и ему нужно было срочно спастись от заточения в серый замок. Ему было страшно и стыдно просить помощи у хороших друзей и родителей. Поэтому он вспомнил, что у него есть хорошая и безумно красивая подруга Мила. Дима знал, что Милана обязательно ему поможет, поэтому он побежал к ней. Так и получилось, девочка Милана помогла Диме. Но намного лучше и больше, чем он хотел. Рядом с Миланой Дима перестал бояться, хотя ему по-прежнему было стыдно за то, что он попал в беду. Мальчик стал думать о том, как отблагодарить девочку Милу и придумал. Он подарил девочке работу, и тогда они сильно полюбили друг друга. Но несмотря на это, хорошего мальчика все-таки отвезли в серый замок. Там ему было плохо, он скучал по девочке Милане, маме, папе и братику, он хотел быть с ними. Потом мальчика выпустили, и у него с Миланой появились двое маленьких детишек. Когда детки подросли, то мальчик Дима научил их ничего не бояться, нести ответственность за поступки, заботиться о близких и самое главное — это знать, что всё, что не делается, все к лучшему

— а как мальчик выжил в замке?

— его все любили и в него верили близкие, а сам он всегда надеялся, что его пожалеют и выпустят из замка

— Я люблю тебя, папа

— Я тоже тебя люблю, красавица. Папа всегда будет с вами, я вас всех люблю. А теперь давай, закрывай глазки и баиньки. У нас впереди долгая и счастливая жизнь. Завтра я обязательно с вами поиграю, и мы все вместе сходим гулять — тихо произношу я, целую дочку в лоб и встаю с кровати

— Споны ноти, папа — мурлычет дочка и тянется ручками к шее

После этого она закрывает глазки, а я замечаю в дверном проёме Милану. Она подходит ко мне, целует, обнимает меня и шепчет:

— Это было прекрасно, мне понравилось. У тебя отлично получается

— Люблю тебя, детка. Я буду лучшим отцом для наших детей и единственным мужем для тебя

Мы целуемся с ней, обнимаемся, смотрим на детей. Она целует дочек в щёчки, а затем мы вместе выходим из комнаты, держась за руки

День выдался ярким и энергичным, осталось-то закончить его наедине с любимой, отдаться страсти и утонуть в море сладостного удовольствия друг от друга. Наконец-то теперь мы с полна восполним все пробелы в любовных утехах. Мы теперь будем круглосуточно вместе. В добавок к этому, после завтра родители Милы заберут девочек на выходные, так что нас ждёт сладкий уикенд.

Мы входим в комнату, ложимся оба на бок лицом друг к другу. Я глажу её бедра, снимаю с неё шёлковые ночные шорты с бельём и проникаю в неё пальцами. Она издаёт тихий стон и тяжело дышит. Целует меня и запускает рук ему в волосы. Затем она снимает с меня боксеры. Позволив мне доставить ей космический кайф от руки, она вынимает мою руку из себя и поворачивается на другой бок, чтобы из прикроватной тумбы достать презерватив. Ведь нам пока не время думать о третьем малыше, но в перспективе третьей малыш точно есть

Она надевает на член презерватив, и я вхожу в самую лучшую девушку на свете. Мы целуемся, и я снимаю с неё шёлковый топ. Мы горим от возбуждения так, что наши органы пульсируют с бешеной силой. Целую сочную, набухшую и упругую грудь, родинку между грудями, сжимаю ягодицы. А она в это время пытается стонать как можно тише и крепко держится за подголовник кровати, елозя на мне.

Далее, я резко переворачиваю её на спину и целую в шею. Наши ноги сливаются во едино, будто это две длиннющие змеи слились между собой. Мы оба не в силах сдерживать безумные стоны. Поэтому заглушаем их либо в поцелуях, либо уткнувшись друг другу в плечи и грудь.

После двух раз за ночь, мы так изматываемся, что проспать завтра до часов двух или трёх было бы мечтой, а потом бы несколько раз подряд наслаждаться друг другом. Но, нет. Теперь пора помнить, что нас четверо, и двух наших малышей нужно кормить и воспитывать. Поэтому они нас и будят с утра примерно в 11 часов.

Несколько лет спустя

После освобождения Милана помогла мне устроиться на работу к себе в центр соц помощи. Она сначала работала там администратором некоторое время, а я работал физкультурником. Затем ее повысили, она прошла курс обучения на соц работника, и стала там хорошим специалистом. Ей нравится работать с молодёжью, направлять их на правильный путь, помогать выбирать профессию, и решать разные молодёжные вопросы. А я, так как люблю играть в спорт игры с мячом, то проводил разные спорт мероприятия. У нас с Миланкой за весь срок работы в центре имеются по несколько наград и грамот.

В итоге мы там вместе проработали полтора года, накопили хорошую сумму денег, и у нас появилась ещё одна дочка красавица, которую мы назвали Любовью

Чуть позже мы открыли собственный благотворительный фонд «На краю Надежды», который занимается помощью осуждённым и их семьям

«Жизнь нелегка и извилиста, как тропа в лесу, но надежда данная свет, как фонарь в руке путь нам освещает»

Больше книг на сайте — Knigoed.net